

ISSN 0134—3904

Средневековый город

6 выпуск

Средневековый город

ВЫПУСК ШЕСТОЙ

Межвузовский
научный сборник

Издательство
Саратовского
университета
1981

С 23 Средневековый город. Межвузовский научный сб., вып. 6. Изд-во Саратов. ун-та, с. 192.

Сборник содержит статьи по вопросам экономической, социальной, политической, идейной и культурной истории средневекового города, начиная от ранней Византии до эпохи Возрождения. Значительное место занимает проблематика позднего города XIV—XVII вв.

Тематика статей охватывает историю средневекового города во Франции, Англии, Италии, Германии, Швеции, Чехии, Польше, Далмации, Хорватии, у полабско-поморских славян. Большая часть статей написана на основе докладов и сообщений, заслушанных на Межвузовском научном симпозиуме по проблемам истории и историографии средневекового города (Саратов, 11—14 сентября 1977 г.).

Сборник рассчитан на историков — научных работников, аспирантов, студентов, преподавателей школ, а также на широкий круг читателей, интересующихся медиевистикой, славяноведением, византиноведением.

На обложке: рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто
во Флоренции

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. В. А. Ермолаев, проф. А. А. Кириллова, проф. Г. Л. Курбатов, доц. А. Е. Москаленко, доц. Т. М. Негуляева (отв. секретарь), и. о. проф. А. И. Озолин, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. В. В. Штокмар, доц. М. М. Яброва, проф. В. А. Якубский.

С $\frac{163-55}{176(02)-81}$ 37—81. 0504020000

© Издательство Саратовского университета, 1981 г.

СТАТЬИ

С. М. Стам

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

1. С первых шагов своего развития советская медиевистика поставила в центр внимания проблематику генезиса и эволюции аграрных отношений средних веков. И — с полным основанием: именно здесь коренились главные противоречия и, значит, главные пружины развития феодального строя, выросшего на земледельческой, натурально-хозяйственной основе. Вопросы складывания и эволюции феодальной вотчины и феодальной ренты, истории крестьянства и крестьянских движений естественно отодвинули на второй план другие вопросы развития феодального общества. Правда, уже в 30-е годы появились первые исследования В. В. Стоклицкой-Терешкович, посвященные средневековому городу, но широкое обращение к этой проблематике начинается в нашей исторической литературе с 60-х годов. Работы советских историков позволили наполнить осязаемым содержанием марксистский тезис о великом историческом значении отделения промышленного труда от земледельческого и выделения города, как средоточия ремесла и торговли и как могучего стимулятора прогрессивной эволюции всего феодального общества. Вместе с тем явилось множество неясных вопросов, которые прежде либо вовсе не возникали, либо казались ясными или легко разрешимыми. Стало очевидно, что без фундаментального исследования проблем возникновения, социально-экономиче-

ской специфики и закономерностей развития средневекового города невозможно уяснение ни самого аграрного развития второй половины средних веков, ни особенностей классовой борьбы и эволюции государства этой эпохи, ни ее идейных борений и культурного творчества, ни постижение источников того поразительного динамизма, которым, начиная с XI века, отличается западноевропейский феодализм, ни, наконец, глубокое осмысление предпосылок возникновения капиталистического уклада в недрах феодальной формации.

2. Вопросы новизны и преемственности в возникновении средневекового города вновь и вновь возникают перед историками-урбанистами. Несомненно, непрерывность — столь же необходимый компонент всякого движения, как и прерывность. Но реальная преемственность в истории не поддается адекватному постижению в понятиях континуитизма, для которого, вопреки фактам истории, существует только однолинейная протяженность и филиация неких вечных начал и отсутствуют проблемы подъема и упадка, разрыва непрерывности и качественного скачка. Имел ли место элемент преемственности в том грандиозном катаклизме, который пролегал между античностью и средневековьем? Несомненно. Его важнейшее проявление — синтез романских и германских истоков европейского феодализма. Синтез этот отнюдь не был ни плавным, ни мирным и менее всего походил на некую (*sit venia verbo*) конвергенцию. Ведь столкнулись два глубоко различных социальных мира, которые сами по себе слиться не могли. Их столкновение вызвало колоссальные, поистине тектонические, потрясения, составившие целую эпоху в истории Европы. Но и рабовладельческая система у римлян, и первоначально общинный строй у варваров находились в процессе разложения, из которого и тут и там возникали во многом сходные элементы новых экономических отношений. Они-то и обладали способностью к слиянию и обусловили единую тенденцию дальнейшего развития. Из двух огромных социальных кризисов родилась возможность синтеза, как формы реализации исторической преемственности.

Характерная для позднеримского общества аграризация всей экономики, возобладание мелкого натурального хозяйства, а также те отношения экономической зависимости, которые на этой почве возникали, — как нельзя более отвечали уровню общественного развития, достигнутому варварским миром, это могло быть «воспринято». Но как мог быть воспринят античный город тогдашней варварской Европой, которая

не могла бы еще его и прокормить, да и не испытывала в нем никакой потребности? Тем более, — когда в самом римском мире, к моменту его крушения, город успел прийти в глубочайший упадок? Последующее может перенять от предшествующего только то, в чем нуждается, для сохранения чего имеются объективные условия и, естественно, только то, что реально существует и обладает необходимой жизненностью. Античный город V—VI веков этим элементарным требованиям не отвечал. Частичное сохранение в отдельных городах военных, культовых или административных функций не могло уберечь их от увядания в новом, сугубо натурально-хозяйственном мире, не могло сохранить город как экономическое явление, принципиально отличное от деревни.

При этом города обычно не исчезали сразу и полностью. Некоторое время они еще прозябали как пережиточные явления ушедшего прошлого. Натурально-хозяйственные условия раннего средневековья вынуждали их ко все большей аграризации. Их стены могли использоваться феодалами, епископами как крепости, как резиденции, но свою специфически городскую функцию торгово-ремесленных центров, свою городскую суть они утрачивали, и едва где-то вдали элемент качественной определенности. Город — явление многосложное, но прежде всего — это явление экономическое. Пытаясь уйти от этого непреложного факта, историк будет только снова и снова блуждать в дебрях давних или подновленных идеалистических построений. Сохранившиеся старые наименования *civitas*, *urbs* отражали теперь только видимость, а не сущность явления. Смещение того и другого для историка недопустимо. Иначе городами пришлось бы объявить и древнегерманские *oppida*. Факты свидетельствуют, что выделение сакральных, оборонных или административных функций само по себе не могло породить сколько-нибудь значительных и устойчивых поселений, тем более — с экономической структурой, качественно отличной от деревни. Феодализм убедительно доказал, что средоточием этих функций (и в течение долгих столетий) могли быть и поместье, и монастырь.

Иллюзию непосредственной преемственности создает также то обстоятельство, что, когда, с XI века, в Западной Европе начинается бурный процесс возникновения торгово-ремесленных центров, вновь «оживают» и старые города и при этом, как правило, под старыми названиями. Конечно, не старые стены вызвали такое возрождение, но под защитой стен

было легче прилепиться и упрочиться ремесленно-торговому поселению. Главная же причина этой «преемственности» состояла в том, что и античные города возникали в большинстве случаев в пунктах, потенциально наиболее пригодных для реализации экономических функций города, так что и средневековые города очень часто не могли подыскать для себя лучшего месторасположения. Как свидетельствуют факты, такова общая закономерность, то есть абсолютно господствующая тенденция. Она не исключает, но предполагает разнообразие проявлений и возможность некоторых отклонений, обусловленных частью предысторией того или иного города или региона, более же всего — конкретными особенностями того окружения, в котором оказался данный город (или города) и которые продиктовали определенные формы его приспособления к данной новой исторической среде. Очевидно, перед историком — двойственная задача: во-первых, выявить общее единство, т. е. ведущую закономерность, определявшую данный процесс; во-вторых, проследить во всем его конкретном разнообразии то многообразие, в котором это единство реализовалось.

3. Реальность социально-экономической противоположности между городом и деревней в средние века порою ставится под сомнение ввиду многочисленности в эту эпоху полудеревенских-полугородских местечек. Действительно, дифференцировать противоположные явления в истории и выявить движущие противоречия их развития было бы значительно легче, если бы историк имел дело только с крайними формами, диаметрально противоположными друг другу. Но в том-то и дело, что исторический процесс развертывает, наряду с крайними, бесчисленное множество слабо выраженных или переходных явлений. Однако наличие промежуточных форм присуще всякому развитию и служит не отрицанием, а подтверждением реальности крайних типов. Многочисленность мелких городков, местечек, кастеллов и т. д. не может служить доказательством отсутствия принципиально различных экономических структур деревни и города в средние века. Важно выяснить скрытую за этим промежуточным состоянием историческую тенденцию: что перед нами — «остаточные» или зарождающиеся города? Анализ развития полудеревенских местечек XI—XIII веков убеждает: как правило, они эволюционировали в торгово-ремесленные центры, т. е. города. Их многочисленность в средние века — следствие медленности, длительности процесса отделения промышленного труда от земледель-

ческого в условиях феодализма. Но бывали ситуации (и не только в раннее средневековье, в период захирения городов), когда эта форма отражала застой и даже упадок городской жизни в сложившейся неблагоприятной ситуации (например, в позднее средневековье в некоторых районах Германии или в Польше). Изучение сроков, темпов и своеобразия развития мелких городских центров на разных этапах истории феодализма еще только начинается. Оно должно немало обогатить наши представления о многообразии конкретики и единстве главных закономерностей городского развития в средние века.

4. Насколько правомерно определение средневекового города как феодального? При положительном ответе мы должны были бы также античный город назвать рабовладельческим. Однако хорошо известно, что, наряду с рабовладением, в его экономике огромную роль играло самостоятельное мелкое товарное производство свободных ремесленников. Очевидно, предложенное определение может только вульгаризировать картину. Еще менее такое механическое определение приложимо к средневековому городу, который возникал в процессе бегства крепостных из поместий, в процессе отделения собственности, основанной только на труде и обмене, от земельной собственности¹, а его экономическую основу (еще в большей степени, чем города античного) составляло экономически самостоятельное простое товарное производство. В таком производстве работник одновременно являлся и собственником средств производства, оно не производило феодальной земельной ренты, было свободно от феодального надления и потому не укладывалось в рамки феодальных отношений собственности и эксплуатации. Маркс и Энгельс подчеркивали независимость средневекового городского ремесла от земельной собственности², видели в нем форму свободного труда³ «на себя самого»⁴; экономическую самостоятельность выделяли как важнейшую черту этого хозяйственного уклада⁵. Точно так же и В. И. Ленин подчеркивал самостоятельность мелкого товарного производства в ремесле⁶, каковое

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 50.

² См.: там же.

³ См.: там же, т. 21, с. 78.

⁴ Там же, т. 23, с. 518, 774.

⁵ См.: там же, с. 351, 369, 393, 518, 638, 757, 771—772; т. 24, с. 148, 151.

⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 87, 93—94, 104; т. 2, с. 193; т. 3, с. 330; т. 35, с. 195.

решительно противопоставлял экономически несамостоятельному надельному хозяйству феодально-зависимого крестьянина⁷.

Если бы город был явлением собственно феодальным, то есть идентичным, единосущным феодальной вотчине, каким образом мог бы он стать очагом могучего антифеодального — коммунального движения, при этом — задолго до разворачивания великих крестьянских восстаний? Каким образом именно город мог бы стать гнездилищем антицерковных и антифеодальных ересей, оппозиционных политических и философских учений, опытного знания и зачатков «свободомыслия» — всей той средневековой городской культуры, которая в значительной степени подготовила почву для Возрождения? Для марксиста несомненно, что новая политика и новая идеология могут возникнуть только на базе новых экономических, то есть производственных, отношений. Наконец, если город был лишь несколько иным вариантом феодальной вотчины, зачем бы зависимые крестьяне бежали из вотчин в города? В том-то и дело, что самостоятельное хозяйствование городского ремесленника — свободного товаропроизводителя — было тем идеалом, о котором мечтал зависимый крестьянин, держатель господского надела, но в условиях феодальной вотчины идеал этот оставался для него недостижим.

Несомненно, это был город феодальной эпохи. Развиваясь в условиях феодального общества, как носитель подчиненного уклада, он не мог не испытывать на себе известного ассимилирующего воздействия феодализма, не мог в какой-то мере не приспосабливаться к наличному окружению. Это обычно и служит доказательством его феодальности. При этом упускается из виду, что это воздействие не могло вытравить принципиальной новизны выросшего в городе уклада экономически самостоятельного простого товарного производства, не могло остановить развитие этого прогрессивного уклада, не могло сделать город сущностно феодальным.

Маркс указывал на неизбежность заблуждения там, где исследователь «хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления»⁸.

5. Уяснение места и роли города при феодализме невозможно без дальнейшего осмысления концепции средневекового городского развития у Маркса и Энгельса — во всей ее

⁷ См.: там же, т. 1, с. 191, 446, 516; т. 2, с. 537; т. 3, с. 206—207.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 317.

диалектической сложности, отражающей реальную противоречивость исторической действительности. Более того, это требует глубокого осмысления всей марксистско-ленинской трактовки проблемы простого товарного производства и его роли в подготовке к капитализму.

Как известно, разложение феодализма освободило элементы капитализма⁹. Что же именно высвобождалось из-под гнета и стеснений в процессе разложения феодализма? Что именно дало исток капиталистическому развитию? Несомненно, товарное производство. Маркс выразил это с полной ясностью: «Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение»¹⁰. «Товарное производство родило капитализм», — писал В. И. Ленин¹¹.

Чтобы правильно понять экономическое своеобразие и историческое место простого товарного производства как особого хозяйственного уклада, необходимо рассматривать его диалектически. Как отмечал Маркс, мелкое производство при индивидуальной собственности работника на его средства труда образует особый способ производства¹². Он вовсе не является специфическим атрибутом феодализма. Напротив, «этот способ производства встречается и при рабовладельческом и при крепостном строе»¹³, т. е. всюду, где так или иначе начинается процесс отделения ремесла от земледелия. Поскольку это великое разделение общественного труда протекает очень длительно и как бы толчками, нарастая от одной докапиталистической формации к другой, — каждая данная общественная система налагает определенный отпечаток на развивающийся в ее недрах мелкотоварный уклад. Отпечаток этот нужно учитывать, но изменить сущностные черты данного, по выражению Маркса, «особого способа труда» этот отпечаток не в состоянии.

В докапиталистических формациях наибольшего развития этот уклад достигает при феодализме, от которого и наследовал его капитализм, — вот почему Маркс считал возможным частью включить этот уклад в состав базиса феодального способа производства¹⁴. Но, не будучи собственно феодальным,

⁹ См.: там же, т. 23, с. 727.

¹⁰ Там же, с. 157.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 47.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 771, 774—775.

¹³ Там же, с. 771.

¹⁴ См.: там же, с. 346.

этот уклад не гибнет вместе с феодальной системой, но и после ее ликвидации продолжает «существовать наряду с капиталистическим производством»¹⁵. И это естественно, так как только с устранением феодального гнета мелкое товарное производство получает необходимую свободу функционирования и возможность проявить, по словам Маркса, «всю свою энергию». Как подчеркивали и Маркс и Ленин, именно широкое, свободное развитие простого товарного производства создает предпосылки и становится базой интенсивного развития капитализма. Но тем самым этот экономический уклад «сам создает материальные средства для своего уничтожения»¹⁶. Однако без широчайшего развития товарного производства капитализм никогда не мог бы возникнуть.

6. Взаимосвязь между простым товарным и капиталистическим производством органическая, но вместе с тем глубоко противоречивая. Закон присвоения капиталистом прибавочной стоимости, произведенной наемным рабочим, является прямой противоположностью закону присвоения, присущему самостоятельному простому товарному производству, основанному на мелкой собственности самого работника. Но, как неопровержимо показал Маркс, один закон превращается в другой не под воздействием какой-то внешней силы, но «путем собственной, внутренней, неизбежной диалектики»¹⁷. Чтобы мелкий товаропроизводитель мог «превратиться в капиталиста», нужно, чтобы сумма стоимости денег или товаров, которой он располагает, перевалила через определенный минимум: уже простое расширение мастерской цехового мастера может вести к такому качественному скачку¹⁸. При определенных условиях мелкое товарное производство переходит «в капиталистическое товарное производство»¹⁹. Ф. Энгельс в спорах с Дюрингом и его «теорией насилия» развернул дополнительные доказательства глубочайшей экономической обусловленности перехода от простого товарного производства к капитализму²⁰.

Той же глубокой диалектичностью отличается подход В. И. Ленина к рассматриваемому вопросу. Подчеркивая коренное качественное различие между простым товарным хо-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 771.

¹⁷ Там же, т. 23, с. 596—597.

¹⁸ См.: там же, с. 317, 318—319, 333, 638.

¹⁹ Там же, т. 24, с. 43.

²⁰ См.: там же, т. 20, с. 166—167, 648.

зяйством и капитализмом²¹, Ленин в процессе приготовления и возникновения капитализма выделял два основных момента: развитие товарного производства и превращение в товар самой рабочей силы²². И вместе с тем, Ленин с предельной ясностью показывает, что «обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные»²³, является необходимым результатом действия внутренних закономерностей простого товарного производства, которое не может существовать вне постоянных рыночных связей и отношений конкуренции. Поэтому Ленин подчеркивает теснейшую связь товарного хозяйства и наемного труда и доказывает, что на известной ступени развития товарное производство «неизбежно перерождается» в капиталистическое²⁴.

7. Средневековый город был порожден феодальным обществом, в нем он развивался. Как было отмечено, он неизбежно ассимилировал некоторые феодальные формы и нормы. Поверхностный взгляд легко может прийти к выводу (как это произошло в свое время с А. Люшером), что город — просто один из элементов феодальной системы, «коллективная сеньория». Однако для историка всего важнее выяснить ведущую линию развития изучаемого объекта в условиях системы в целом. Какую бы сторону жизни города мы ни взяли, всюду мы обнаружим борьбу противоположных тенденций. Скупка земли горожанами у беднеющего дворянства вела к подрыву монополии земельной собственности, а отсюда — и власти сеньоров; но она же вела к возникновению городского патрициата, с его полуфеодальными чертами. Горожане отвоёвывали определенные права, которые обеспечивали необходимые условия развития ремесла и торговли, но эти права фиксировались в форме вольностей, пожалований, известным образом связывавших город с сеньором, королем, императором. Однако в рамках этой условной зависимости товарное производство и обращение получали интенсивное развитие, а горожане обогащались настолько, что объективно становились сильнее феодальных сеньоров. И даже господство патрициата не могло изменить тех новых отношений труда и собственности, ко-

²¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 520—521.

²² См.: там же, т. 7, с. 111.

²³ Там же, т. 1, с. 87.

²⁴ См.: там же, т. 1, с. 216, 400—401; т. 2, с. 193; т. 3, с. 21.

торые складывались в городе и подтачивали устой феодальной системы. В итоге самостоятельное простое товарное производство и товарное обращение получали широкое развитие, создавая тем самым предпосылки для возникновения производства капиталистического, которое уже требует ликвидации феодального строя. Иными словами, несмотря на все ассимилирующие усилия старой системы, при всем взаимопроникновении наличных противоположностей²⁵, верх брала тенденция, порожденная развитием нового способа труда, возникшего как особый уклад в недрах этой системы.

Эту живую диалектику развития пронизательно уловил и выразил Энгельс, когда, отмечая, что средневековое городское ремесло было пропитано «бюргерски-цеховым духом и ограниченностью»²⁶, что «бюргерская собственность средних веков была еще сильно переплетена с феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий»²⁷, он вместе с тем подчеркивал, что именно у горожан, у бюргеров-ремесленников «хватило силы совершить переворот в феодальном обществе»²⁸, т. е. широко развить и упрочить самостоятельное простое товарное производство, которое своим воздействием глубоко трансформировало феодальные отношения в деревне, а затем дало исток капитализму.

8. Думается, что только при таком, диалектическом подходе может получить правильное освещение проблема места и роли города в феодальном обществе. Порою ее разрешения ищут в понятиях обслуживания феодализма городом. Несомненно, возникновение городов привело к некоторому расширению доходов феодалов — за счет ремесленных, торговых, дорожных пошлин. Но одновременно — и к частичному сокращению их доходов в результате бегства зависимых крестьян, некоторого вынужденного облегчения вотчинных повинностей. Главное же состояло в том, что в городе складывался и быстро возрастал за счет вотчин слой производителей, которые трудились вне земледелия, не были держателями, не находились в непосредственной зависимости от сеньора и доходы которых подавались лишь частично (а не в объеме всего прибавочного продукта) или вовсе не подавались присво-

²⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 53: «горожане были обусловлены своей противоположностью нмевшемуся налицо феодализму».

²⁶ См.: там же, т. 21, с. 406.

²⁷ Там же, с. 412.

²⁸ Там же, с. 407.

ению сеньором. Да и присвоение доли этих доходов сеньорами городов либо ликвидировалось, либо резко сокращалось в результате коммунального движения.

Если бы развитие городов только расширяло поглощающие способности феодальной собственности, то, чем больше развивались города, тем богаче и могущественнее становились бы сеньоры, прочнее и нерушимее — феодальный строй, и царству его, очевидно, не было бы конца. История, как известно, показала другое. Развитие феодализма, как и всякой антагонистической формации, не могло быть односторонним. Средневековый город был порожден противоречиями феодализма, и его развитие резко обострило борьбу противоположных тенденций в этом обществе. При всей реальности тенденции к расширению сферы феодальной эксплуатации, чем дальше, тем больше ведущей становилась тенденция к высвобождению городского товарного производства из-под сеньориального гнета, к более быстрому возрастанию городского богатства, нежели богатства вотчинников. (Ведь впоследствии буржуазия смогла одолеть феодалов в немалой степени потому, что ее источники доходов давали несравненно больше, чем способно было дать феодальное землевладение). Пытаясь противодействовать этой тенденции и изыскать способы присвоения обильных доходов, оставшихся вне досягаемости вотчинного присвоения, с помощью системы государственных налогов, — класс феодалов, как известно, был вынужден пойти на серьезную перестройку системы своего политического господства. Эта перестройка (хотя и болезненная для значительной части правящего класса) немало упрочила позиции феодализма в новых условиях, но в конечном итоге политическая централизация более всего пошла на пользу нарождавшейся буржуазии, выросшей в тех же городах, и облегчила как развитие капитализма, так, затем, и ликвидацию феодальной системы в национальных масштабах.

9. Порою определение коммунального движения как антифеодального вызывает сомнения: ведь горожане не требовали ликвидации феодализма в масштабах страны. Нужно ли доказывать, что для XI—XIII веков такой критерий неисторичен. При диалектическом подходе может быть поставлена под сомнение даже антифеодальность крестьянских восстаний: ведь очень часто они тоже были направлены только против местного сеньора и не выдвигали цельной и последовательной программы ликвидации феодализма. Всякие сомнения относительно антифеодальности коммунального движения отпадут

сами собой, как только историк взглянет на это освободительное движение с единственно правильной — классовой точки зрения. Его результатом, как это подчеркивал Ф. Энгельс, было приращение горожанами доли политической, судебной и военной власти, составлявших прежде непререкаемую монополию феодального дворянства²⁹, а также — немалой доли доходов, которые прежде текли в карманы сеньоров. В коммунальном движении, в завоеванном в его ходе городском праве горожане добивались частичного разрешения того противоречия, в котором развивалось товарное производство при феодализме. Функционирование товарного производства требовало возможно более полной, независимой частной собственности товаропроизводителей, их свободы распоряжаться своей личностью, своими товарами и деньгами, их равенства в качестве товаровладельцев³⁰.

Масштабы социальных и политических завоеваний горожан в каждом отдельном случае были не только локально ограничены, но и различны по объему приобретенных прав и вольностей, и это вполне естественно: не существовало заранее данного абсолютного эталона полноты коммунальных прав, — все решалось реальным соотношением борющихся классовых сил и той обстановкой, в которой эта борьба протекала. Оставив поиски абсолюта юридически мыслящему педантизму, признаем сразу же ограниченность и относительность антифеодальности средневекового города, бюргерства и его освободительного движения. Но относительность нисколько не отрицает реальности данного явления. Примечательно: Энгельс усматривал корни крупнейших еретических движений XII—XIII веков в том обстоятельстве, что наиболее развитые города уже в эту пору переросли рамки феодализма³¹, т. е. рассматривал средневековый город как носителя антифеодальной тенденции, как явление, порожденное феодализмом и, вместе с тем, неспособное уложиться, целиком уместиться в рамках этого строя; отсюда — и антифеодальность городских движений. В. И. Ленин видел в средневековом городском самоуправлении определенную, исторически конкретную форму демократии³².

Антифеодальность присуща освободительному движению в средневековых городах не только на его первом, собственно

²⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 309, 312.

³⁰ См.: там же, т. 23, с. 83, 84, 94, 97.

³¹ См.: там же, т. 7, с. 361.

³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 498.

антисеньориальном, этапе. Второй этап, когда община (прежде всего цехи) поднималась против правящего полуфеодального патрициата, означал дальнейшее углубление антифеодальной борьбы, отражавшее более высокую ступень развития городского товарного производства.

10. Вопрос о классовой определенности бюргерства (понимаемого в широком, социальном смысле как обозначение средневековых горожан) сложен. С одной стороны, присущая этому слою нестрога состава (от ремесленного подмастерья до ростовщика), видимо, делает невозможным единое классовое определение или, если и допускает его, то лишь с большими оговорками. С другой, факты свидетельствуют, что в борьбе против сеньориального режима этот слой в большинстве случаев выступал как единая сила (хотя формы участия его составляющих были различны), что заставляет искать какой-то принципиальной общности в самых основах социального бытия этого слоя. Очевидно, это противоречие лишь отражает глубокую противоречивость самого средневекового города и его отношений с той феодальной системой, в недрах которой он возник и развивался. Развитие самостоятельного простого товарного производства неизбежно порождало отпочкование купеческого капитала и кредита, а также выделение подмастерьев, имущественное расслоение в среде мастеров и т. д. Средневековые горожане не могли быть однородной массой. Вместе с тем все они, так или иначе, были связаны с товарным производством, с товарным и денежным обращением, были живейшим образом заинтересованы в их максимально свободном развитии, — и это, при всех различиях, обуславливало социальную цельность слоя средневековых горожан, их своего рода классовую общность перед лицом господствующего феодального класса, поглощавшего значительную долю городского накопления. Вот почему Маркс и Энгельс считали вполне допустимым в отношении средневековых горожан применение понятия класса³³.

³³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 53; т. 20, с. 106; т. 21, с. 407. Напомним, что В. И. Ленин, подчеркивая, что к концу XIX века русское крестьянство фактически уже распалось на сельскую буржуазию и сельский пролетариат (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 166), что «в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом» (там же, т. 6, с. 312), вместе с тем считал необходимым отметить, что «против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться классом, именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т. е. классом-сословием» (там же, с. 311; см. также: т. 7, с. 177—178).

Сущность класса может быть правильно понята только в процессе его развития. По мере раскрытия противоположностей, заложенных в средневековом бюргерстве, класс этот сам начинал раскалываться на противоборствующие слои, а затем — на антагонистические классы (наступит и такой момент, когда и противоречия между мастером и подмастерьем приобретут характер классового антагонизма)³⁴. Но это могло совершиться только в процессе рождения капитализма. Что же касается предшествующей эпохи, когда экономическим субстратом средневекового слоя горожан оставалось самостоятельное простое товарное производство, то представляется весьма плодотворным взгляд тех историков-марксистов ГДР, которые видят плавную формообразующую основу этого класса-сословия в широком слое ремесленных мастеров и торговцев — слое, наиболее полно отражавшем потребности развития товарного производства и обращения, свободного функционирования закона стоимости.

11. Все развитие средневекового города органически связано с развитием феодальной деревни, но в характере этой взаимозависимости, ее динамике, и, так сказать, в ритмике средневекового городского развития далеко не все еще ясно. А без этого не может быть понята ни динамика развития всего феодального общества, ни роль города в этом развитии и в подготовке капитализма. В раннее средневековье, пока земледелие оставалось на очень низком уровне и еще не завершился процесс становления феодальной вотчины со всеми присущими ей противоречиями, не существовало ни потребности, ни возможности отделения экономически самостоятельного ремесла, а значит, и возникновения города как жизнеспособного экономического (а отсюда — социального и всякого иного) явления. Каролингская эпоха показала это очень убедительно. Только к началу XI века значительный подъем производительных сил и связанный с этим подъем демографический, а также резкое обнаружение внутренних противоречий сложившейся феодальной вотчины, — вызвали мощный выброс «избыточного» сельского населения, вынужденного искать неземледельческого приложения труда, что создало реальную базу для возникновения городов. (В Италии, в силу создавшихся исключительных условий, пробуждение городов началось двумя столетиями раньше, и этот «сверххранный» город представляет особый, очень своеобразный этап город-

³⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 424.

ского развития, требующий дальнейшего изучения; однако, как свидетельствуют факты, подлинный взлет городской жизни и в Италии развертывается с XI века, в связи с широким притоком сельских переселенцев). С этого времени начинается (и длится приблизительно до конца XIII века) период зрелости, или расцвета, феодальной формации, когда раскрываются все ее внутренние противоречия и возможности, благодаря чему все развитие необычайно интенсифицируется. Ярчайшие проявления — внутренняя колонизация и город, это детище поворотного XI века.

Город был и следствием, и катализатором развертывания внутреннего антагонизма феодального способа производства и стимулятором прогрессивных перемен в феодальном обществе. При этом глубокая противоречивость процесса проявлялась в том, что и крестовые походы, и внутренняя колонизация, и бегство сервов в города несомненно разрядили обстановку в деревне, как бы облегчили острейшие трудности хозяйствования и господства правящего класса, и, казалось бы, способствовали упрочению его позиций. Но вместе с тем города внесли в жизнь феодального общества такие новые экономические и социальные начала, такую мощную струю беспокойства и открытого сопротивления, что вся феодальная система, дабы сохранить себя, вынуждена была перестраиваться и приспосабливаться.

Было бы глубоким заблуждением, исходя из качественной новизны экономики средневекового города в отношении феодально-поместной структуры собственности и эксплуатации, — видеть в городе нечто внешнее по отношению к феодальному обществу. Новое рождается из старого и именно в силу этого не может не противостоять ему, не воздействовать на него активно. Городское самостоятельное простое товарное производство в сфере промышленного труда было тем новым, что закономерно рождалось из внутренних противоречий феодализма и в силу этой новизны, в свою очередь, должно было стать могучим стимулом поступательного развития феодального общества, интенсивного развертывания его внутренних потенциалов.

Активное взаимодействие города и деревни было одновременно и предпосылкой и фактором расцвета феодализма. Оно не было равнозначным, — ведущая роль принадлежала городу. Суть этого взаимодействия — известная товарная эволюция хозяйства зависимых крестьян и переход вотчинников к денежной ренте — последней экономической возможности

феодализма. Здесь — существенные сдвиги (в пределах системы феодальной эксплуатации); напротив, некоторая феодальная аккомодация города носила в основном формальный, поверхностный характер. Это показало дальнейшее развитие: город не ассимилировался вотчиной, первоначальное господство деревни уступило место преобладанию города над деревней, что предопределило весь дальнейший ход развития и физиономию общества на пороге нового времени.

12. Казалось бы, городское развитие должно было и далее нарастать в прежнем ритме и направлении. Однако, странным на первый взгляд образом, с начала XIV века все больше вырисовывается явное торможение: новые города почти не возникают, рост старых приостанавливается, порою — прекращается, патрициат, цеховые союзы закостеневают, более или менее полно замыкаются, категория бюргерства все более ограничивается юридически очерченным кругом полноправных граждан, коммуны превращаются в ширмы патрицианской тирании. Город безжалостно подавляет деревенское ремесло в округе и если не захлопывает вовсе своих ворот перед новоселами, то немногочисленные приселенцы из деревни в большинстве случаев оказываются в его стенах вне коммуны, вне цеха, на положении поденщиков — плебеев, почти париев. Для деревни это не проходит бесследно: теперь накапливающие в поместье силы антифеодального протеста, не имея внешнего оттока, неизбежно выливаются в невиданные до того, грандиозные крестьянские восстания — вот когда наступает их время.

Но что же город: неужели впадает в спячку, и его историческая роль сыграна? Западноевропейский город XIV—XV веков еще ждет глубокого изучения, его экономическая и социальная история еще многое должны раскрыть. Но, очевидно, впечатление стагнации обманчиво. Действительно, мелкотоварное производство, с присущей ему тенденцией к монополии и ограничительной регламентации, свои возможности исчерпало. Но именно его разложение, неизбежное при господстве рынка и конкуренции, необходимо вело к зарождению капиталистических отношений. Дифференциация в среде мелких самостоятельных производителей, все более активное вторжение в сферу производства носителей купеческого капитала в качестве скупщиков и раздатчиков сырья порождали, с одной стороны, зародышевых капиталистов, а с другой — потенциальных и реальных наемных рабочих.

В действительности за кажущейся застойностью позднего города в наиболее развитых центрах шел глубокий внутрен-

ний процесс возникновения зачаточных форм капитализма — сначала формального, а затем и реального подчинения труда капиталу. Процесс этот был объективно подготовлен еще внутри цехового ремесла, где вопреки уравнилельным ограничениям уже шло подспудное накопление капиталов и разорение ремесленной массы. Но, чем дальше, тем более, закостеневшая цеховая политика становилась непреодолимой преградой, и капиталы, накопленные в городе — в торговле, банковском деле, ремесле, — находили пути эксплуатации разорявшихся деревенских ремесленников и других мелких производителей и создавали в сельской местности очаги капиталистической мануфактуры. Эти процессы были в значительной степени и предпосылкой и формой реализации и следствием процесса так называемого первоначального накопления. Сколь бы ярко они ни проявляли себя в деревне, их главным источником был город, и они смогли широко развернуться только там, где в средние века широко развилась их решающая подоснова — самостоятельное простое товарное производство, эволюция которого порождала элементы капитала и наемного труда.

Г. Л. Курбатов

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

Типологические особенности развития византийского города привлекают в последние годы все большее внимание исследователей. Интерес к ним связан, с одной стороны, с действительно несколько более значительной общей ролью города в истории Византии, с другой — с углубленным общими типологическими особенностями всего византийского общества. Именно работы последнего рода, среди которых видное место занимают труды советских исследователей¹, более четко поставили

¹ См., например: *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии (Постановка проблемы). — В кн.: *Византийские очерки*. М., 1971, с. 23—85; *Она же*. Византия и Западная Европа (Типологические наблюдения). — В кн.: *Византийские очерки*. М., 1977, с. 21—24; *Удальцова З. В., Осипова К. А.* Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 20—21; *Гутнова Е. В., Удальцова З. В.* К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе. — В кн.: *Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования*. М., 1975.

проблему типологии византийского города как составную часть общей проблемы типологического своеобразия византийского общества. Стали появляться и специально посвященные этой теме исследования. Однако, как правило, они относятся к развитому византийскому городу, выявлению специфических его черт в эпоху феодализма². Между тем многое в своеобразии византийского города в немалой степени было обусловлено начальной эпохой его существования — ранневизантийской. Именно с этой точки зрения заслуживает особого внимания то, что византийский феодальный город унаследовал от предшествующего, ранневизантийского.

Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые в целом сближают общие судьбы византийского и западного города в эпоху перехода от античности к феодализму³. Но это оправданное сближение ставит и проблему отличий. Историки Византии совершенно справедливо отмечают, что расцвет византийского города приходится на начальный, ранневизантийский период его истории⁴. Однако, по сравнению с предшествующим периодом, это не был подъем⁵. Последние работы по восточноримскому городу II в. показывают, что ранневизантийский все же много уступал ему по уровню муниципальной, городской жизни⁶.

Ранняя Византия была действительно «страной городов» (исследователи насчитывают их до 1500). И мы не склонны для этой эпохи недооценивать значение полиса как города. Едва ли можно признать убедительными утверждения, что полис-муниципий «не был торгово-ремесленным центром по преимуществу», и попытки на этом основании противопоставить его средневековому городу⁷. На материале ранневизантийского Оксиринха — типичного позднеантичного аграрного

² См., например: Вернер Э. Византийский город в эпоху феодализма: типология и специфика. — ВВ, 1976, 37, с. 8—12; доклады В. Хроковой на XIV и XV Международных конгрессах византиноведения по типологии византийского города XI—XIII и XIV—XV вв. (см. материалы конгрессов).

³ См., например: Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века. — ВИ, 1978, № 4, с. 97—99.

⁴ Удальцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций, с. 144.

⁵ Сюзюмов М. Я. Византийский город (сер. VII — сер. IX вв.). — ВВ, 1967, 27, с. 39.

⁶ Меньшикова Л. Ю. Герод Аттик и его время. Автореф. канд. дис. Л., 1978; Смирнова И. К. Муниципальная политика Траяна в провинции Вифиния-Понт. — ВДИ, 1976, № 1, с. 129—146; и др.

⁷ Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город, с. 96, 100.

полиса — И. Ф. Фихман убедительно показал, что это был в полном смысле слова город — с развитым ремеслом и торговлей, со значительным и самостоятельным слоем торгово-ремесленного населения⁸. Думается, что западный средневековой город не очень быстро стал хотя бы таким же центром ремесла и торговли, то есть товарного производства, как античный полис.

Весь итог эволюции и упадка античного полиса и заключался в том, что он перестал быть городом, то есть не из одного типа аграрного поселения превратился в «еще более аграрное», а из города — в поселение деревенского типа. Как видно из материалов И. Ф. Фихмана, на протяжении IV—VI вв. ранневизантийский город продолжал оставаться городом. Это не значит, что он не эволюционировал. Некоторым представляется, что он благополучно просуществовал до конца VI в.⁹. По-видимому, это не совсем так, хотя многие города в какой-то мере «дотянули» до конца VI в.¹⁰ Подъем многих крупных приморских и торговых центров, основание ряда новых городов не могут скрыть от нас факта постепенного упадка на протяжении IV—VI вв. массы мелких античных полисов¹¹, постепенной утраты ими своего городского образа жизни и облика. Уже в IV в. Либаний писал, что многие мелкие полисы по своему образу жизни все более приближаются к деревням¹².

Качественные изменения стали в полной мере проявляться к концу VI в., что и послужило основанием для представлений о резком переломе, перерыве «процветания» города именно

⁸ Фихман И. Ф. Оксиринх — город папирусов. М., 1976; Он же. Социально-экономические отношения в египетском городе IV — середины VII вв. Автореф. докт. дис., Л., 1974, с. 17: «Аграрный характер Оксиринха не только не исключал, но даже предполагал наличие в нем развитого ремесленного производства и оживленной торговой деятельности, предназначенной способствовать удовлетворению потребностей самого сельскохозяйственного производства в необходимых орудиях труда, переработки сельскохозяйственной продукции, реализации той ее части, которая шла на рынок».

⁹ Такова, например, точка зрения Э. Кирстена (Kirsten E. Die byzantinische Stadt. Berichte zum XI. Internat. Byzantinisten Kongress, München, 1958, S. 19—48), а также М. Я. Сюзюмова (Византийский город, с. 36).

¹⁰ Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма, с. 150—151: «В ранней Византии вплоть до VII в. город явно доминировал над деревней».

¹¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971.

¹² Liban. Orat., XL, IX, 31.

в этот период, для попыток объяснить этот упадок воздействием внешних факторов, варварскими вторжениями¹³.

Обычно акцентируют внимание на замедленности упадка античного общества, и города в частности. Это верно, но дело не только в этом. В. И. Кузищин справедливо поставил вопрос о качественном различии этапов развития античного общества¹⁴. И в этом смысле мы можем говорить не только о застойности, но и об определенном развитии в ранней Византии в рамках позднеантичной эпохи. Упадок античной полисной организации не был здесь столь прямолинейно связан с упадком рабства и муниципального землевладения, как на Западе. Нельзя недооценивать значения античной полисной организации. Ее оценка только с точки зрения «сохранения или подавления» муниципальных свобод и автономии давно привела к отрицанию ее реального значения в позднеантичный период; в ней видели просто придаток бюрократического аппарата¹⁵. В последние годы все больше исследователей выступает против недооценки ее социальной значимости, как важнейшей социальной ячейки позднеантичного общества до самого конца его существования¹⁶.

Все это особенно относится к ранней Византии. Здесь у муниципальной организации были дополнительные «опоры»: наличие значительного свободного сельского населения в округе, связанного как с муниципальной организацией, так и с городским рынком, поддерживавшего существование городского торгово-ремесленного населения. Положение последнего было более устойчиво и оно в немалой степени своим участием поддерживало городскую жизнь. Оно было достаточно сильно и влиятельно. И хотя народные собрания, в их прежнем значении, в городах восточных провинций не сохранились, тем не менее и незадолго до образования Византии выборы городских магистратов в некоторых городах осуществлялись с офи-

¹³ Слозюмов М. Я. Византийский город, с. 44; Он же. О функциях раннесредневекового города. — АДСВ, Свердловск, 1977, 14, с. 36—37.

¹⁴ Кузищин В. И. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества. — ВДИ, 1974, № 3.

¹⁵ Bury J. V. History of the Later Roman Empire. London, 1893, vol. 1, p. 13; Гутнова Е. В., Удальцова З. В. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе, с. 150—151.

¹⁶ Hammond M. The City in the Ancient World. Harvard Univ. Press. Camb. Mass., 1972, p. 361: «в период Поздней Римской империи муниципий все еще составлял основу общества, правления и культуры»; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. Paris, 1975, p. 27—29.

циальным и реальным участием ремесленных корпораций, как обязательных и представительных выборщиков¹⁷. Сословие куриалов в ранней Византии было несколько иным, более многочисленным. Если для западных курий мы имеем стандартный состав в 100 куриалов — узкой муниципальной аристократии, резко отделенной своим имущественным положением от остальной массы населения, то в городах восточных провинций — это более широкая и дифференцированная городская верхушка, до 200—600 семей куриалов разного достатка. Многообразие муниципальных функций в восточноримском городе с его сложной округой, многообразными городскими обязанностями издавна сложило здесь мощный слой куриалов — от относительно бедных до богатых¹⁸. Именно поэтому обеднение и разорение первых еще не отражало общего изменения положения сословия куриалов в целом.

Примечательны выводы Ж. Дагрона в его последней работе, в частности о процессе формирования сенаторского сословия в ранней Византии: оно в значительной мере комплектовалось за счет муниципальной верхушки, число сенаторов выходцев из демократических кругов, обладателей «денежных» богатств — было не так велико, как это казалось раньше¹⁹. Активный процесс пополнения сенаторского сословия куриалами продолжался до самого конца V в. Сенаторская элита Византии была в значительной своей части куриального происхождения²⁰. А это во многом объясняет и характер ее отношений с императорской властью. Сила византийской централизованной государственности во многом объясняется тем, что ее опорой составляла трансформировавшаяся в сенаторское сословие муниципальная верхушка, не порвавшая с городом и ставшая опорой центральной власти и государственного управления в провинциях.

Сильную византийскую государственность поддерживали противоречия внутри ранневизантийского полиса. Знаменитая

¹⁷ Jones A. H. M. The Roman Economy. Studies in Ancient Economic and Administrative History. Oxford, 1974, p. 13—14; ср.: Irmscher J. Die hellenische Polisideologie und die Byzantiner. — In.: Hellenische Polis. Berlin, 1973, S. 1639—1657.

¹⁸ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития, с. 151—155.

¹⁹ Dagron G. Naissance d'une capitale. Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974, p. 178—190.

²⁰ Там же, с. 153—170. Отчасти муниципальным происхождением, по-видимому, объясняются и сравнительно небольшие средние размеры сенаторского землевладения.

речь Либания «О патронатах» рисует сложную картину отношения полиса со своей сельской округой, подвластной ему территорией²¹. С одной стороны, курялы грабят и обирают крестьян — плательщиков податей. С другой, как имущественно ответственные за поступление налогов, они не заинтересованы в окончательном разорении крестьян. Складывается сложная система отношений. Сплоченная деревенская община дает отпор вымогательствам и притеснениям курялов. В этом она находит поддержку у государственной администрации. Община прибегает к патронату как средству защитить свои интересы, но отнюдь не желает попасть под власть патрона. Поэтому патронат далеко не всегда приводит здесь к утрате крестьянами своей земли. Государство не поощряло развитие патроната; крестьяне имели у него поддержку, когда патрон начинал чересчур упрямить их интересам. Это сложное переплетение противоречий позволяло государству играть роль «регулятора» имущественных отношений²².

Все это приводило к тому, что в условиях упадка муниципального землевладения и роста крупного частного землевладения в ранней Византии в качестве основной хозяйственной единицы и формы поселения упрочивалось не поместье, а деревня, нередко с разными категориями населения как свободное, так и зависимое. Такого рода тип большой деревни укрепляется к концу VI в.²³ Причем, если, с одной стороны, хозяйственная самостоятельность земледельцев поддерживала значение города, городского рынка, то, с другой, — развитие таких крупных селений, в которых, как показал П. Каранис в своих работах по демографии Византии, число жителей достигало иногда тысячи, создавало благоприятные условия для укрепления в них собственного ремесла. Эта ситуация поддерживала активную городскую жизнь, городское торгово-ремесленное население, которое было достаточно самостоятельным.

В какой-то мере сила позднеантичного полиса сказалась и на положении византийской церкви, ее роли в городе. Она не стала столь доминировать в его жизни, как на Западе, ока-

²¹ Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город (Аптюхия в IV в.), Л., 1962, с. 47.

²² Литаврин Г. Г., Е. Э. Липшиц. Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976. Рец. — ВВ, 1978, 39, с. 232.

²³ Loos M. Quelques remarques sur les communautés rurales et la grande propriété terrienne à Byzance (VII—XI siècles). — Byzantinoslavica, 1978, 39, 1.

залась более подчиненной полисным традициям и интересам. В какой-то мере она была более «городской». Это сказывалось во многом: в ранней Византии все полисы, даже самые мелкие, были центрами епархий; здесь лишь в VI в. четко оформилось выделение клира как сословия; городская община играла более активную роль при поставлении священников и епископов; церковь и клирики в большей степени зависели в своих доходах от приношений прихожан; многие имущества церкви не являлись ее собственностью; церковь была более зависима и связана с интересами городской организации²⁴.

Во второй половине VI в. ситуация, по-видимому, меняется, и мы можем говорить о решительном упадке массы мелких полисов. Происходит перелом к аграризации многих городов, отток части их торгово-ремесленного населения в деревню. Также и часть земельных собственников перебирается в свои деревенские владения, становясь «деревенскими господами». Как показал М. Лоос, деревня, которую рисует нам в конце VI — начале VII в. житие Феодора Сикеота, по существу уже мало отличается от той, которая предстает перед нами в житии Филарета Милостивого²⁵. Последняя уже живет независимой от города жизнью²⁶. Ее хозяйственные связи с ним почти не ощутимы. Город — лишь далекий центр власти.

Вероятно в VII в. и стираются существенные различия между аграризовавшимся мелким полисом и большой деревней. Византийское общество становится аграрным, «деревенским». Наследием ранневизантийского развития было то, что в Византии, по-видимому, сохранилось немало бывших полисов, по существу местечек, аграрных поселений с известным ремесленным населением и торговыми функциями типа

²⁴ Beck H. G. Kirche und Klerus im staatlichen Leben von Byzanz. — Revue des études byzantines, 1966, 24; Holweg A. Bischof und Stadtherg im frühen Byzanz. — Jahrbuch des Österreichischen Byz. Gesellschaft, 1971, XX, 19, S. 51—62; Jones A. H. M. Church Finance in the Fifth and Sixth Cent. — Journal of Theological Studies, 1960, XI, 1, p. 89—94. Guillaou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin au VII-e siècle L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Rome, 1969, p. 164; и в VII в. церковь в большей степени, чем на Западе, выступала в городе в качестве «агента» и представителя государства, а не как абсолютно независимая сила, в том числе и в сфере городского «самоуправления».

²⁵ Loos M. Quelques remarques... p. 3—16; Pallagean E. Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance IV-e—VII-e siècles. Paris, 1977, p. 1.

²⁶ Yannopoulos P. A. La société profane dans l'Empire Byzantin des VII, VIII et IX-e siècles. Louvain, 1975, p. 182.

Лампсака — с его 800-1000 жителей, преимущественно крестьян²⁷. Но своеобразие ранневизантийского городского развития было и то, что город в процессе своего постепенного упадка смог в достаточной степени «поддержать» и укрепить деревенское ремесло настолько, что в глазах части исследователей различия в этом отношении между городом и деревней стираются: византийское общество выступает как достаточно «гомогенное»²⁸.

Таким образом, не внешние обстоятельства, не варварские вторжения сокрушили ранневизантийский город²⁹. Они пришлись на то время, когда он уже находился на пороге прекращения своего городского существования, и лишь ускорили этот процесс. Более того, приток нового населения, общинного крестьянства, закрепил те тенденции развития византийской деревни, которые наметились в предшествующий период: уровень хозяйственного развития славян и других поселенцев на территории Византии не дает оснований думать, что их вселение могло поддержать развитие византийского города³⁰. Наоборот, оно стимулировало и укрепило деревенское ремесло, достаточно развитое у них еще до прихода на территорию Византии. В итоге здесь укрепилась развитая деревенская экономика с собственным ремеслом, наличие и устойчивость которого не создали в Византии благоприятных условий для последующего быстрого отделения промышленного труда от сельского хозяйства, возникновения, как на Западе, массы мелких торгово-ремесленных центров — городов. С этого времени Византия всегда оставалась страной с развитым деревенским ремеслом, резкой противоположностью между городом и деревней не существовало.

Новые материалы раскопок не только подтвердили несомненный крутой перелом в развитии византийского города на

²⁷ Литаурин Г. Г. Провинциальный византийский город на рубеже XII—XIII вв. (по материалам налоговой описи Лампсака). — ВВ, 1976, 37, с. 17—29.

²⁸ Magoulias H. J. Trades and crafts in the sixth and seventh centuries as viewed in the Lives of the Saints. — Byzantinoslavica, 37, 1, p. 11—35.

²⁹ Как, например, считает М. Я. Сюзюмов: «мы не можем игнорировать военных событий и считать структурными сдвигами то, что являлось в сущности следствием войн» (Византийский город, с. 44).

³⁰ Свердлов М. Б. Общественный строй славян в VI — начале VII вв. — Советское славяноведение, 1977, № 3, с. 57—59; Литаурин Г. Г. Темпове и специфика на социално-економическото развитие на средновековна България в сравнение с Византия. — Исторически преглед, 1970, № 6, с. 27.

рубеже VI и VII вв., его продолжавшийся упадок в VIII и до середины IX в., но в какой-то мере и неизбежность, естественность этого процесса для Византии. Особенно показательны, на наш взгляд, материалы раскопок К. Фосса в Сардах³¹. Во-первых, они окончательно подорвали очень распространенные среди византийских представлений, будто функции епархиального центра должны безусловно обеспечивать сохранение города³². Сарды были не только епархией, а даже митрополией, тем не менее это не предотвратило упадок и даже фактический распад города. Материал Сард показывает, что этот некогда крупный город переживал в VIII—IX вв. неуклонный упадок. В конечном счете он физически распался на центр-митрополию и ряд окружавших его селений с собственным ремеслом, мало связанных друг с другом³³. Определенное время города, как такового, вообще не существовало.

Материал Сард и других городов этого района показателен и в другом отношении. Речь идет о Малой Азии — той области Византии, которая в наибольшей мере сохранила «преемственность» с предшествующим развитием. Она меньше пострадала от варварских вторжений, в ней не было такого массового притока нового аграрного населения, которое могло существенно изменить условия развития города. Материал городов Малой Азии, таким образом, особенно убедительно подтверждает внутреннюю закономерность и неизбежность упадка городов и городской жизни с крушением античности и опровергает представления о преимущественной зависимости этого упадка от внешних факторов. Характерно, что Сарды в значительной степени и довольно быстро восстановили свое значение вскоре же после военных потрясений начала VII в.³⁴ Последовавший затем с последней трети VII в. их медленный, но неуклонный экономический упадок был результатом не внеш-

³¹ Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. Harvard University Press, 1976.

³² Сюзюмов М. Я. Указ. соч., с. 36. Для раннесредневекового Запада эта точка зрения в достаточной степени опровергнута (см.: Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века, с. 100); Ostrogorski G. A. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. Dumbarton Oaks Papers, 1959, 13.

³³ Foss C. Byzantine and Turkish Sardis, p. 67, 75—76; p. 76: «The break with the late antique past was quite complete and the medieval city was a very different organism from the classical one».

³⁴ Foss C. Byzantine and Turkish Sardis, p. 57. Анализ материала по VII в. см.: Byzantina, 9, Thessaloniki, 1977, p. 483.

них вторжений, а эволюции экономики, ее углублявшейся аграризации.

Материал Сард привлекает внимание и в другом аспекте. В монографии, посвященной ранневизантийскому городу, мы уже имели возможность показать, что на базе медленного упадка массы мелких полисов в IV—V вв. происходит значительный, но временный подъем крупных городских центров³⁵. Сарды подтверждают правильность этого вывода: в IV—V вв. город переживает период нового подъема, который достигает апогея к концу V в.³⁶ Затем наступает эпоха стагнации и медленного упадка к концу VI в. С VII в. начинается быстрый упадок крупных городов, продолжавшийся до второй половины IX в., и, как мы видели выше на примере этого города, для многих из них упадок этот доходил до фактического исчезновения как городов на достаточно длительный период^{36а}.

В течение долгого времени одним из косвенных, но, на первый взгляд, неоспоримых, доказательств сохранения городов и даже господства «городской экономики» в Византии VII—IX вв. был нумизматический материал и другие данные, свидетельствующие о сохранении значительного уровня товарно-денежных отношений³⁷. Правда, и в эти данные были внесены известные коррективы³⁸. Однако данные раскопок не дают достаточных оснований столь прямолинейно, как это делалось раньше, связывать относительно высокий уровень товарно-денежных отношений с сохранением массы городов. Вероятно, мы имеем более сложный комплекс обстоятельств, не связанных исключительно с городом. Вряд ли можно принять точку зрения тех исследователей, которые считают возможным говорить только об «аграризации», но не о «натурализации» экономики Византии³⁹. Первая неизбежно вела ко

³⁵ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития, гл.: Развитие крупных византийских городов, с. 80—119.

³⁶ Foss C. Byzantine and Turkish Sardis, p. 16—51.

^{36а} Foss C. Archeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia. — American Journal of Archeology, 1977, 81, p. 469—486.

³⁷ Соколова И. В. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—IX вв. — ВВ, 1959, 15 и др.

³⁸ Ostrogorski G. A. Byzantine Cities; Vrionis S. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741) — ЗРВИ, 1963, VIII, 1.

³⁹ Zakythinos D. La grande breche dans la tradition de l'Hellenisme du VII-e au IX-e siècle. — In.: Byzance: Etat-Société-Economie. London, 1973; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin, p. 31; Köpstein H. Zur Rolle der Agrarbevölkerung in Byzanz im ausgehenden 6. und 7. Jahrhundert. — In: Byzanz im VII. Jahrhundert. Die Probleme der Herausbildung des Byz. Feudalismus. Berlin, 1977.

второй, и натурализация хозяйства несомненно происходила в VII—IX вв. Специфика развития Византии, по-видимому, заключалась не в том, что продолжала процветать городская экономика, а в том, что замедленность упадка города и городской жизни в ранней Византии поддержала достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений в византийском обществе в целом, затормозила натурализацию хозяйства деревни. Более устойчивая византийская государственность смогла более эффективно поддержать, сохранить их в условиях раннефеодальной Византии, что и привело к закреплению централизованных форм эксплуатации, и, в свою очередь, способствовало большей устойчивости раннефеодальной государственности⁴⁰.

В своеобразии городского развития Византии немалое место отводится роли и влиянию Константинополя. Гипертрофированная, супергигантская столица империи от начала и до конца ее существования была неоспоримо доминировавшим в ее жизни центром, в отличие от многих средневековых государств⁴¹. Появившиеся в последние годы работы несколько иначе, чем раньше, рисуют характер и историю возникновения и раннего развития Константинополя⁴², что позволяет более органично связать ее со становлением и развитием ранней Византии. Дагрон, автор исследования о первом столетии существования византийской столицы, не случайно внес в его название слово «naissance». В центре его внимания не создание «второго Рима» на Востоке, а рождение Константинополя как несомненного «новообразования», а не дубликата Рима. Автору удалось удачно выделить те существенные черты, которые принципиально отличали Константинополь от Рима. Императорская столица, центр бюрократического управления, во всей системе внутренних отношений лишенный многих традиций Рима, с иными институтами, — город, в котором ни сенат не был копией римского, ни права и положение народа столицы не были прямой копией прав римского

⁴⁰ Уже со времени Анастасия правительство вынуждено было принимать энергичные меры по поддержанию товарно-денежных отношений, обмена между городом и деревней, насильственно стимулируя его переводом части платежей сельского населения в денежную форму. О возрастающих административных усилиях использовать сохранявшиеся возможности см.: Handy M. F. On the administrative Basis of the Byzantine Coinage... — Univ. of Birmingham Historical Journal, 1970, XII, N 2.

⁴¹ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 12.

⁴² Dagron G. Naissance d'une capitale, p. 7, passim.

porulus romanus. Автор приводит убедительный материал, свидетельствующий о том, что ни основатель византийской столицы, ни его ближайшие преемники не рассматривали Константинополь как «второй Рим», замену и антагониста первого. В их глазах он был лишь «дополнением» к старой столице, ее «продолжением», необходимым для сохранения единства империи и власти Рима в новых условиях. Таким образом, Константинополь, со всеми его особенностями, выступает как порождение потребностей и условий позднеантичной эпохи. Именно благодаря этому он смог возвыситься в эту эпоху и, в отличие от Рима, пережить ее⁴³.

Дагрон убедительно показал, что возвышение и рост Константинополя — это сложный и длительный процесс. Громадной столицей и центром восточных провинций он стал лишь в последующую эпоху, когда по-настоящему реализовались особенности развития этих провинций⁴⁴. Но Дагрон рассматривает Константинополь в своеобразии его институтов скорее как средство «реструктуризации» империи сверху, чем как несомненное, в конечном счете, порождение развития отношений в восточных провинциях⁴⁵.

В крупнейший город империи, доминировавший не только политически, но и экономически, Константинополь превратился лишь в V—VI вв.⁴⁶ Его рост во многом был связан с подъемом крупных городов, а с конца V в. уже в какой-то мере начал идти и за счет них. Следовательно, образование гигантской столицы Византии никак нельзя не связывать с самим своеобразием эволюции ранневизантийского общества и города, замедленностью упадка последнего, процессом временного подъема особо крупных городов при общем медленном упадке города в целом. В эпоху Юстиниана Константинополь стал не только огромным центром потребления, но и крупнейшим центром производства⁴⁷. С упадком других городов,

⁴³ Это обстоятельство было отмечено и Ф. Энгельсом, который подчеркнул эту разницу судеб Рима и Константинополя в эпоху поздней античности: «Вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 507).

⁴⁴ Beck H. G. Grossstadt-Probleme: Konstantinopel vom 4—6 Jahrhundert. — In: Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973, S. 1—26.

⁴⁵ См. нашу критику работы Дагрона: Kurbatov G. L. G. Dagron. Naissance d'une capitale. — In: Byzantioslavica, 1978, 39, 1, p. 45—49.

⁴⁶ Jacoby D. La population de Constantinople à l'époque byzantine. — Byzantion, 1961, 31; Dagron G. Naissance, p. 521—525.

⁴⁷ Удальцова Э. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии, с. 25.

потерей ряда областей, городов Александрии, Антиохии — это экономическое значение Константинополя упрочилось. Бурные события VII в. в немалой степени закрепили его роль главного центра обороны и военного производства. В раннефеодальную эпоху, в обстановке углублявшегося упадка других городов, Константинополь стал уникальным городом.

Так, с одной стороны, наличие гигантской столицы, вобравшей в себя значительную часть важнейших и редких производств (прежде всего производства предметов роскоши и вооружения), обладавшей высокоразвитыми ремесленными традициями и способной удовлетворять большую часть потребностей сузившейся верхушки империи, а с другой стороны, высоко развитое и устойчивое сельское ремесло — создали те специфические условия, в которых не сложилось благоприятной основы для зарождения и быстрого вычленения массы мелких городских центров⁴⁸. Оно не только тормозилось ремеслом Константинополя и деревни, аграризованных бывших полисов, сохранивших остатки ремесленного производства, но и само дальнейшее развитие византийского феодального города оказалось деформированным этим обстоятельством, от начала и до конца очень своеобразным.

Ю. Л. Бессмертный

РАСЦВЕТ ФЕОДАЛИЗМА И ГОРОД (к постановке проблемы)

С тех пор как утвердилась общепринятая ныне в советской медиэвистике периодизация западноевропейского средневековья, центральный период средних веков — «период развитого феодализма» — рассматривается как эпоха, «неотъемлемым органическим элементом» которой был город¹. Дальнейшая

⁴⁸ Вернер Э. Византийский город в эпоху феодализма: типология и специфика. — ВВ, 1976, 37, с. 12; Кurbatov Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития, с. 213.

¹ История средних веков /Под ред. С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, А. И. Данилова, Я. А. Левицкого. М., 1966, т. 1, с. 58; История средних веков /Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна. М., 1938, т. 1, с. 237; История средних веков /Под ред. Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. М., 1952, т. 1, с. 13; История средних веков в 2-х т. /Под общей редакцией С. Д. Сказкина. М., 1977, т. 1, с. 177: «Переход от раннефеодального периода к периоду развитого феодализма был обусловлен возникновением и ростом городов».

теоретическая и конкретно - историческая разработка проблем развитого феодализма подвела к необходимости выделять внутри этого обширного, почти пятисотлетнего периода разные этапы и, в частности, кульминационный этап феодализма, обозначаемый то как этап «кульминационного развития»², как «расцвет феодализма»³, как «высшая фаза феодальной формации»⁴, как «период высшего расцвета феодальной формации»⁵. Для углубления представлений о сущности феодализма, движущих силах его развития и о роли среди них города немаловажно выяснить, *каким образом связаны между собой расцвет феодализма и город и почему без развития города феодализм не достигает своей кульминации.*

Освещение этих вопросов в специальной литературе выявляет немаловажное расхождение во мнениях. М. А. Барг полагает, что «феодальная формация вступает в высшую фазу своего развития с переходом к денежной ренте»⁶ и датирует данную фазу в Западной Европе XIV—XV вв. Обоснование подобной трактовки Барг видит в том, что лишь на этой стадии «нормальной формой» феодального производства становится мелкое крестьянское хозяйство, расцвет которого только и способен обеспечить «действительный расцвет» феодального производства в целом⁷. Эти суждения заметно отличаются от высказывавшегося ранее мнения Е. А. Косминского, который полагал, что «наивысшая точка развития» английского феодализма была достигнута в XII—XIII вв., т. е. в период сочетания всех трех форм ренты, при особо интенсивном росте как денежной, так и отработочной ренты⁸. По-иному поставлен вопрос С. М. Стамом, констатирующим, что «период высшего расцвета феодальной формации... начинается... именно с возникновения городов» (выделено мною. — Ю. Б.), что для Западной Европы означает отнесение начала интересующего нас периода к X—XI вв. Решающая роль города в

² Косминский Е. А. Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV вв. — ВИ, 1955, № 2, с. 58.

³ Люблинская А. Д. Расцвет феодализма. — В кн.: История Франции. М., 1972, т. 1, с. 98.

⁴ Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении западной средневековой истории. М., 1973, с. 207.

⁵ Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения феодальных форм собственности. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1974, вып. 2, с. 33.

⁶ Барг М. А. Цит. соч., с. 207.

⁷ См. там же, с. 204—207.

⁸ См.: Косминский Е. А. Цит. соч., с. 58—60.

расцвете феодализма объясняется, по мнению С. М. Стама, тем, что, будучи средоточием самостоятельного простого товарного производства, которое не укладывалось в рамки собственно феодальных отношений производства и собственности, город неизбежно породил антифеодальные тенденции, резко обострял внутренние противоречия феодализма и тем резко ускорял его движение⁹. Еще один вариант датировки и обоснования связи расцвета феодализма с городом предлагает А. Д. Люблинская, которая относит «блестящий расцвет феодальной Франции» к XIII в., когда происходит политическая консолидация страны; корни такого расцвета А. Д. Люблинская видит в беспрепятственном одновременном развитии производительных сил как в сельском хозяйстве, так и в городах¹⁰. Все приведенные точки зрения советских медиевистов объединяет то, что они связывают расцвет феодализма с воздействием городов, решающая роль которых признается либо эксплицитно, либо имплицитно — через признание решающего воздействия форм ренты, складывающихся под влиянием города. Различие же приведенных суждений касается, во-первых, механизма взаимосвязи расцвета феодализма с городами, во-вторых, истолкования самого понятия «расцвет феодализма» и, в-третьих, датировки этого этапа.

Решение указанных спорных проблем возможно лишь на основе специальных конкретных исследований. Предлагаемая ниже трактовка этих вопросов, основывающаяся на французском материале, представляет лишь одну из возможных рабочих гипотез. Начиная с характеристики понятия «расцвет феодализма», определим его как тот высший этап восходящей стадии развития феодального общества, когда сформировались все его основные черты, реализовались все его социальные потенции, но когда общественная система феодализма еще не стала тормозом поступательного развития¹¹. Именно на этом этапе конкретно-историческое воплощение феодальной

⁹ См.: Стам С. М. Цит. соч., с. 24, 26—27, 32—34, 41 и др.

¹⁰ См.: Люблинская А. Д. Цит. соч., с. 78, 98, 104, 119.

¹¹ Базой этого определения служат не только обобщение конкретно-исторического материала, но и известные высказывания Ф. Энгельса о «восходящей» и «нисходящей» линиях в развитии способов производства (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 153) и высказывания В. И. Ленина о трех стадиях в жизни социальных организмов, включая стадию «высшей формы» (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429). Мы опираемся также на периодизацию феодализма, предложенную М. В. Нечкиной, выделяющей его «восходящую» и «нисходящую» стадии (см.: Нечкина М. В. О восходящей и нисходящей стадиях в развитии феодализма. — ВИ, 1958, № 7; см. также: ВИ, 1964, № 12).

формации могло быть ближе всего к ее логической сути¹². Этот кульминационный этап в развитии феодального общества, несомненно, тесно связан с кульминационным этапом в развитии феодального способа производства. Однако «...нужно учитывать, что социально-экономическая формация отнюдь не сводится к способу производства»¹³. Понятие формации гораздо шире и многостороннее. Соответственно признаки кульминационного этапа в развитии феодальной формации должны касаться не только производства, но и социальной структуры, политического устройства и ряда других сфер надстройки. Не все эти сферы развиваются одновременно. Поэтому полной синхронии в наступлении их кульминационной фазы ожидать не приходится. Но поскольку о стадии расцвета феодализма можно, на наш взгляд, говорить лишь тогда, когда достигнут кульминационный этап не только в сфере производства, но и в других важнейших сферах общественной жизни, критерии расцвета феодализма в той или иной стране должны охватывать по крайней мере основные области общественного развития в целом.

С учетом особенностей феодального строя Франции к признакам расцвета феодализма в этой стране можно было бы отнести в первую очередь следующие: в области сельского хозяйства — завершение внутренней колонизации и переход к денежной и денежно-продуктовой ренте (сер. XIII в.); в области городского развития — завершение складывания основной массы городских центров и завоевание городских вольностей (2-я пол. XII — 1-я пол. XIII в.); в социальной структуре крестьянства — «освобождение крестьян» (XIII в.); в социальной структуре господствующего класса — замыкание рыцарства (конец XIII в.); в области государственного развития — преодоление в основном феодальной раздробленности (XIII в.)¹⁴. Отнесение перечисленных явлений к числу признаков кульминационного этапа феодализма во Франции обуславливается тем, что каждое из них создавало в своей сфере условия для наивысшего развития феодальных отношений в стра-

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6 и 728; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 388.

¹³ Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономической формации. — Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 16.

¹⁴ В кратких тезисах нельзя остановиться на некоторых других признаках расцвета феодализма во Франции — в сфере идеологии и идейных движений, социальной психологии и мироощущения, а также демографии — так как их обоснование требует специального анализа.

не в целом. Хронология этих признаков позволяет датировать расцвет феодализма во Франции примерно рамками XIII в. Напомним при этом, что сформулированное выше понятие расцвета феодализма предполагает, что вслед за периодом расцвета следует длительный период нисходящей стадии развития феодализма, когда последний полностью сохраняет свое господство и далеко не сразу «разлагается». Отметим также, что перечисленные признаки учитывают особенности именно французского феодализма. В соответствии со своеобразием феодального развития других стран признаки кульминации феодализма в них могут более или менее существенно отличаться от перечисленных, так же как может отличаться и датировка расцвета в них феодального строя.

Переходя теперь к вопросу о роли города в расцвете французского феодализма, рассмотрим связь основных признаков этого расцвета с городским влиянием. Как отмечалось, в число этих признаков были включены лишь те явления, которые создавали условия для кульминации феодального строя во Франции. Нетрудно, однако, заметить, что каждое из них представляет в то же время результат теснейшего взаимодействия данной социальной сферы с городом и вне подобного взаимодействия не могло бы сложиться. В самом деле: город был не только одной из главных причин внутренней колонизации и эволюции ренты, но и важным стимулом крестьянского освобождения, главным импульсом замыкания рыцарства (под угрозой наплыва «неблагородных») и важнейшей силой и опорой политического объединения страны. Город воздействовал на все эти и многие другие области общественной жизни не только экономически. Он подавал пример в борьбе за свободу, выступал в качестве активного поборника социально-политической консолидации отдельных областей (или даже всей страны), порождал новые культурные потребности, создавал новый стандарт этических идеалов. Не будь городского влияния, важнейшие признаки расцвета феодализма во Франции просто не смогли бы реализоваться. Город был, следовательно, необходимым условием расцвета французского феодализма.

Столь глубокое воздействие города стало возможным на достаточной продвинутой стадии его развития и на не менее продвинутой стадии внутреннего развития деревни. Лишь тогда, когда в деревне сложились социальные формы, способные воспринять соответствующее воздействие города, стало возможным то активное взаимодействие города и деревни,

которое и привело к кульминационному этапу феодализма. Особо динамичный вариант развития французской деревни сыграл поэтому исключительную роль в относительно раннем расцвете французского феодализма. В отличие от Франции, в некоторых странах Центральной и Северной Европы потенциалы развития деревни потому не смогли долго реализоваться, что из-за замедленного роста города его взаимодействие с деревней не было достаточно активным. Феодализм в этих странах развивался относительно медленнее, его кульминационный этап долго не наступал, да и сам феодализм приобретал большое своеобразие. Но и там, где город по темпу своего экономического и политического развития шел намного впереди деревни, феодализм, как показывает пример Италии, оказывался под угрозой «слома»¹⁵. Очевидно, для быстрого расцвета феодализма было необходимо, чтобы взаимодействие города и деревни могло идти, так сказать, «на равных». В ходе такого взаимодействия реализуется свойственное средневековью — как и всем эпохам классовых обществ — противоречие города и деревни, в движении которого «резюмируется», по выражению Маркса, «вся экономическая история общества»¹⁶.

В. Е. Майер

ОБЩИННЫЕ ВЛАДЕНИЯ И ТРАДИЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ГЕРМАНИИ В XIII—XVII ВЕКАХ

Выяснение своеобразия общинных владений средневековых городов даст возможность глубже и разностороннее проникнуть в историю города и деревни в эпоху феодализма. В немецкой буржуазной историографии можно выделить три этапа в исследовании вопроса об общинных владениях городов. Первый связан с именами основателей общинной теории — Г. Маурера и О. Гирке. В своих солидных трудах эти ученые, опираясь преимущественно на юридические документы, устанавливают родственные связи между правом на общинные угодья в городе и в деревне. На втором этапе, который охватывает конец XIX — начало XX в., велись острые споры между противниками и сторонниками общинной теории. В ходе этих

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 365.

¹⁶ Там же, т. 23, с. 365.

споров постоянно поднимался вопрос об общинных владениях городов. Историки Р. Шредер, Г. Белов, Ф. Койтген, З. Ритчель, Р. Зом, И. Лаппе, Г. Шотте, К. Гафф и другие довольно широко осветили разные стороны этой проблемы. В центре их внимания стояли два вопроса: во-первых, происхождение общинных владений городов, — являются ли эти владения и права на угодья результатом эволюции первоначальной маркеноссеншафт или они иного происхождения; во-вторых, следует ли ставить знак равенства между городской общиной, пользовавшейся марковыми угодьями, и сельской общиной с правом на альменду? С начала XX в. буржуазные историки (Р. Гильдебрандт, В. Виттих, А. Допш, Г. Виснер и др.) сосредоточили главное внимание на опровержении общинной теории, а значит — и генетической связи общинных владений деревень XII—XIII вв. с древнегерманской земельной общиной или, как они говорят, с «аграрным коммунизмом». Они утверждали, что соседская община, как она существовала с XIII в., была создана по инициативе феодала на его же земле. Соответственно отводилась всякая возможность связи городской общины с более древними формами марки. Историки более позднего времени (Ф. Штейнбах, Ф. Лютге, Т. Майер, В. Шлезингер, К. З. Бадер, К. Босль и другие) полностью признавали выводы, к которым приходили историки в начале XX в.

Для характеристики возникновения городских общинных владений могут быть намечены следующие пути: 1) город возникает на земле феодала или крестьян, владеющих гуфами с правом на марку, или город при основании присоединяет деревню с маркой; 2) феодалы, проживающие в городе, особенно монастыри, расположенные в пределах города, с целью более интенсивной эксплуатации зависимых крестьян (увеличение отдельных видов барщины и оброка, связанных с развитием ремесла и рынка) заставляют их переселяться в город, оставляя за ними пашню и права на марку. В вестфальский город Гезеке в XIII в. было таким образом переселено население из 12 населенных пунктов; 3) постоянная опасность нападения заставляла крестьян искать защиты за городскими стенами. Живя в городе, они оставались совладельцами прежней марки; 4) весьма часто общинные владения приобретались городами в результате соглашений и мирных договоров с феодалами, проживавшими в городах или потерпевшими поражение в войне с ними; 5) с XIII в. наступает новый этап в приобретении городами марок и марковых прав: они все ча-

ще покупаются. До начала XVI в. город Эрфурт, к примеру, путем купли и ростовщических операций приобрел более 80 деревень вместе с их общинными угодьями; 6) документы содержат данные о дарении городам угодий императорами и князьями за счет деревень. Важно отметить, что города сохранили документы, говорящие ясно, откуда у них появились общинные владения. Как и города, эти документы появляются с X в.

Сложнее второй вопрос: кто входил в городскую общину и кто и на каких началах пользовался благами марки? Уже в начале XX в. выработалось правильное мнение, что городская община по своему характеру и составу отличается от сельской общины и что даже при переселении крестьян с территории той же общины в город в ней происходят существенные изменения. Так, переселившиеся в XIII в. в город Гезеке крестьяне 12 населенных мест образовали там две группы. Одна из них называлась Bauerschaft (земледельцы), другая — die Hud (пастбищники). Первая объединяла более 190 хозяйств, вторая — около 500. Уже такое огромное количество говорит о том, что это не могли быть просто потомки прежних сельских жителей, так как в Вестфалии крестьяне жили преимущественно подворно, а не в деревнях. Интересно, что первая группа сохраняла полноту прав пользования всеми угодьями тех марок, откуда переселились крестьяне; вторая группа горожан (die Hud) обладала только одним правом пасти скот на частных лугах и полях после сенокоса и снятия урожая там, откуда переселились крестьяне. Этот и другие примеры свидетельствуют о том, что городская маркгеноссеншафт отличалась от сельской даже тогда, когда она первоначально объединяла только переселившихся в город крестьян. Кроме того, при анализе документов нельзя полагаться на названия, встречаемые в документе, так как за ними, как и в случае с Гезеком, может скрываться совершенно иное содержание.

На основе исследований и документов (уркунден, вейстюмов, полицейских актов, судебных протоколов и т. п.) можно сделать следующие обобщения.

1. Только в раннюю свою пору горожане составляли одну общину по своим общим владениям, по марке. Тогда община была малочисленна и зачастую объединяла бывших крестьян или их потомков, которым принадлежала марка уже до этого. Одну общину по пользованию общей маркой составляли горожане и тогда, когда всему городу была уступлена марка или когда ему в ней были предоставлены привилегии.

2. С XIII в., когда стали отдельные бюргеры, городские советы или компании горожан приобретать новые марки или права в одной или нескольких марках, — положение осложнилось. Теперь город перестал быть одной общиной с правами в одной марке. Как правило, теперь горожане, независимо от того, были они членами бюргерской общины или стояли вне ее, могли входить в разные общины, владевшие марками. Горожане Эрфурта, например, в принципе могли быть членами всех тех общин, которые существовали на приобретенных ими территориях. Ограничить могли их только крестьянские традиции, по которым членом общины во многих населенных пунктах считался только тот, кто там проживал и имел там свое хозяйство. Однако бесспорно то, что горожанин, если не сам, то при помощи сидевшего на купленной им гуже крестьянина, мог пользоваться угодьями одной и даже нескольких марок.

3. Город нередко становился верховным господином или фогтом альменды, принадлежавшей сельской общине. Это особенно характерно для XV—XVII вв., когда города в обход земельной монополии класса феодалов пытались прочно завладеть землей. Судя по вейстюмам деревни Квейхгейм, составленным в 1452 г., и деревни Дальхейм, составленным в 1488 г., город Ландау считался там верховным господином и фогтом, которому принадлежали все «водные потоки и пастбища в марке».

4. Город мог вместе с одной или несколькими деревнями владеть общей маркой и составить вместе с ними одну общину. В гриммовском издании вейстюмов содержатся данные о том, что город Дорнштеттен (Шварцвальд) в XV в. составлял одну общину с 7 деревнями по пользованию маркой, состоявшей из леса, полей, водных потоков и пастбищ. Одну общину с деревней составлял и франконский город Мильтенберг.

5. Следует различать общинные права и традиции городов, независимых от сеньоров, от прав и традиций сеньориальных городов. Городок Зельц, судя по вейстюму 1310 г., был расположен на земле монастыря и пользовался общей маркой вместе с деревней, расположенной там же. Однако на собрания по делам марки горожане приходили отдельной общиной, т. е. на собрания присутствовали две общины, пользовавшиеся общими угодьями. Однако права их в марке были различны.

6. Жители деревни, составлявшей с городом одну общину, могли считаться бюргерами. В Южной Германии, где подобные формы были широко распространены, они назывались

пфальбюргерами. Такое положение давало последним определенные рыночные права в городе.

7. Часть горожан, происходивших из одной деревни, могли входить в одну маркгеноссеншафт, общинные угодья которой нередко были расположены далеко от города.

Городские общины и их традиции пользования угодьями сильно отличаются от сельских общин и их традиций, однако и они во многом восходят к древним обычаям общинного пользования угодьями. Традиционно городские маркгеноссеншафтен составляли свои вейстюмы, проводили общие собрания, устанавливали нормы пользования лесом и пастбищами. Не было у них только полеводческих традиций, так как в отличие от членов сельских маркгеноссеншафтен, как правило, у них не было пашни. Бюргеры, арендовавшие с XV—XVI вв. мейерские хозяйства, как это видно из описей Вюртембергского графства, переселялись из города в деревню, однако крестьяне старались их не допускать к общинным владениям. Именно арендаторы из бюргеров, как свидетельствуют об этом многочисленные жалобы саксонских крестьян, особенно упорно наступали на общинные угодья соседних деревень.

А. А. Сванидзе

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ШВЕДСКОГО БЮРГЕРСТВА XIV—XV ВЕКОВ

Горожане — один из важнейших общественных слоев феодального общества. В основе их социальной общности лежит собственность особого вида, основанная на труде и обмене. Специфичность этого вида собственности и базирующихся на ней отношений определила особенности социальной структуры бюргерства, в частности ее гетерогенность. Социальная гетерогенность бюргерства затрудняет выявление общности этого слоя.

Известно, как неоднозначны сами термины «бюргер», «бюргерство». Они применяются: 1) к территориальной общности городского населения; это «горожане», но не просто «жители города» (в противопоставлении жителю деревни, замка, монастыря), а хозяйственно-профессиональная общность лиц, непосредственно занятых «городским делом» — торговлей, ремеслом, продажей услуг и т. п.; 2) к широкому «среднему» слою горожан, представлявшему «общину» города, в отличие от привилегированного, правящего патрициата

и бесправного плебейства; 3) к среднему и высшему слоям городских жителей, которые обладали всей полнотой прав в городах (правами «бюргера»); к сословию феодального общества — городскому сословию, которое конституировалось через свое участие, роль, место в сословных учреждениях. Во всех случаях речь идет о совершенно определенном общественном слое, жизненно связанном с городом, — его территорией, экономикой, правом, привилегиями, социально-политической ролью. Но широта, содержание этого слоя заметно различаются в зависимости от того, какие критерии ставятся на первое место: топографо-демографические, социальные, экономические, правовые, политические.

Стратификация социальной общности предполагает учет двух типов связей: внутренних, определяющих структуру самой общности, и внешних, определяющих место данной общности по отношению к другим социальным слоям, роль в их совокупности. Данная статья посвящена внутренней структуре шведских горожан как общественного слоя и по тем параметрам, которые выявляются из документов XIV—XV вв. — законодательных, административных, нотариальных, судебных, воспроизводящих как официальную, так и бытовую лексику. Поскольку в XIV—XV вв. города Швеции достигли зрелости и вместе с тем еще не обнаруживали отчетливых признаков разложения своей средневековой структуры, черты социальной морфологии бюргерства этого периода могут считаться типичными для шведского средневековья.

Документы рассматриваемого периода выделяют в городской среде следующие категории:

I. **Фискально-имущественные категории** — участие или неучастие в несении тягла (основного государственного земельного налога, который в Швеции взимался с глав домохозяйств). *Тяглая* категория (в Швеции она именовалась *ofrälse*) включала в себя в городах все самостоятельное население, занятое «городским делом»; для полноправных горожан уплата налога в городе вообще была первым условием полноправия. *Нетяглое* население было полярно-различным. Для одних неуплата налога являлась *привилегией* (представители господствующего класса, их обслуживающий персонал, включая иногда и ремесленников, государственный, административный и военный аппарат; от налога освобождались также члены городских советов). Вторую группу нетяг-

лых насельников города составляли те, кто не мог платить по причине *бедности*.

II. Категории собственности и владения в городе были четкими и складывались, исходя из отношения к недвижимости и собственному хозяйству, что для основной части самостоятельного населения города практически совпадало. В среде собственно горожан таких групп было три: 1) лица, имеющие собственное хозяйство, или, по терминологии того времени, которые «сами себя содержат»; 2) лица, имеющие свое хозяйство, но не имеющие своей недвижимости (земли, дома) и арендующие ее; 3) лица, не имеющие ни недвижимости, ни хозяйства. Примечательно, что к этим группам в городе нередко применялись те же обозначения, что и в деревне: бонд (или матфадер — хозяин), хуоман (арендатор), лескер (лишенный имущества, бездомный).

III. Общественно-должностные категории различались по месту в общественно-служебной иерархии: 1) члены правящего органа города — бургомистры и советники; 2) городская верхушка — патрициат («добрые», «достойные» люди); 3) полноправные бюргеры, имеющие право выбирать и избираться; 4) не бюргеры. Городские служащие включались обычно не в общественно-иерархическую, а в профессиональную группировку.

IV. Служебно-профессиональные, или социально-трудовые категории. Здесь группы формировались как в «горизонтальном», так и в «вертикальном» направлениях. «Горизонтальное» направление — это разделение горожан по профессии, занятиям; здесь выделялись: ремесленники, промышленники (рыбаки, мельники, углежог и т. д.), некоторые продавцы услуг ремесленного профиля (повара, парикмахеры-лекари и др.) — всего до 50 % населения в столице, в средних городах — до 30 %, в мелких — менее того; профессиональные торговцы (в том числе мясники, кабатчики и т. д.); транспортники, занятые в морском и речном транспорте и городском извозе, которых было особенно много в морских портах — до 8 % в крупных городах; представители так называемых свободных профессий (музыканты, учителя); служащие муниципального хозяйства (от писцов до сторожей). Значительную группу составляли в городах лица, связанные с использованием земли, в частности под товарное земледелие, аренду и т. д. Часть людей жила в городе случайными заработками; размер этой важной категории выявить пока невозможно. Профессиональные статусы в городе закрепля-

лись и четко размежевывались, прежде всего по линии занятия ремеслом или торговлей: переход «из купцов в ремесленники» подлежал особому оформлению.

«Вертикальное» размежевание профессиональных категорий зависело от рода занятий, его социального статуса, причем сложилась своего рода иерархия видов труда или занятий, их престижности. Высшую категорию составляли *купцы*. Затем шли те, кто занимался так называемой «службой» (*ämbeta*): ремесленники, должностные лица города, промышленники, владельцы домов и земельных участков, — короче, все те, кто имел *самостоятельное* занятие или должность. Низшую группу составляли лица, занятые *наемным трудом*, точнее ежедневным (поденным) трудом (*werke*): прислуга, подмастерья, ученики и подсобники, чернорабочие и поденщики.

V. Категории городского полноправия формировались в зависимости от полноты участия в системе городских правообязанностей, т. е. от степени пользования совокупностью городских прав и привилегий. Здесь высшую ступень занимали бюргеры с постоянным городским гражданством. Затем шли те, кто подлежал городской юрисдикции, имел в городе определенные обязанности и некоторые основополагающие права (на альменду, защиту, застройку, торговлю на городском рынке и др.), но не принимал участия в выборных органах, не допускался в гильдии, а порою и в цехи; к ним примыкали «временные» бюргеры, которые проживали по охранному свидетельству, либо приобретали полноправие на время пребывания в городе. Представители класса феодалов, государственной администрации, армии и в городе обладали важными привилегиями (в частности, на беспошлинную торговлю), но не имели городских обязанностей, прежде всего фискальных. Вне городского полноправия стояли неимущие и малоимущие люди, которые подлежали юрисдикции города, могли быть мобилизованы на городские работы и т. д., но прав в городах не имели.

VI. Категории оседлости. Постоянные, или оседлые жители города противопоставляются «чужакам», временным насельникам, прибывшим на определенный срок (обычно на сезон, т. е. до полугода). Непринадлежность перечисленных лиц к населению данного города и их постоянное местожительство обычно в документах оговаривается. Характерно, однако, что под оседлыми понимались скорее те, кто имел в городе недвижимость, нежели те, кто там жил безвыездно.

Так, для получения бюргерства требовалась оседлость, а между тем о некоторых, получивших это право, известно, что они жили одновременно в двух городах, причем один из городов находился вне пределов страны.

VII. Категории национальные: противопоставление местных людей — шведов, или гутов (жителей о. Готланд) — немцам. Эта связка прослеживается более всего по документации, регулирующей торговлю, касающейся городского управления (порядка замещения должностей), а также там, где приходится обозначать жителей как совокупность полноправных шведов и немцев (например, в привилегиях ганзейскому городу Висбю).

Очевидно, что различные категории жителей города (которые прослеживаются по документам неодинакового назначения) совершенно отчетливо сопоставляются и совмещаются, образуя картину социального единства, *общности по ряду ведущих показателей* городского населения, класса горожан и бюргерского сословия. Социальная стратификация горожан, их политико-правовые, экономико-профессиональные, социально-имущественные градации не отменяют их общности на рассматриваемом этапе — до разложения феодализма. В своей основе эта общность определялась характером городских занятий и городской собственности. С такой основой были связаны и публично-правовые, и служебные позиции горожан: в числе полноправных бюргеров неизменно оказывались лица с известным материальным достатком, бюргеры высших имущественных групп неизменно оказывались в составе правящей группировки города и даже — это вопрос особый! — в числе городских должностных лиц.

В своей связи (отнюдь не всегда равномерно-пропорциональной) разные стороны положения горожан — имущественная, должностная, социальная, правовая, фискальная — образовывали в городе некую иерархию общественного статуса: «верхние», «средние», «низшие» слои. В тяглом населении верхний слой составлял 5—10%, средний — 60—70%, низший — 20—30%. Самая широкая общность составлялась из всех лиц, проживавших на территории города; эта совокупность в Швеции не имела контемпорального термина. Вторая и третья общность названы в источниках: буманы, стадсманы, т. е. буквально горожане, бюргеры. В число тех и других никогда не включаются следующие разряды лиц, постоянно проживавших в городах: придворные, рыцари, замковая че-

лядь, «королевские слуги», солдаты и офицеры, духовенство, немущие. Характерно при этом, что когда горожане противопоставлялись крестьянам, к числу первых относили не только совладельцев городской марки, но и «гостей», что еще больше уточняет понятие «горожанин». Итак, *буманы, стадсманы — это и есть класс-сословие горожан, т. е. совокупность самостоятельного городского населения, обладавшего собственностью, базирующейся на труде и обмене, связанного с товарным обращением и производством и обладавшего основными институальными городскими правами*; наиболее полно сословные особенности горожан воплощались в бюргерстве (*borgerskap*), обладавшем всей полнотой городских прав-обязанностей.

Общественно-правовое различие между бюргерами и горожанами до середины XV в. не было жестким; не случайно в городских привилегиях эти термины подчас взаимозаменяются, не случайно и сравнительная доступность в то время городского полноправия. Положение стало заметно изменяться со второй половины XV в., когда в результате социальных сдвигов в деревне и в самом городе его средние слои стали дифференцироваться быстрее, резко отторгая свои низшие разряды и все более отставая от высших. Из сравнения налоговых описей 60-х гг. XV в. и второй половины XVI в. видно, что бюргерский слой сузился за это время чуть ли не вдвое. В основном это была тенденция самого XVI в., но начало ее мы находим столетием ранее.

Проблема соотношения и связей горожан и их отдельных слоев с другими классами и внутриклассовыми слоями тогдашнего общества требует специального рассмотрения. Без ее выяснения средневековое бюргерство не может быть достаточно понято как по-своему цельный, неполноправный и эксплуатируемый класс-сословие феодального общества.

А. И. Озолин

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ КОРОЛЕВСКИХ ГОРОДОВ ЧЕХИИ В XIV—НАЧАЛЕ XV ВЕКА¹

Как в Чехии, так и в Моравии, земельные владения городов и горожан приобретались различными способами от светских

¹ Настоящая статья является продолжением работы, публикуемой в «Средневековом городе» (Саратов, 1979, вып. 5).

и церковных феодалов, от короля. Прежде всего, сеньоры, феодалы, в том числе и король, при основании города предоставляли земельные владения поселенцам для застройки и использования в качестве полей, лугов, пастбищ, огородов. Еще в 1265 г. при основании города Полички Куинратом из Лимберка ему приписывалось 50 ланов земли, в составе которой названы поля паханные и непаханные, луга, пастбища, леса, рощи, реки (позднее этот город станет королевским владением)². В конце XIII в., когда основывался город Кадань, король Вацлав II установил, что горожане должны выплатить ему по 6 гривен с каждого лана земли. Он подтвердил в этой привилегии их права на пользование лугами, полями, реками.

Горожане получали от короля, своего сеньора, земельные владения и держания, иногда в лен за службу, покупали земли у светских и церковных феодалов. Поскольку данные о купле земель у церкви или продаже и завещании их монастырям уже назывались нами, мы приведем некоторые факты о купле-продаже земли горожанами и городами у различных категорий дворянства и у самого короля. Еще в 1249 г. Вацлав I продал горожанину Литомержица Яну двор с виноградником в Кеблицях за 100 гривен. С каждого лана земли новый владелец обязан был платить королю ежегодно по половине гривны серебра³. В 1398 г. Вацлав IV продал горожанам Часлава две части своих владений в Подоле и Бамбурке со всем, что к ним относилось, за 432 копы и 22 гроша.

В отдельных случаях король выступает даже как покупатель земельных владений горожан. Например, в 1357 г. Карл I купил у пражского горожанина Йохлипа Якубова двор в Лубичанах и присоединил свою покупку к королевским владениям, как указывалось в грамоте⁴.

Маркграфы Моравии также давали в лен или иногда продавали земельные владения горожанам своего маркграфства. В 1372 г. маркграф Моравии дал в лен Якубу и Яну, горожанам Йиглавы, за их службу село Отин⁵. В 1376 г. маркграф Йошт продал в лен братьям Якубу и Яну, рихтаржам в Йигла-

² Codex juris municipalis regni Bohemiae (1225—1419). (Privilegia regalia civitatum provincialium). Vyd. Celakovský J., Praga, 1895, t. II N 14, 45.

³ Ibid., N 4, 661.

⁴ Ibid., N 363.

⁵ Městská správa Jihlava. Inventar. Sv. I. Listiny (1240/1269 — 1900/1929), Jihlava, 1971/1972, p. 22, 23 (далее — Městská správa).

ве, право собирать таможенные пошлины и села Ранчиржово и Череквичку, кроме 4 ланов земли в них.

В грамотах привилегий королевским городам имеются сведения о купле земельных владений городами и отдельными горожанами у светских феодалов. В 1272 г. Пшемисл Оттокар II подтвердил, что горожане Литомержица купили у Пражского, Литомержицкого, Хотешовского и других монастырей, у Ордена и светских феодалов, панов из Штемберка и иных «панов и верных наших», земельные владения, за которые они обязывались платить владельцам земли ежегодный чинш⁶. В грамоте городу Лоуни от 1325 г. в разделе, где речь шла об уплате чинша, особо было сказано о земле, которую горожане купят у панов, то есть уже подразумевалось наличие такого права у горожан. В 1329 г. король освободил от уплаты берны и иных платежей в казну владения, купленные у земанов (дворянства) жителями Кутной Горы⁷. В источнике, относящемся к городу Остров (1387 г.), указывалось, что горожане могут покупать владения шляхтичей, некоролевские владения, с которых будут платить чинш.

Такое право получили также королевские города в Моравии. В 1351 г. маркграф Иоани разрешил магистрату и общине Йиглавы покупать поместья от панов и владык и держать их на городском праве. Эти владения город не должен был отчуждать людям, относящимся к другому праву, т. е. не горожанам⁸. Очевидно, что в данном случае рост городского землевладения шел за счет сокращения владений светских феодалов. Несколько позднее, в 1356 г., он дал жителям города Йиглавы право выкупить владения, которые они завещали монастырям, церкви⁹.

Какое значение имело землевладение городов и индивидуальное владение их жителей? Как это отразилось на имущественном положении различных слоев горожан, на их роли в политической жизни городов?

Прежде всего, это способствовало усилению имущественного неравенства в среде горожан, более быстрому выделению патрициата. Вместе с тем, упрочение материальной базы городской верхушки явилось одной из основ выдвижения ее на первый план и в политической жизни города. Именно эта бо-

⁶ Codex juris municipalis, t. II, N 20, 134.

⁷ Ibid., N 153.

⁸ Městská správa, p. 33.

⁹ Ibid., p. 20.

гатеишая часть горожан держала в своих руках городской магистрат, городской суд, все важнейшие должности в городском административном аппарате.

Некоторые чехословацкие историки прошлого уже отметили в своих исследованиях, что наличие земельных владений у патрициата способствовало его сближению с дворянством, нередко это достигалось и путем браков между дворянами и патрициями. В дальнейшем это нашло отражение в политической позиции патрициата городов, когда он выступил совместно с феодально-католическим лагерем против гуситского движения.

Наличие земельных владений в руках зажиточных горожан, бюргерства не прошло бесследно и для внутреннего развития городов, а также определения их позиции в годы народного восстания. Упрочение материальной базы бюргерства, наряду с другими факторами, усиливало также его позиции и в политической жизни городов. Бюргерство постепенно проникало в состав городских магистратов, городских судов, на иные административные посты внутри городов. Мало того, как и выходцы из богатейших патрицианских семей, богатые бюргеры нередко выступали уже в качестве кредиторов самого короля, занимали иногда и важнейшие государственные должности. Некоторые крупнейшие и богатейшие королевские города страны, такие, как Прага, Кутна Гора, являлись участниками государственных сеймов, хотя королевские города в целом еще не добились этого права.

Наличие земельных владений в руках бюргерства в какой-то мере сближало этот слой горожан с сельским населением, хотя и не следует преувеличивать данного обстоятельства. Мы полагаем, что оно помогло бюргерству ко времени гуситского восстания более точно определить свою позицию в этом движении, понять радикальность стремлений крестьянства, несоответствие его требований с ограниченными стремлениями и планами бюргерства, способствовало уточнению и более четкому определению своих программных требований и тактики.

Какое отношение имело развитие землевладения королевских городов Чехии и Моравии ко всей системе феодальных производственных отношений в стране? Совпадало ли оно с существующими нормами, типичными для феодального способа производства или в какой-то мере уже сталкивалось с ними? Попробуем сформулировать кратко наши общие соображения по этой важной и интересной проблеме. Отметим, что поставленные нами вопросы нельзя рассматривать в отрыве

от проблемы развития средневекового города в целом, его места в системе феодальных отношений.

Мы не ставим своей задачей ответить на интереснейший и все еще не решенный для истории Чехословакии того времени вопрос о том, какое место по сравнению с ремеслом и торговлей занимало земледелие горожан. Мы можем лишь подтвердить также общезвестную истину, что в XIV в. в королевских городах земледелие играло подсобную роль, тогда как в городах зависимых, сеньориальных оно занимало еще весьма значительное место¹⁰.

Анализ условий, на которых королевские города и горожане пользовались земельными владениями, показал нам, что, как правило, в массе своей эти городские земельные владения являлись держаниями от своего сеньора, короля, различных угодий: полей паханных и непаханных, затем всякого рода прежних общинных угодий — лугов, пастбищ, участков леса, болотистых земель и островов, горных, холмистых территорий. Наряду с держаниями или купленными в полную собственность от короны земельными владениями в руках горожан были уже и земли, купленные или взятые в держание от других феодалов — светских и церковных: земанов, панов и прелатов, монастырей. Некоторые из этих владений также покупались уже на правах полной собственности. Однако в отношении землевладения городов и горожан бросается в глаза то обстоятельство, что основная масса земель, принадлежащих городу и полученных от сеньора, являлась не собственностью горожан, а держанием феодального типа на условиях ежегодной выплаты королю урока, денежного чинша в определенных условиях соглашения с королем размерах. Следовательно, в отношении своих земельных владений города и горожане не пользовались еще теми правами собственности, которых они уже добились в области ремесла — правом собственности на орудия производства, инвентарь, свою ремесленную мастерскую, правом свободного распоряжения ими. Разумеется, эта существенная разница совершенно не устраивала горожан, они стремились добиться также в области землевладения права полной, неограниченной собственности.

Наличие городского землевладения способствовало усложнению отношений между городом и феодалами как светскими, так, особенно, с духовными. Между ними нередко происхо-

¹⁰ Вопрос о землевладении зависимых городов в Чехословакии предгуситского времени представляет значительный интерес и требует специального исследования.

дят споры из-за земельных владений. В 1334 г. маркграф Карл подтвердил решение канцлера по поводу спора между горожанами Литомержица и Доланским монастырем. Горожане, держатели монастырских владений, обязывались платить с них берну монастырю, а не общине¹¹. В 1346 г. судья и присяжные города Стржибра решают вопрос о споре между аббатом монастыря в Тепле и Жилконем, горожанином Стржибра, владельцем дома и наследства в Новофаро¹². В 1352 г. Карл I утверждает соглашение между Страговским монастырем, как владельцем села Станьковицы, и некоторыми горожанами Жатца, которые держат землю в данном селе. Каждый горожанин должен, согласно решению короля, выплачивать монастырю ежегодно чинш в размере 80 грошей с каждого лана¹³.

Споры городов с монастырями нередко затягивались на многие годы. В 1362 г. августинский монастырь св. Йиржи призывал горожан Мельника сохранить те межи, границы, которые отделяли владения монастыря от залежей, принадлежащих общине Мельника¹⁴. По-видимому, горожан совершенно не устраивало то обстоятельство, что прежние общинные угодья почти полностью были уже захвачены светскими и церковными феодалами. Соответствующее соглашение между общиной города Мельник и монастырем в 1373 г. утвердила королева¹⁵. В 1389 г. та же королева по неизвестным нам причинам отменила это свое решение. Очевидно, и в это время продолжались споры города с монастырем из-за земли.

Некоторые другие факты говорят о том, что города продолжали борьбу за свои прежние общинные угодья и права на них. В 1386 г. подкоморий и гофрихтер от имени короля вынесли решение по поводу спора между горожанами Жатца и Постолапртским монастырем из-за права ловли рыбы на реке Огрже и установили, что горожане свободно и навечно могут ловить рыбу в этой реке от села Струпче до Гутне и что острова в этом районе также относятся к их зоне ловли рыбы. В свою очередь, горожане обязывались не причинять никакого вреда во владениях монастыря¹⁶. Община города Колин

¹¹ Codex juris municipalis, t. II, N 170.

¹² Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae, pars IV, fasc. I, Annorum 1333—1346, opera Emler J., Pragae, 1892, p. 7 (далее — Regesta).

¹³ Codex juris municipalis, t. II, N 324.

¹⁴ Ibid., N 401.

¹⁵ Ibid., N 516.

¹⁶ Urkundenbuch der Stadt Saaz bis zum Jahre 1526, ed. Schlesinger L., Prag, 1882, N 155.

спорила в 1406 г. с Седлецким монастырем из-за села Мниховиц. Споры эти продолжались и позднее, и в 1410 г. город купил у названного монастыря села Бранковиц и Мниховиц за 130 коп пражских грошей¹⁷. В 1412 г. город Лоуни вступил в спор с Постолапртским монастырем из-за пастбищ, лежащих между селом Ленешицами и дединой, названной городом Куйем. Обе стороны сговорились о встрече на меже этого пастбища для принятия совместного решения по спорным вопросам. Если не смогут там договориться, то обратятся к подкоморию Чехии пану Конраду. Сторона, нарушившая соглашение, уплачивает штраф в размере 500 коп грошей¹⁸.

Споры и столкновения из-за земельных владений жители королевских городов вынуждены были вести и с феодалами светскими, а иногда даже с самим королем. В 1341 г. король Иоанн возвратил наследникам горожанина Лоуни по имени Бероне их владения в селе Блишанах, которые, как он сам признал в грамоте, неправильно отдал рыцарям¹⁹. В 1343 г. маркграф Карл подтвердил соглашение между подкоморием Русом из Литиц и горожанами Пльзня по поводу давнего спора о границах их земельных владений. Община города уступила панам из Литиц часть своих пастбищ на Борех, а литицкие паны отдали за это горожанам часть своих пльзенских владений, оговорив, что река, текущая от Литиц, принадлежит им, но жители Пльзня могут поить в ней свой скот.

Приведенные выше факты о спорах городов с феодалами из-за земельных владений свидетельствуют о том, что феодальные монопольные права на землю, всякого рода ограничения в отношении землевладения горожан задерживали успешное развитие городов. Города и горожане длительное время не имели права свободного распоряжения своими земельными владениями, права завещания их, купли-продажи, дарений, обмена.

В XIV — начале XV вв. королевские города и отдельные горожане вели упорную борьбу за право свободного пользования всеми видами своих владений, за ликвидацию всякого рода феодальных привилегий и в этой области. Формы борьбы за свободное землевладение, полную собственность на поля, луга, пастбища были многообразны. Это и требование

¹⁷ Codex juris municipalis, t. II, N 825.

¹⁸ Archiv Český cíli staré písemné památky české a moravské, sebrané z archivů domácích a cizích, díl VI, v Praze, 1872, s. 23—25.

¹⁹ Codex juris municipalis, t. II, N 233, 246.

отмены права «мертвой руки», и стремление добиться от сеньора права свободного отчуждения своих владений, и борьба против всякого рода чрезвычайных поборов, за постоянные размеры чинша, против старых форм феодальной ренты-барщины, поборов в дни приезда короля, при выдаче замуж его дочери и иных всякого рода «добровольных» приношений. В то же время богатые горожане имели в виду и расширение своих прав в отношении крестьян, живущих в селах, дворах, ставших их держанием или собственностью. Патрициат, да и бюргерство в какой-то мере, были заинтересованы в распространении своего городского права в зависимых сельских владениях. Села, дворы и иные земельные владения горожан постепенно включались в сферу городского права. Крестьяне, живущие на землях, принадлежащих тому или иному городу, в судебных вопросах подлежали уже городскому суду. Так было повсюду в Чехии и Моравии, особенно со второй половины XIV века и позднее.

Жители королевских городов стремились добиться права свободного или, по крайней мере, более или менее свободного распоряжения своей собственностью, в том числе и земельной. В первой половине XIV в. мы встречаем в привилегиях некоторых королевских городов прямое или косвенное указание на получение такого права. В одной из привилегий городу Кадань от 1331 г. король устанавливал, что если горожанин купит владения в окрестностях города, то он обязан платить с них берну. В документе не сказано, о каких владениях идет речь, но, поскольку речь идет о собственности в окрестностях города, очевидно, имелись в виду земельные владения²⁰. В 1349 г. было подтверждено право горожан на покупку свободных участков (собственности, владений) и эфитевзиса с земель общины города Усти над Лабой²¹. Текст этой привилегии позволяет предположить, что право на куплю-продажу своих владений, в том числе и земельных, горожане королевских городов фактически имели раньше, чем оно было оформлено юридически королевской грамотой. В 1359 г. право покупать дома и иную недвижимость король предоставил городу Чаславу²².

В сохранившихся привилегиях столицы страны Праги сохранился перечень тех объектов собственности, которые горожане могли покупать и продавать. В грамоте от 1366 г. им

²⁰ Ibid., N 156.

²¹ Ibid., N 385.

²² Ibid., N 294.

разрешалось покупать и продавать свою собственность, чинши, землю и иные виды владений всем, кроме духовенства. Небезынтересная оговорка, которая встретится и в других привилегиях. Она отражала, по-видимому, все более обострявшиеся противоречия, конкуренцию между различными слоями самого феодального класса: «also daz alle burger da selbst, ire erben vnd nochkomen ewiglich vorwerk, erbe, eygen, czinse, guelte, heusern vnd ekker vf dem land kaufen moegen vnd dy selben wider vorkaufen...»²³. В 1371 г. король разрешил горожанам Кутной Горы покупать и продавать земельные владения²⁴, а в 1387 г. Вацлав IV дал городу Острову право покупать в его окрестностях владения шляхтичей и некоролевские владения вообще.

В ряде привилегий городов право купли-продажи владений горожан называется рядом с правом свободного завещания горожанами их имущества. Это относится и к приведенной выше привилегии Кутной Горы от 1371 г., горожанам Высокого Мыта, получившим в 1372 г. право свободной купли-продажи своих владений и, вместе с тем, право свободного завещания²⁵.

Одним из важных составных элементов борьбы горожан, как и крестьянства, за свободную собственность являлись их выступления против давно сложившегося феодального права посмертного побора сеньоров в отношении собственности горожан и крестьянства. Еще в начале XIV в. в «Праве Старого города Праги» (1310 г.) говорилось совершенно определенно о наличии посмертного побора даже с горожан столицы. Если горожанин умрет без завещания, читаем мы в тексте источника, то две части его имущества передаются в собственность сеньора-короля и лишь одна треть отходила жене умершего²⁶. В годы правления Карла I (IV), в годы дальнейшего успешного развития товарно-денежных отношений многие королевские города добились постепенно освобождения от посмертного побора и некоторых других ограничений в распоряжении своей собственностью. В 1348 г. король предоставил право свободного завещания своей собственности жителям

²³ Codex juris municipalis regni Bohemiae, t. I. Privilegia civitatum Pragensium, vyd. Čelakovský I. Praha, 1886, N 87.

²⁴ Ibid., t. II, N 449, 620.

²⁵ Ibid., N 489.

²⁶ См. нашу статью «Спор об одумрти в Чехии конца XIV в.». — Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1964.

города Хеба²⁷. В 1366 г. такую привилегию получила Прага. В 1371 г. это право получили Кутна Гора и город Мост, а в 1372 г. все королевские города Чехии²⁸. Во многих сохранившихся текстах грамот прямо перечислялись различные виды владений горожан, которые передавались по наследству. В привилегиях городов Пльзень, Сушицы, Устье над Лабой и ряда других прямо названы и земельные владения²⁹.

Приведенные выше достижения королевских городов в их борьбе за свободное землевладение вовсе не означали, что эта сложнейшая задача была уже решена. Феодальные права и в этой области оставались еще очень значительными и противоречия интересов горожан и феодалов все более усложнялись и в этом вопросе. Бюргерство и плебс городов попытались решить эти вопросы в развернувшимся вскоре Гуситском движении. Чего им удалось достичь в этом направлении — это предмет, требующий специального исследования.

М. М. Яброва

КРЕДИТ КАК ОРУДИЕ НАСТУПЛЕНИЯ КУПЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА РЕМЕСЛО И МЕЛКУЮ ТОРГОВЛЮ В АНГЛИИ XIV—XV ВЕКОВ

Исследуя различные аспекты коммерческого кредита, в том числе условия и время его возникновения, мы пришли к выводу, что корнями своими он уходит в конец XIII века. С развитием товарно-денежных отношений старая форма кредита, типа ростовщичества, «построенного на бедности», не могла удовлетворить растущую торговлю. Высокий ростовщический процент съедал всю торговую прибыль, а без высокого процента не могло существовать и само ростовщичество. Из этого противоречия зарождающаяся буржуазия пыталась выйти созданием иных форм кредитования. Самой существенной из них, качественно новой являлся коммерческий кредит¹.

²⁷ Regesta, V, f. 1, p. 148.

²⁸ Codex juris municipalis, t. I, s. 142—144; t. II, v. 449, 462, 463, 464, 465, 478, 479, 480, 481, 482, 507, 509.

²⁹ Ibid., t. II, N 486, 509, 514.

¹ См.: Яброва М. М. Особенности средневекового кредита и его развитие в Англии XIII—XV веков. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 4; Она же. Коммерческий кредит в Англии XIV—XV веков. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1979, вып. 5.

На протяжении XIV—XV веков вырабатывались орудия кредита: денежные обязательства, векселя, которые позволяли обходиться минимальными денежными ресурсами, способствовали оттеснению ростовщика на задний план. Развивались гарантии коммерческого кредита — от залога недвижимости до простого поручительства, определялись его сроки. Королевские статуты, особенно постановления лондонского городского совета, представлявшего интересы крупнейших лондонских ливрейных компаний, содействовали развитию коммерческого кредита.

В данной статье нас интересует вопрос о месте и роли кредита в период широкого наступления крупного купеческого капитала на ремесло и мелкую торговлю.

Для выяснения этой стороны дела значительный материал могут дать так называемые акты об амнистии (pardons of outlawry), несмотря на их известную неполноту и ограниченность². Значительно больше было кредиторов, которым не надо было возбуждать дело, ибо им платили вовремя и сполна. Но все же данные этих амнистий весьма любопытны и позволяют прийти к определенным выводам.

При рассмотрении их прежде всего привлекает внимание большое количество дел, связанных с профессией «торговца вразнос» «коробейника» (charman). Как правило, они выступают в роли ответчика, независимо от того, кто им противостоит. Среди кредиторов можно увидеть представителей разных профессий: суконщиков, галантерейщиков, бакалейщиков, торговцев предметами роскоши (merciers), оловянных и т. д. Но все же из зафиксированных в 1467—1477 годах 24 актов об амнистии, имеющих отношение к торговцам вразнос, в 15 случаях истцом был торговец предметами роскоши. Эта закономерность подтверждается такими же актами помилования, но за другие годы. С 1441 по 1446 год из 12 дел, где ответчиком выступал торговец вразнос, в половине случаев кредитором был торговец предметами роскоши³, все остальные кредиторы выступали по одному разу (только бакалейщик выступил трижды)⁴. Еще более убедительна картина при рассмотрении тяжб за 1485—1494 годы: в 9 из 10 случаев в качестве кредитора выступали торговцы предметами роскоши⁵ и только один

² Они помещены в серийных изданиях Calendar of Patent Rolls за разные годы (в дальнейшем — CPR). Мы располагаем указанными изданиями за 1361—1367, 1441—1446, 1467—1477 гг.

³ CPR, 1441—1446, p. 19, 119, 123, 381.

⁴ Ibid., p. 304, 382, 386.

⁵ Ibid., 1485—1494, p. 3, 183, 184, 188, 290, 330, 402.

раз бакалейщик⁶. Едва ли это было случайностью. Торговцы предметами роскоши в XV—XVI веках были самой богатой из лондонских ливрейных компаний. У членов ее было больше возможностей для предоставления кредита. Нельзя при этом не учитывать и второго важного обстоятельства: товары торговцев предметами роскоши (хотя их ассортимент не был очень четко ограничен) легче было раздавать «коробейникам» (бархат, шелк, расшитые ткани и изделия из них, кружева), они меньше портились (чем, допустим, товары рыботорговцев), были относительно не очень промоздки.

Совершенно очевидно, что каждый более или менее значительный лондонский торговец предметами роскоши имел не одного, а несколько таких «коробейников», которым раздавал в кредит товары. Источник фиксирует трех «коробейников», которые торговали от имени богатого лондонского торговца предметами роскоши Томаса Нича⁷, двух, торговавших от имени Ричарда Айверли⁸, двух от имени Роберта Берли⁹, двух от имени Вильяма Лока¹⁰ и т. д. Не вызывает сомнений, что их было значительно больше, ведь мы имеем дело только с должниками. В большинстве случаев эти торговцы вразнос еще не были лондонцами или только недавно прибыли в Лондон. Недаром источник очень четко фиксирует их настоящую или недавнюю территориальную принадлежность. Это уже само по себе ставило их в зависимость от кредитора. Не исключалась возможность для торговца вразнос выступить в роли компаньона. По всей вероятности, таковым был Джон Бирд, сумма долга которого составляла традиционных 40 ш.¹¹ Вряд ли здесь имело место полное равноправие. В большинстве случаев «коробейники» связывали оптовых лондонских купцов с рынком, главным образом провинциальным. Наличие во всех этих случаях коммерческого кредита несомненно. К сожалению, мы не можем четко определить его сроков, но исходя из сложившейся традиции, по всей вероятности, от начала сделки до последнего платежа срок укладывался в один год. В целом кредит торговцам вразнос был одним из очень важных каналов наступления на их независимость.

Не менее интересными представляются дела, где в роли

⁶ Ibid., p. 183.

⁷ Ibid., 1467—1476, p. 325, 432; 1485—1494, p. 402.

⁸ Ibid., 1467—1476, p. 327, 581.

⁹ Ibid., p. 147, 320.

¹⁰ Ibid., p. 144, 321.

¹¹ Ibid.: 40 ш. были традиционным вкладом компаньонов в дело, своеобразной гарантией их безупречности.

истца и ответчика выступают лица родственных или одинаковых профессий. Такие варианты встречаются чаще всего. Так, в 1467—1476 годах мы видим имена сукноторговцев Роджера Бромера, задолжавшего сукноторговцу Томасу Бриггсу, должника рыботорговца Джона Сноринга и его кредитора, тоже рыботорговца Томаса Стоутони¹², торговца булочными изделиями Роберта Джорджи, который оказался в долгу у собрата по профессии Генри Норбари¹³ и т. д. Таких случаев можно привести множество. Не исключено, что часть из них — компаньоны по какой-нибудь сделке, которые не смогли разделить прибыль. Но даже и в этих случаях возможны были отношения господства и подчинения, особенно если учесть, что имущественный статус, определявший в какой-то мере общественное положение кредитора и должника, зачастую расходился. Например, в судебном разбирательстве между вышеназванными рыботорговцами неравенство очевидно. Должник Джон Сноринг был весьмаординарной личностью, а вот его кредитор вскоре получил довольно выгодную должность контролера в порту Сэндвич¹⁴. Вернее всего, Джон Сноринг просто торговал от имени этого Томаса Стоутони. Отношения господства и подчинения очевидны в ряде других случаев. Томас Гудэй, сукновал, задолжал лондонскому сукноторговцу Бартоломею Куперу 8 ф., долг не выплатил и в 1468 году был привлечен к ответственности¹⁵. Здесь наше внимание привлекает прежде всего профессиональный статус истца и ответчика. Члены лондонской ливрейной компании суконщиков, зародившейся по существу как объединение торговцев сукна, в XV веке очень энергично наступали на все смежные профессии в сукноделии, стремясь экономически подчинить их своему влиянию. Сукновалы были весьма серьезным объектом этого наступления. Поэтому соотношение: кредитор-суконщик, должник-сукновал, само по себе настораживает¹⁶. Помимо этого, в документе точно указано, что Бар-

¹² Ibid., p. 203, 321.

¹³ Ibid., p. 500.

¹⁴ Ibid., p. 592. Дело разбиралось в 1472 году, а назначение на должность имело место в 1476 году.

¹⁵ Ibid., p. 76.

¹⁶ Наступление суконщиков на сукновалов шло на протяжении всего XV века. Только в 1528 году последним удалось отстоять самостоятельность, объединившись со стригальями, и создать свою компанию сукноделов. (См.: Яброва М. М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгамации. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1974, вып. 2, с. 151).

толомью Купер был полноправным горожанином Лондона, а вот ответчик Томас Гудэй недавно прибыл в Лондон из графства Эссекс¹⁷. Не исключено, что сукновал еще не был полноправным горожанином, тем более его легко было прибрать к рукам, ибо только фримены имели право самостоятельно вести торговлю¹⁸. И, наконец, немаловажным является и то обстоятельство, что имя Купера в течение этого десятилетия встречается еще один раз, и снова он выступает в роли кредитора, причем весьма солидного, он подал иск на 40 ф.¹⁹ Вряд ли Купер был таким неудачником, которому не желали платить долгов, вернее всего его торговля и собственно кредитные операции были достаточно широки, отсюда и два разбирательства в течение нескольких лет. Таким образом, предприимчивый суконщик мог использовать кредит для подчинения более мелких торговцев или ремесленников.

Но каков характер этого кредита? Что получал сукновал? Из чего сложился его долг? Здесь мы вступаем в область догадок, ибо прямых данных у нас нет. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с раздачей сырья, которая маскируется под товарный кредит. Основания для такого же вывода дает и иск лондонского суконщика Джона Бриггса на сумму в 105 ш. 2 п. к красильщику Генри Чез²⁰. В источнике сказано, что Генри Чез недавно прибыл в Лондон из графства Нортемптон. Как красильщик он вполне мог заинтересовать суконщика. Наступление суконщиков на смежные профессии в XV веке было очень активным, и кредит, как один из методов подчинения мелкого ремесла, вполне мог быть использован. Вернее всего долг красильщика сложился из товаров, которые Джон Бриггс давал ему. Это могли быть и красители и неокрашенные сукна, Джон Бриггс фактически выступал в роли раздачика сырья.

Аналогичная ситуация в деле Уильяма Уэбба, сукнодела, задолжавшего Уильяму Пэчесу, лондонскому торговцу предметами роскоши, 17 ф. 3 ш. 11 п.²¹. Видимо, и этот долг сло-

¹⁷ CPR, 1467—1476, p. 76.

¹⁸ Только полноправный горожанин, фримен, мог открыть лавку и вести розничную торговлю. Ни один не-фримен не мог купить товар, за который полноправный горожанин предложил равную цену. (См.: Williams G. A. Medieval London. From Commune to capital. L., 1970, p. 43).

¹⁹ CPR, 1467—1476, p. 142.

²⁰ Ibid., p. 386.

²¹ Ibid., p. 434.

жился из сырья, которое торговец предметами роскоши раздавал в кредит. Привлекает внимание и тот факт, что Уильям Уэбб, как и предшествующие должники, прибыл в Лондон незадолго до судебного разбирательства, в источнике указано и место, откуда он приехал, — Бедхам, графство Эссекс²². Но это дело привлекает нас и тем, что о Пэчесе нам известно несколько больше, чем о предыдущих кредиторах. В мае 1473 года Уильям Пэчес получил королевскую лицензию на вывоз в течение 4 лет сукна на сумму в 465 ф. Любопытна мотивировка лицензии — за заем, предоставленный королю²³. А в декабре этого же года он был назначен опекуном малолетнего сына покойного Томаса Дерхама, человека весьма состоятельного, владевшего немалыми землями, манорами, рентами²⁴. Опекунство свидетельствует об определенном общественном положении Пэчеса. И конечно же, когда рядом встают две столь неравноценные фигуры — сукнодел и торговец предметами роскоши, член богатейшей лондонской ливрейной компании и по всем данным сам достаточно состоятельный, — то возникает мысль о том, что кредит в этом случае маскировал более сложные моменты экономической жизни, как раздачу сырья, а возможно и скупку изделий.

Вывод о раздаче сырья или скупке изделий, скрывающихся за кредитом, напрашивается и при анализе актов об амнистии кузнеца, недавно прибывшего из графства Кент, и лондонского торговца скобяными изделиями (кузнец задолжал 4 ф. 16 ш.)²⁵, дубильщика Уильяма Драйвера, прибывшего в Лондон из графства Сэффолк и задолжавшего 20 ф. семейному объединению братьев Корниш, по профессии шорников, фрименов Лондона²⁶. Кстати, и в этом случае нельзя не обратить внимания на профессиональный статус: в ряде случаев шорники, имевшие дело со сбытом готовой продукции, стремились подчинить промежуточные профессии, отрезая их от рынков сбыта и сырьевых источников²⁷. Тот же профессио-

²² Ibid.

²³ Ibid., p. 389.

²⁴ Ibid., p. 416—417. Вернее всего, этот Уильям Пэчес и Уильям Пэчес, олддермен с 1492 по 1502 год, — одно и то же лицо. (См.: Thrupp S. The Merchant class of medieval London in XV century. L., 1962, Appendix).

²⁵ CPR, 1467—1476, p. 146.

²⁶ Ibid., p. 324.

²⁷ О таком наступлении на смежные профессии говорят источники. В 1327 году в лондонской мэрии разбиралось дело о драке между ремесленниками, которые изготавливали детали для сбруи (художники, че-

нальный принцип, как и территориальный (недавнее прибытие в Лондон), выступает и в деле о задолженности красильщика Эдварда Эверарда, прибывшего в Лондон из графства Саутгемптон, двум лондонским сукноторговцам — Джону Хайнесу и Уильяму Шекбургу²⁸.

Районы, куда проникал лондонский кредит, тоже весьма разнообразны. Это чаще всего небольшие города, расположенные в самых различных графствах: Кент, Норфолк, Йоркшир, Нортгемптон, Бедфорд. Шире всего лондонский кредит в это время проникал в графства Бэркс²⁹, Сэффолк³⁰, Соммерсет³¹. Были купцы, которые ориентировались на какой-то совершенно определенный провинциальный рынок. Лондонский торговец предметами роскоши Уильям Сивестер был связан главным образом с графством Бэкингам (и даже более определенно — с местечком Чепингуайкомб в этом графстве)³². Лондонский бакалейщик Ричард Уайльдебор ориентировался на графство Уорвик³³, а вот очень крупный торговец предметами роскоши Ричард Айверли раскинул свои сети в нескольких графствах. За период с 1467 по 1477 год мы отмечаем его деятельность в графствах Кент и Сэссекс³⁴; Роберт Бэрли, тоже лондонский торговец предметами роскоши, закрепился в графствах Соммерсет и Эссекс³⁵; Эдмунд Редкнейп, торговец предметами роскоши, — в графствах Дорсет и Норфолк³⁶ и т. д. Какие профессии чаще всего между собой соприкасались при проникновении лондонского капитала в провинции? Закономерность здесь установить не просто, ибо часто профессиональная принадлежность провинциалов обо-

канщики, столяры) с одной стороны, и шорниками — с другой. Первые обвиняли седельщиков в том, что они стремились установить свои цены, крайне низкие, на изделия указанных ремесел. (См.: *Riley Th. Memorials of London and London Life in the XIII, XIV centuries.* L., 1868, p. 156—157).

²⁸ CPR, 1467—1476, p. 223.

²⁹ Ibid., p. 4, 6, 76, 77, 257.

³⁰ Ibid., p. 144, 226, 321, 579.

³¹ Ibid., p. 10, 78, 320, 325. Проникновение лондонского купеческого капитала в форме коммерческого кредита в различные провинциальные города Англии можно наблюдать уже по крайней мере со второй половины XIV века. (См.: *Calendar of letters from the mayor and corporation of the City of London.* L., 1849—1912, p. 76, 80, 84 etc.).

³² CPR, 1467—1476, p. 382.

³³ Ibid., p. 78, 79.

³⁴ Ibid., p. 80, 384, 581.

³⁵ Ibid., p. 147, 320.

³⁶ Ibid., p. 204, 285, 385.

значалась весьма расплывчатым термином — купец, торговец³⁷. И все же чаще можно наблюдать, когда коммерческие сделки, сопровождаемые кредитом, заключались между лицами, профессионально однородными или близкими: Генри Дикер из графства Оксфорд, суконщик, задолжал лондонскому суконщику Грею³⁸ (1444 г.), Симон Боул из Биклза, графство Сэффолк, торговец пряностями, выступил в роли ответчика перед Робертом Сьюэйлом, фрименом и бакалейщиком Лондона³⁹ (1443 г.), Джон Айдрич из Колчестера, графство Эссекс, красильщик, задолжал 22 ф. 6 ш. 8 п. Генри Брею и Томасу Куку, фрименам и суконщикам Лондона⁴⁰, суконщик Томас Белхэм из Сэндвича, графство Кент, кредитовался у Джона Уайддея, лондонского суконщика⁴¹, «*converser*» из Бостона, графство Линкольн, пользовался кредитом лондонского рыботорговца⁴² и т. д. В последнем случае может идти речь о денежном кредите изготовителю корзин.

До сих пор речь шла о тех случаях, когда лондонское купечество (имеются в виду, главным образом, члены лондонских ливрейных компаний) выступало в роли кредиторов. Но в эту пору зафиксировано несколько случаев, когда обстоятельства коренным образом изменяются: лондонцы выступают в роли должников, а кредиторами являются провинциальные купцы.

Некоторые из этих документов заслуживают того, чтобы привести их содержание несколько полнее. Документ от 22 июня 1467 года фиксирует задолженность Джона Спенсера, лондонского портного (или торговца портняжными изделиями) двум лицам. Одна из них «одинокая женщина» («*singlewoman*») из Лондона, некая Филиппа Рассел. Ей Спенсер задолжал весьма солидную сумму — 120 ф. стерлингов⁴³. Второй кредитор, купец из Херсфорда Ричард Грен. Сумма долга 10 ф.⁴⁴ В другом случае от 4 июля 1471 года мы имеем дело с должником Ричардом Ярумом, лондонским торговцем пред-

³⁷ Это на примере города Йорка достаточно убедительно показано в работе: *Петрова С. П.* Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XIV — начале XVII века (К истории торгового капитала в Англии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1973.

³⁸ CPR, 1441—1446, p. 302.

³⁹ Ibid., p. 124.

⁴⁰ Ibid., p. 383.

⁴¹ Ibid., p. 19.

⁴² *Converser* — изготовитель корзин для перевозки рыбы.

⁴³ Ibid., 1467—1476, p. 4.

⁴⁴ Ibid.

метаами роскоши. В роли кредитора выступает Джон Роуз, сукнодел («worstedwever») ⁴⁵ из Норича. Сумма долга — 35 ф. ⁴⁶ 12 июля 1473 года был зафиксирован долг Томаса Эдмонда, фримена и рыботорговца Лондона. Задолженность его была довольно велика: эсквайру Уильяму Клоду 15 ф., купцам Уильяму Джильберту и Уильяму Пилтону — 10 ф., Симону Бэкстеру, купцу, — 25 ф. 12 ш. и Джону Дэллу — 6 ф. ⁴⁷ Четверо кредиторов — Уильям Клод, Уильям Джильберт, Уильям Пилтон и Симон Бэкстер были из Линна (графство Норфолк), местопребывание Джона Делла установить не удалось. И, наконец, в документе от 13 апреля 1475 года речь идет о Ричарде Джойнуре, лондонском бакалейщике, который задолжал купцу Джону Ковентри из графства Уилшир весьма большую сумму — 120 ф. 13 ш. 8 п. ⁴⁸

Целый ряд моментов в приведенных случаях привлекает наше внимание. Прежде всего величина долга. Она довольно солидна: от 35 ф. у Ричарда Ярута до 130 ф. у Джона Спенсера. Сумма же долга провинциальных купцов иногда составляла несколько фунтов ⁴⁹, и ни в одном из известных нам случаев не поднималась выше 35 ф. ⁵⁰ Необходимо учитывать и то, что у лондонцев и провинциальных купцов были различные трудности. Если лондонцы в XV веке испытывали главным образом нужду в наличных деньгах, то провинциалы в первую очередь нуждались в рынках. На этом и строились их взаимоотношения. Думается, что провинциальные купцы сбывали свои товары в кредит. К сожалению, мы не можем определить его сроков, по всей вероятности, он не отличался от обычного. Гарантии этого кредита тоже очень неопределенны. Конечно, здесь имели место поручители. Но не только. На лицо давние, в известной мере ставшие традиционными, торговые связи. Обратимся к упоминавшемуся лондонскому рыботорговцу Томасу Эдмонду, который задолжал целой группе лиц из Линна. Почему жители Линна прониклись доверием к этому рыботорговцу и рисковали своими кровными деньгами? Оказывается, были основания. Томаса Эдмонда знали

⁴⁵ Название происходит от местечка Worsted в графстве Норфолк, где производился особый вид пряжи.

⁴⁶ CPR, 1467—1476, p. 253.

⁴⁷ Ibid., p. 381.

⁴⁸ Ibid., p. 4.

⁴⁹ Ibid., p. 498.

⁵⁰ Ibid., p. 3, 10, 78, 202, 256, 506, etc.

в Линне. 13 февраля 1471 года он выступает в амплуа кредитора некоего джентльмена из Девона. Сумма кредита 20 ф. Но интересно другое: кредитую этого джентльмена из Девона, Томас Эдмонд выступал вместе с неким Джоном Бошером из Линна ⁵¹, т. е. у него были довольно регулярные торговые связи с жителями этого города. По всей вероятности, и в основе ряда других торговых сделок были такие же связи.

Нельзя не обратить внимание и на профессию должников-лондонцев: портной, торговец предметами роскоши, рыботорговец, бакалейщик (рыботорговец, связанный с Линном, мог скупать там рыбу и перепродавать ее). Но необходимо иметь в виду, что во второй половине XV века лондонские рыботорговцы (как и представители других профессий) торговали не только рыбой, а целым рядом товаров ⁵². То же относится и к портному, который по всей вероятности представлял не ремесленников, а торговцев портняжными изделиями. Думается, что в ряде случаев связей лондонцев с провинциалами за коммерческим кредитом могли скрываться более сложные отношения. Действительно, если лондонский торговец предметами роскоши задолжал сукноделу Норича, он скорее всего выступал как скупщик сукна. При крайне узком рынке сбыта непросто догадаться, кто мог диктовать свои условия. Картина как бы переворачивается, когда речь идет о кредитовании лондонских купцов провинциалами. Условия свои диктует не предоставляющий кредит, а пользующийся им. Это подтверждают и некоторые косвенные данные. Имеются свидетельства от января 1486 года о раздельных исках Томаса Хоролда-младшего и Томаса Хоролда-старшего, суконщиков из графства Сэффолк, к Джону Бэрону, фримену Лондона, на сумму в 16 ф. 18 ш. 3 п. и 13 ф. 9 ш. 6 п. ⁵³ О Джоне Бэроне известно, что в 1485 и в 1486 годах он получил охранные грамоты, разрешающие ему путешествовать по королевским делам в Англии и за ее пределами ⁵⁴, т. е. он был лицом значительным, особенно по сравнению с безвестными провинциальными суконщиками. Видимо, он был и богат, если судить по кредиту

⁵¹ Ibid., p. 225.

⁵² Лондонский обычай не запрещал фримену торговать самыми разнообразными товарами. Попытки королевской власти ограничить купцов (ордонанс 1363 года) вызвал резкий протест и в следующем году был отменен. (См.: Johnson A. H. The history of worshipful company of Drapers of London. Oxford, 1914, v. 1, Appendix, p. 202).

⁵³ CPR, 1485—1494, p. 2.

⁵⁴ Ibid., p. 144.

в 180 ф., который ему открыло некое объединение лондонских бакалейщика Джона Венингтона и джентльмена Роберта Фостера⁵⁵. Думается, что в этих лондонско-провинциальных связях инициатива исходила от лондонских купцов.

Итак, не вызывает сомнений, что за кредитными сделками (в первую очередь речь идет о коммерческом кредите) зачастую скрывались отношения экономического господства и подчинения: раздача сырья, скупка готовых изделий, различные кабальные сделки, особенно, когда лондонские купцы выходили далеко за пределы городской округи, проникая в провинциальные города.

Возрастание роли кредита, его усложнение, разнообразие форм и методов были порождены в Англии бурным развитием товаро-денежных, зарождающихся раннекапиталистических отношений. В свою очередь кредит во всем своем многообразии в этих новых условиях являлся мощным стимулятором дальнейшего социально-экономического развития. «Развитие процесса производства расширяет кредит, а кредит приводит к расширению промышленных и торговых операций»⁵⁶.

Н. И. Девятайкина

ТРУД И БОГАТСТВО В ЭТИКЕ ПЕТРАРКИ

Известно, что XIV век был для итальянских городов временем экономического расцвета, роста нового слоя молодой предприимчивой буржуазии, быстрого умножения ее богатств. Столь же интенсивно ломались старые формы жизни, увеличивалось число бедняков и нищих. Эти сложные общественные перемены нашли определенное отражение в творчестве первого итальянского гуманиста Франческо Петрарки. И хотя специальных сочинений о бедности и богатстве у Петрарки нет, эти вопросы затрагиваются им во многих философских трактатах и письмах от раннего «*Secretum*» (1342—1343) до зрелого «*De remediis utriusque fortunae*» (1366).

Выяснение отношения Петрарки к богатству и бедности, а также к трудовой деятельности имеет важное значение для понимания социальной и этической позиции этого первого гу-

⁵⁵ Ibid., p. 45, 144.

⁵⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 23.

манниста, взгляды которого иные западные авторы до сих пор связывают то с интересами «новой крупной денежной буржуазии», то с церковно-аскетической традицией средневековья¹.

Прежде всего и попытаемся выяснить, как Петрарка относился к добровольной бедности, умерщвлению плоти, физическим страданиям, превозносимым в качестве важнейших христианско-аскетических добродетелей на протяжении всего средневековья².

Современница Петрарки, фанатичная католическая святая Екатерина Сиенская, настойчиво призывала к святой нищете, неотступно моля бога, чтобы он отнял у ее близких богатство и удостоил бы их бедности³.

Петрарка высказывается по этому поводу прежде всего в «Моей тайне» (так по-русски переведено «*Secretum*»), отказывается «изнурять свое естество», поскольку подобное противно «закопу человеческой природы»⁴. По его мнению, естественно и разумно «иметь какой-либо запас для дневного пропитания». Столь же необходимо «заранее собирать запас на усталые годы, чтобы обеспечить себе старость приличную и не чуждую музам»⁵. В заключение спора, он устами Франциска, возражая Августину, заставляет «согласиться» со своими доводами: «Не думай, что я предлагаю тебе бедность... во всяком положении не следует бросаться в крайности. Поэтому я не приглашаю тебя следовать примеру тех, кто говорит «для поддержания жизни достаточно хлеба и воды»... Эти пышные изречения оскорбляют человеческий слух и издавна нетерпимы»⁶. После этого трудно согласиться

¹ Von Martin A. *Sociology of the Renaissance*. L., 1948; Gerosa P. *Umanesimo cristiano del Petrarca*. Torino, 1966.

² См.: Lazzeri F. *Il Contemptus mundi come ideologia*. — *Il pensiero politico*. Firenze, 1970, N 1, p. 16—17. Как показал еще Г. Эйкен, Фома Аквинский считал добровольную бедность «первым и основным условием для достижения совершенной любви»; Франциск Ассизский называл ее царской добродетелью, печатью избранных (см.: Эйкен Г. *История и система средневекового созерцания*. Спб., 1906, с. 442—443).

³ *Caterina da Siena*. *Epistolario*, vol. 2, lett. N 215, p. 625—631.

⁴ Петрарка Ф. *Моя тайна*. — В кн.: Петрарка Франческо. *Избранное* /перевод с лат. М. О. Гершензона. М., 1974, с. 102—103. «Моя тайна» («*Secretum*») написана в форме острого и напряженного диалога между Франциском и Августином. Последний персонаж по вопросу о бедности и богатстве, труде чаще всего высказывает средневеково-церковные суждения, близкие по духу его историческому прототипу.

⁵ Там же, с. 97, 101.

⁶ Там же, с. 102.

с мнением, высказанным в одной из ранних статей Г. Барона, — что во взглядах Петрарки превалировали идеи францисканской бедности⁷. Петрарка решительно отверг аскетическую добродетель святой нищеты. Тут он даже Августина заставляет перейти на свою сторону, дабы заручиться его авторитетом.

Но неприятие монашеской нищеты не закрывает от Петрарки бедности как социального явления. Его Франциска удручает «ужасный вид бесчисленных нищих» в Авиньоне, особенно контрастный с разнузданностью богатства; лишает покоя «уныние и скорбь одних, резвая веселость других»⁸. Он считает нужду и голод тягчайшей напастью, отказываясь верить, что кто-то может избрать их «по желанию», а не быть постигнутым против воли⁹. Примечательно, что гуманист скорбит о чужих несчастиях не меньше, чем о собственных¹⁰. Горечью и сочувствием к бедноте проникнуты строфы знаменитой канцоны Петрарки «Высокий дух»...:

И беднота являет напоказ
Перед тобою мириады ран,
Которые смутили б Ганнибала¹¹.

Конечно, Петрарка не мог найти реальных путей избавления от бедности, но в любом случае не оставался равнодушным, считал одним из необходимых дел государя «благотворительствовать наиболее бедным» — и не только из своего имущества, но также показывая себя щедрым в тех средствах, которые без несправедливости можно отнять у богатых¹². Можно ли после этих слов согласиться с мнением, что Петрарка презирал «vulgus profanus», обнаруживая полное равнодушие во взгляде на современную действительность¹³? Напротив, осуждение феодально-сословной пренебрежительности к малым мира сего, демократизм, вера в высокие нравственные качества тех, кто лишен богатств и привилегий —

⁷ Baron H. Franciscan poverty and civil wealth as factors in the rise of humanistic thought. — *Speculum*, XIII, 1938, p. 49.

⁸ Петрарка. Моя тайна, с. 139.

⁹ Там же, с. 37.

¹⁰ Там же, с. 130.

¹¹ Петрарка Ф. Избранная лирика /перевод А. Эфроса. М., 1955, канц. III, с. 51.

¹² Petrarca. De optime republice administranda (Цит. по кн.: Корелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1896, с. 158).

¹³ Tripet A. Petrarque ou la connaissance de soi. Genève, 1967, p. 30.

традиционных признаков благородства, — выступает у гуманиста достаточно отчетливо.

Богатство и знатность подвергаются этическому осуждению. По глубокому убеждению Петрарки, бедность не лишает человека доблести: «наилучшая кормилица доблестей — бедность, пороков — богатство». Чем меньше богатства, тем больше доблестей и мужества. Лучше, если мужу недостает денег, чем деньгам — мужа¹⁴, — таковы обычные суждения гуманиста. В специальном диалоге «О бедности» он подчеркивает вновь, что «доблесть занимает тем больше места, чем меньше богатства... Уже не будет места ни высокомерию, ни зависти, ни коварству. Нет никаких богатств, которым не должно предпочесть доблесть»¹⁵.

Еще в «Моей тайне» он сумел показать, что отнюдь не считает доблестным делом жадное стремление к земным благам: «Я никогда не спорил жаждою богатства и могущества, которая на наших глазах сжигает многих людей... Что за безумие проводить свою жизнь в трудах и бедности, чтобы тотчас умереть среди стольких забот о накоплении богатства?»¹⁶. Петрарка даже принуждает своего Августина наговаривать папраслину на Франциска, чтобы еще раз показать, сколь чуждо ему подобное понимание хорошей жизни: «Вероятно, тебе кажется очень заманчивым умереть на ложе, покрытом пурпурными тканями, лежать в мраморной гробнице и завещать своим преемникам спор о богатом наследстве, ведь потому вы и жаждете богатства, что оно доставляет эти преимущества. Бесплодный и, верь мне, безумный труд! Рассмотрю в общем человеческую природу, и ты увидишь, что она довольствуется малым, если же поразмыслишь о собственной, то едва ли рождался человек, который мог бы удовольствоваться меньшим...»¹⁷. Августин обвиняет здесь не столь Франциска, сколько вообще всех, готовых ради богатства забыть честь и достоинство — педаром он обращается во множественном числе. А истинное отношение самого Петрарки к богатству ясно из последних слов Августина, равно как из спокойного замечания Франциска: «...до очевидности ясно, что я лишь по нужде унижаюсь до этих забот»¹⁸.

¹⁴ Petrarca F. De remediis utriusque fortunae, libr. I, dial. 110, 68; libr. II, dial. 8. — In: Petrarca Fr. Opera, quae exant omnia. Baseleae, 1581.

¹⁵ Ibid., libr. II, dial. 8.

¹⁶ Петрарка. Моя тайна, с. 43.

¹⁷ Там же, с. 98.

¹⁸ Там же, с. 97.

В старости он скажет в знаменитом «Письме к потомкам»: «Я всегда глубоко презирал богатство... не искал стяжать возможности роскошных трапез»¹⁹.

В алчности гуманист видит наихудший порок и президище всех пороков²⁰, едва ли кому-нибудь более чуждый, чем ему самому²¹. А в трактате «О средствах...» приходит к выводу, что «чрезмерное богатство вообще противоположно хорошему нраву», может ослабить доблесть не только одного человека, но целого народа²². Как верно заметил М. Корелин, Петрарка восстает против богатства и предпочитает бедность не с церковной, но со светски-этической точки зрения, потому что богатство портит нравы и ведет к гибели государства²³. Основной упор делается на том, что доблестным человеком может быть всякий, независимо от его внешнего статуса, что долг человека — заботиться о себе самом как о наивысшем богатстве и ценности. «Не место должно быть прославляемо, но душа, и если она обладает доблестью, то доблестным становится любое место»²⁴. И опять мы видим, как переплетаются у Петрарки этические и социальные воззрения: такое понимание «virtus» в корне противоречит сословным представлениям.

Еще более показательным для социальной позиции Петрарки является его отношение к труду. Труд рассматривался средневековыми теологами как недоблестная, низменная, унижающая обязанность, традиционно объявлявшаяся наказанием за грех Адама. Иннокентий III писал, что несчастье человека состоит в том, что он «рожден к труду»: «Все дни его полны работами и тяжкими трудами, даже ночью не отдыхает ум его. И что это, если не суета? Суета сует и всяческая суета». Самый же труд ничто иное как «тяжкое ярмо»²⁵. Августин в «Тайне» также уверяет Франциска, что «стараться для других», быть всецело поглощенным «чужими делами» — истинная добродетель. Франциск молчаливо обходит упреки оппонента, отнюдь не собираясь бросать свои

¹⁹ Петрарка. Письмо к потомкам. Избранное, с. 10—11.

²⁰ Petrarca Fr. Le familiari, libri XXIV. Edizione nazionale delle opere di Fr. Petrarca. Firenze, 1945—1968, V, 3, 18; VI, I, 2, 12, 27; X, 4, 9.

²¹ Моя тайна, с. 94.

²² Petrarca. De remediis... I, 53 «De divitiarum copia».

²³ Корелин М. С. Очерки по истории философской мысли в эпоху Возрождения. Мирозерцание Франческо Петрарки. М., 1899, с. 67.

²⁴ Petrarca. De remediis... I, 58.

²⁵ Innocentius III. De contemptu mundi, I, 12-PL, t. 217.

труды²⁶. В многочисленных письмах, теоретических сочинениях Петрарка раскрывает свое понимание роли труда. «Ничто не свойственно человеку более, чем труд. Для него человек рождается как птица для полета, для плавания — рыба», — говорит он в одном из писем²⁷. В трактате «О средствах...» разум и усердный труд называет признаками, выделяющими человека из остального мира²⁸. Как видим, гуманист, намного превосхитив Альберти, обнаруживает понимание труда как естественно присущего человеку свойства.

Более того, Петрарка приходит к мысли, что труд не только естественное, но и совершенно необходимое для человека качество, облагораживающее и укрепляющее его: «Ослабляется и увядает душа от изнеженностей, — продолжает Петрарка в выше приведенном письме, — благодаря трудностям и работам возвышается и блистает; от вялости имеет обыкновение покрываться ржавчиной, трудностями же очищаться». От иннокентиевской «скорби духа» нет и помин (Альберти после подобных рассуждений приходит к еще более четкому заключению, что «человек рожден не для того, чтобы покоясь, увядать, но чтобы жить в действии... тот, кто не будет сам по себе выполнять действий... может считаться лишенным жизни»²⁹. Если Иннокентий III, выражая церковно-аскетическое понимание смысла жизни, писал: «Мы умираем, пока живем в трудах и заботах»³⁰, гуманисты приходят к принципиально иному выводу. Петрарка рекомендует труд как главное средство, излечивающее отвращение к жизни: «Отгоняется оно прежде всего стойкостью дела, постоянной непреклонностью»³¹.

Таким образом, традиционная точка зрения на труд как

²⁶ Моя тайна, с. 34, 234, 239.

²⁷ Petrarca. Fam., XXI, 9, 11: «...nil tam viro proprium quam laborem, ad hunc nasci ut ad volandum avis ad notandum piscis». Альберти пришел к еще более знаменательному выводу, что все выдающиеся свойства человека — ум, интеллект, способности, суждения, память — даны для того, чтобы усердно трудиться. (См.: Альберти. О семье (пер. Н. В. Ревякиной). — В кн.: Ревякина Н. В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV — первой половины XV века. Новосибирск, 1975, с. 45).

²⁸ Petrarca. De remediis... II, 93.

²⁹ Альберти. О семье. — В кн.: Ревякина Н. В. Итальянское Возрождение. Гуманизм второй половины XIV — первой половины XV в. Новосибирск, 1975, с. 45.

³⁰ Innocentius III. Op. cit., I, 24.

³¹ Petrarca. De remediis... II, 98 «De taedio vitae».

бремя, наказание во искупление греха переосмысливается уже первым гуманистом. Мысль о том, что в труде гораздо больше наслаждения, чем мучений, по справедливому замечанию Н. В. Ревякиной, была близка настроению эпохи, энергию которой вряд ли мог развить труд, понимаемый только как тяжелое наказание³².

Петрарка полностью разделяет сентенцию, что для друзей мира сего «нет ничего более трудного как не работать», не сомневается, что «человеческая душа тем радостнее будет наслаждаться, чем усерднее человек работает». Он резко осуждает «безобразную вялость» и считает пороком «бездеятельную, расслабленную, апатичную лень»³³. Впоследствии Альберти проклянет праздность как гнездо всех пороков³⁴. Антифеодалность, антиэлитарность таких представлений о труде совершенно очевидна.

Труд, деятельность становится доблестью, добродетелью. Подлинный смысл труда состоит не только в необходимости самому человеку, но более всего — другим людям. Иннокентий III отрицал и эту сторону: для него как сама человеческая жизнь бесполезна, так все без исключения виды и роды человеческой деятельности — исследование земли, производство средств к жизни, ученые занятия — «труды, над которыми напрасно вы потеете, суета и скорбь души»³⁵. Петрарка, едва ли не прямо полемизируя с подобными мнениями, утверждает, что занятия многих людей чрезвычайно полезны, что должно приветствовать мастерство всякого рода. Он считает вообще очень разумной и полезной *vita activa*³⁶. В известном письме к Кола ди Риенцо Петрарка подчеркивает, что «истинное величие связано со способностью быть полезным и даже более — с желанием помогать»³⁷. Могло ли такое сочетаться с холодным эгоизмом и пренебрежением к людям, в которых довольно часто упрекают Петрарку иные исследователи?

Уверенность гуманиста в доблестности и полезности труда вообще возрастает еще более, когда речь заходит о научной

³² Ревякина Н. В. Учение о человеке итальянского гуманиста Джанноццо Манетти. — В кн.: Из истории средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 267.

³³ *Petrarca. De otio religioso.* — Opera... p. 295; Fam., VI, 3, 66; Sine nomine, IX; De remediis... II, 8.

³⁴ Альберти. О семье, с. 44.

³⁵ *Innocentius III.* Op. cit., I, 9, 14.

³⁶ *Petrarca. De vita solitaria,* I, 3, 2.

³⁷ *Petrarca. Sine nomine,* II.

деятельности, стремлении к истине через познание людей и мира. Такая деятельность как бы вдвойне полезна, так как служит и будущим поколениям: «Насколько мы будем полезны потомкам, — говорит он в письме к Томазо да Мессина, — мы узнаем лучше всего, если вспомним о той огромной пользе, которую принесли нам открытия наших предков»³⁸. Особенно примечательно, что Петрарка уже пришел к пониманию не только полезности, но и бесконечности труда познания: «Мы трудимся не напрасно, — заключает он в том же письме, — и не без пользы будут трудиться те, которые родятся через много веков, в конце уже одряхлевшего мира. Опасаться скорее следует того, что существование человеческого рода прекратится прежде, чем пылкое человеческое стремление проникнет в сокровенные тайны истины».

Неутомимо трудился на своем писательском поприще и сам Петрарка. Еще в «Тайне» Августина отмечает повседневный труд, постоянные бдения и страстную преданность Франциска научным занятиям, недоумевая, зачем «так изнурять себя писанием книг». Франциск же больше всего боится оставить труды неоконченными³⁹. В трактате «О моем собственном и других невежестве», подводя итоги прожитой жизни, Петрарка замечает: «Истинен ли мой титул человека эрудированного или фальшив, он добыт многими трудами и заботами... редки были дни, когда я не читал, не писал и не размышлял об ученых материях»⁴⁰.

В писательском труде автор «Тайны» видел единственный смысл своей жизни. На вопрос Августина, каким бы занятием он посвятил себя, если бы у него остался лишь один год жизни, Петрарка устами Франциска отвечает: «Я бы хотел предпринять прекрасный, редкий и выдающийся труд»⁴¹ (Заметим, отнюдь не богословского плана: «...он удалит твою душу от всех забот высшего порядка», — с досадой говорит Августин).

Петрарка был одержим работой буквально до последнего дня своей жизни: «Бумагу, перо, чернила и бодрствование по ночам я ставлю выше сна и отдыха... Более того, если я не пишу, всегда мучаюсь и слабею, бездействие меня утомляет, а в труде я отдыхаю... Я хотел бы, чтобы смерть пришла ко

³⁸ *Petrarca. Fam.*, I, 9 /Перевод Н. В. Ревякиной, указ. соч., с. 28.

³⁹ *Petrarca. Моя тайна,* с. 217, 219, 233.

⁴⁰ *Petrarca. De sui ipsius et multorum ignorantia.* — Opera, p. 1041.

⁴¹ *Petrarca. Моя тайна,* с. 221.

мне читающему или пишущему»⁴²; «...Перо, когда держишь его в руке, радуется, когда откладываешь, — приносит удовлетворение, — ведь оно полезно не только тем, к кому непосредственно обращено, но и многим другим людям, находящимся вдалеке, а порою также и тем, кто родится спустя многие столетия», — мудро говорит он в только что приведенном старческом письме.

Отталкиваясь от библейского изречения «Птица рождается для полета, а человек рождается для трудов» (Иов, V), из которого в свое время исходил Иннокентий III, изображая человеческую жизнь сплошным проклятием труда, — Петрарка приходит к совершенно иному пониманию смысла, роли и целей труда, возводя его в ранг гуманистических доблестей, видя в труде их истоки. Почти как клятва звучит его призыв: «Повелеваю и заклинаю, чтобы, как все бодрствующие и высшие мужи, мы изгоняли потемки и невежество и блистали в землях, отличались, стремились что-либо познать... Наши способности должны напрягаться до пределов, богом и природой положенных нам»⁴³. И изменяет ли сколько-нибудь серьезно суть его жизненной позиции добавление, что через все эти усилия «будет нам дорога к небу... вялостью наш путь к высшему не проложится». Опять-таки за старой фразеологией — новое, гуманистическое понимание смысла человеческой деятельности, противоположное теологическим канонам.

Необходимо отметить еще одну важную сторону в понимании Петраркой смысла и целей труда: с ним в его этике теснейшим образом связана слава. «Кто бежит работы — не может надеяться на славу, — пишет он, — к которой ведет трудная, но ясная и прекрасная дорога»⁴⁴. Работой и преодолением трудностей возвышается и блистает душа: Геркулес прославился трудами, а имя Сарданапала, любителя роскоши, удовольствий и снов — бесславно и позорно⁴⁵. Предпочтительнее «не только работа, но даже смерть со славою, чем бесславная бездеятельность», — полагает гуманист⁴⁶. Так же, как и в других случаях, он убежден, что всякий человек, независимо от его положения, может надеяться на славу, «если эта надежда будет подкреплена делами», и чем больше трудов, тем больше наград и похвал⁴⁷. Всякую славу, которая проистекает

⁴² *Petrarca. Epistolae Senili*, XVII, 2.

⁴³ *Petrarca. Fam.*, I, 8, 8.

⁴⁴ *Ibid.*, II, 4, 49.

⁴⁵ *Ibidem*, XXI, 9, 11.

⁴⁶ *Ibidem* XIII, 4, 19.

⁴⁷ *Petrarca. De remediis...* I, 5, 117; *Fam.*, XIV, 1, 41.

ет не из дел, Петрарка считает ложной. Лучше быть неизвестным вовсе, чем известным благодаря ложной славе, приходящей от богатств, благородного происхождения, красивой внешности и т. д. Все это — ветер, дым, ничто⁴⁸. Истинная же слава та, которая расцветает и укрепляется доблестными делами, «совершенными в молчанье, без театрального шума и рукоплесканий толпы»⁴⁹. Петрарка горячо призывает направлять свой ум к делам: «В словах — тщеславное хвастовство, многотрудная борьба и пустой звук, в делах — спокойствие, доблесть и счастье»⁵⁰.

Петрарке первому пришлось в борьбе с аскетизмом отстаивать право человека трудиться ради славы вопреки церковно-аскетическому осуждению земной славы. «Увеличивать почести, возвышать достоинства, — читаем у Иннокентия III, — тяжкие труды и скорь разума»; «...беги почестей и людской славы», — вторит ему Екатерина Сиенская⁵¹.

Петрарка первым в гуманистической литературе поднял вопрос о богатстве и бедности, подошел к нему с иной, нежели в средние века, меркой. Бедность лишается у него авторитета святости, начинает пониматься как социальное зло, к которому нельзя оставаться равнодушным. С другой стороны, ему чуждо буржуазное своекорыстие, стремление к безудержному накоплению богатства. В отношении к богатству у Петрарки, как верно заметила Н. В. Ревякина, преобладает моральный критерий⁵². Оно подвергается этическому осуждению, ему предпочитается скромное состояние и независимость.

Новым становится понимание труда как главнейшей добродетели человека в смысле полезности людям и необходимости для себя. За этим стоит фактическое неприятие идеи первоначального греха, труда лишь как наказания за него.

Представления Петрарки о богатстве и бедности, о труде найдут дальнейшее развитие и осмысление в гуманизме XV века, во многом разделившем взгляды первого гуманиста.

⁴⁸ *Petrarca. Fam.* XIV, 3; V, 17; XIII, 6; *De remediis*, I, 118; *De vita solitaria*, I, 3, 3.

⁴⁹ *Petrarca. De remediis*, I, 92; *Fam.*, V, 17.

⁵⁰ *Petrarca. Fam.*, XXIV, 3.

⁵¹ *Innocentius III*, op. cit., I, 14; *Caterina da Siena. Epistolario*, vol. 2, lett. N 175, p. 622.

⁵² *Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV века. М., 1977, с. 212.*

БАЛКАНСКИЕ ГОРОДА XV—XVI ВЕКОВ
[опыт типологической характеристики]

1. В истории балканских городов есть период, заметно отличающийся как от предыдущего, так и от последующего. Это примерно двести лет, с начала XV и до конца XVI в., когда большая часть городов меняет суверенов. Болгарские, македонские, сербские города попадают под власть турок, а Венеция захватывает земли на адриатическом побережье. Этот период кончается около 1600 г., когда останавливается турецкое наступление в Европе, османское государство вступает в полосу кризиса, а Венецианская республика переходит к существованию и торговле с турками.

2. Простейшее членение городов (в частности, южнославянских) в рамках этого периода с учетом этих обстоятельств намечилось уже давно. Принято считать, хотя никто исследовательски не обосновал этого мнения, что балканские города можно разделить на приморские (далматинские), оказавшиеся под властью Венеции, и континентальные, захваченные турками. Нам кажется, что это членение, при всей его кажущейся упрощенности, имеет под собой основания, прежде всего потому, что оно позволяет учесть воздействие той или иной государственной организации на внутреннюю структуру вошедших в ее состав городов. Велика ли чувствительность города к смене государственных режимов — именно это нам предстоит проверить. Деревня, как известно, сравнительно пассивно относилась к политическим переменам, город же был в этом отношении более чутким образованием.

Так намечается первичная классификация южнославянских городов, предопределенная их пребыванием в составе разных политических организмов. Отметим только, что, помимо приморских городов под властью Венеции (условно «венецианские города») и континентальных центров в составе Османской империи (условно «османские города»), на Балканах можно выделить также хорватские города на Северо-Западе полуострова, попавшие под власть Габсбургов, и сохранивший независимость Дубровник. От характеристики первых мы откажемся, не располагая для этого необходимым материалом, а Дубровник включим в нашу типологическую картину. Итак,

мы исходим из убеждения, что разные формы политического господства являются первым признаком, пользуясь которым можно произвести первичную классификацию городов.

3. Но достаточен ли этот признак для более глубокой, для подлинной типологизации? Чтобы это выяснить, обратимся ко второму критерию, к анализу градостроительного облика балканских городов. В последние годы этот метод все чаще применяется в зарубежной урбанистике, в частности в польской (см., например, вышедшую в Польше монографию З. Качмарчика о далматинских городах). Использование этого метода, как мне кажется, позволяет подтвердить основательность намечившегося членения балканских городов на три группы — османские, венецианские, Дубровник.

Урбанистический облик далматинских городов после 1400 г. не испытывает почти никаких перемен. Коммуны устойчиво организовали свое внутреннее пространство, создали фонд общественных и жилых зданий и столетиями не меняют планировки, оставаясь в своих тесных пределах (Задар — 32 га, Сплит и Тропир — по 10 га). Даже военные потребности не повлияли на их застройку: Венеция защищала их, не перестраивая укреплений. Намечилось лишь одно фортификационное новшество: в каждом приморском городе для надзора над населением венецианцы возводят где-нибудь на берегу маленькую цитадель, «каштель».

Значительно больше перемен переживает Дубровник. Свою независимость он смог сохранить, только опираясь на флот, дипломатию и систему укреплений. Последняя сохранилась и поныне, ее не разрушило даже катастрофическое землетрясение 1667 г., и можно оценить, как она несокрушима. Двойное кольцо стен и башен, предместные форты и бастионы превратили Дубровник в одну из самых мощных твердынь на Балканах.

Особым характером отличалась застройка и османских городов. Болгарские, македонские, сербские, боснийские города ориентализировались. Их восточный облик поразили уже западноевропейских путешественников XVI в., это чувство сохранили и итинерарии XVII и XVIII вв., а в наши дни любой анализ османского города включает указания на его градостроительную специфику. Турки организовали городское пространство вокруг новых центров — крытого рынка («безистена»), скопления торгово-ремесленных улочек («чаршии»), мечети соборного типа («джамии»), караван-сарая. В планировку был введен принцип замкнутых кварталов, населенных

разными этническими и конфессиональными группами («махалы»). Жилые постройки часто имели жалкий вид — полуземлянки, лачуги из досок и глинобитного плетня, они явно возводились наспех. Города почти не имели стен — война отодвинулась от границ империи.

4. Попытаемся теперь проверить намечившееся членение с помощью третьего критерия — с точки зрения демографических показателей. Средние города в венецианских владениях — Котор, Сплит, Трогир — насчитывали около 1400 г. по 2,5—3 тыс. чел. и только Задар можно отнести к разряду крупных городов, в нем жило около 8 тыс. С XV в. они оказываются в зоне постоянных военных столкновений с турками, их население резко уменьшается в итоге войн и эпидемий, но, с другой стороны, оно пополняется за счет постоянных миграций из внутренних районов полуострова. В итоге перепись населения, проведенная в Задаре в 1527 г., дала те же 8 тыс. чел. С конфессиональной точки зрения венецианские города были сравнительно однородны, православных было лишь несколько процентов, а мусульман и того меньше. Их основное население было сербо-хорватским, но какую-то часть (в Задаре до 20%) составляли итальянцы (солдаты, чиновники, купцы).

Демографическая характеристика Дубровника, как ни странно, известна лишь в общих чертах. В его стенах жило 5—6 тыс. жителей, бурного притока беженцев пород не знал, а удельный вес итальянского населения был невелик.

Совершенно иную картину мы видим в османских городах, где налоговые описи («дефтеры») создают прочную основу для демографических подсчетов. Эти подсчеты — одна из ведущих тем в современной болгарской и югославской урбанистике. Несомненно два демографических обстоятельства: а) бурный рост городского населения — в ряде городов ежегодный прирост составлял около 10, а в некоторых, например, в Белграде, около 30% (подсчеты Н. Тодорова); б) активнейшая исламизация города: еще несколько лет назад полагали, что она происходила за счет притока турок, сейчас доказано, что причиной был переход в ислам славян-христиан, которых привлекают налоговые льготы, получаемые в городах мусульманами («муафьет»); в македонских городах каждый третий мусульманин был новообращенным из христиан (подсчеты М. Соколовского).

5. Города можно подвергнуть классификации в соответствии с критерием развитости производства. Еще несколько лет

назад считали, что города венецианской Далмации в XV—XVI вв. переживают экономический упадок. Мой анализ экономического состояния Задара в XVI в. позволил установить, что упадка не происходит, в частности, ремесленная структура города проявляет значительную устойчивость, но застои налицо. Застой испытывают и другие венецианские города, правда, уровень производства здесь и до XV в. был не особенно высок, удельный вес ремесленного населения никогда не превышал 14—15%.

Тем удивительней хозяйственный подъем, который переживает Дубровник. Объем сукноделия (которое в других городах Далмации вообще отсутствует) здесь был так велик, что в XV в. порождает мануфактуру. На местных верфях строится огромный флот, процветает обработка сербского и боснийского золота и серебра, гипертрофировано кожевенное дело. Не случайно поздние хронисты определяли общую численность ремесленников в Дубровнике в полторы тысячи человек (цифра, некритически повторяющаяся в новейшей литературе).

Сходным образом, но на иной основе, развиваются османские города. Первым эшелонем создающего их населения являются солдаты и чиновники, вторым — обслуживающие их мастера. Последних очень много и степень разделения труда между ними велика. В Скопле, например, в 1546 г. работало 507 ремесленников 53 специальностей, что составляет около 38% всех горожан (подсчеты О. Л. Баркана). Нелишне напомнить, что в далматинских городах того времени отраслевая специализация не превышает 25 специальностей. Османские города являются, таким образом, примером интенсивного развития производства, стимулированного военно-политическими потребностями.

Различаются города и по степени развитости самоуправления. До 1400 г. мы находим в Далмации классические образцы городов-коммун. После прихода венецианцев их эволюция идет по двум различным направлениям: большая часть городов утрачивает независимость и лишается самоуправления, а Дубровник поднимается до уровня независимой республики. Но и в том и в другом случае дает себя знать прочность предшествующего коммунального развития, которое в венецианской Далмации позволяет городам удерживать коммунальный декорум. В османских же городах вся система быта, жизни, торговли оказывается под государственным контролем. Самоуправления города совершенно не знали, и особенно

тщательной регламентации и обложению подвергалась рыночная деятельность (работы Б. Цветковой).

Признаков, разделяющих типы городов, таким образом, достаточно. И тем не менее есть доказательства и близости балканских городов между собой, того, что они составляют единый типологический ряд. Отметим два, самых существенных.

Все южнославянские города, хотя и в разной степени, отмечены печатью торгового подъема. Выразительнее всего это ощущается в Дубровнике, чей хозяйственный расцвет является отражением и следствием масштабов средиземноморской торговли. Но и верхушка османских породов, в частности боснийское купечество, развивает свою деятельность в расчете на средиземноморский вывоз. Увеличиваются обороты, растут состояния, возникает коммерческая агентура — все это за счет торговли с побережьем. Бурная экономическая жизнь Дубровника и оживление деятельности османского купечества лежат в русле одного и того же процесса. Недаром одной из форм торговой активности дубровчан становится создание колоний в балканских странах.

Оживление оказывается так велико, что к концу этого периода захватывает и далматинские города, до тех пор отстраняемые венецианцами от международной торговли. Яркий пример этого — торговое «возрождение» Сплита в конце XVI в. (после того, как выходец из Испании Даниэль Родригес перестроил сплитский порт), когда Сплит в средиземноморской торговле на несколько десятилетий оттеснил Дубровник. Налицо, таким образом, тенденция к созданию общепалканских торговых связей.

6. В XV—XVI вв. изменяют свой характер и социальные связи в городах. Это следует подчеркнуть, ибо проблема не всегда находит подобающее освещение в новейшей литературе (свежий пример — недавно вышедшая монография Е. С. Маковой о Загребе XVI в., где теме социальных отношений уделено до удивления незначительное место). Перемены сводятся к следующему. В венецианских городах, столь долго живших в условиях аристократического режима, пополаны (бюргеры) наконец создают собственную общегородскую антипатрицианскую организацию, *universitas*, нечто вроде пополанской коммуны в Италии. Кроме того, в венецианских породах и в Дубровнике окончательно конституируются пополанские корпорации. Они, как правило, строятся не по ремесленному признаку, и являются формами не производственного, а соци-

ального сплочения городской массы. В XV в. происходит их распространение во всех далматинских городах. Оба эти признака — создание *universitas* и распространение пополанских корпораций — знаменуют укрепление социальных связей в среде далматинских горожан.

Совершенно аналогичный процесс в широких масштабах отмечен и в османских городах — в них создаются и утверждаются ремесленные объединения, «эснафы», которые исследователи сближают с цехами. Значительная автономия и широта полномочий, которыми они пользовались, являлись своеобразной антитезой суровому государственному контролю в рамках всего города и показателем той роли, которую приобрели «средние слои» балканских городов в позднее средневековье.

Ю. К. Некрасов

**ГОРОДА И КРЕСТЬЯНЕ ЮЖНОЙ ГЕРМАНИИ
ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ
[осень 1524—лето 1525 г.]***

Поворотным моментом в истории Крестьянской войны в Швабском районе явились события в начале апреля 1525 г., когда военно-политическая организация феодально-католического лагеря — Швабский союз — от тактики переговоров и частных соглашений с восставшими крестьянами перешла в наступление против них. На новом этапе событий с предельной отчетливостью обнаружилась позиция городских властей и различных слоев городского населения к крестьянскому восстанию.

Грозная перспектива объединения городских низов с революционным крестьянством вселяла ужас в сердца членов городских магистратов. В этом отношении весьма примечателен следующий эпизод. Совет Аугсбурга сообщил в штаб-квартиру союза в Ульме, что 27 марта один возчик из Крумбаха, обязанный поставлять ткачам пряжу с еженедельных сельских торгов, заявил, ссылаясь на тревожные времена, что впредь

* Начало статьи см. в кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 5.

не будет этого делать. Заявление возчика не только ткачами, но и в других цехах было воспринято с неподованием. Повсюду поднялся крик, что крестьяне не причиняют ущерба простым людям. Реакция всеобщей благожелательности и сочувствия крестьянам была крайне неприятна членам совета, которые, как это следует из того же письма, в глубокой тайне вели военные приготовления против крестьян¹.

Растущая популярность лозунгов и целей борьбы крестьянских масс среди большинства горожан оказывала влияние и на политику магистратов, которая начинает носить ярко выраженный контрреволюционный характер. Так тревожная и опасная ситуация побудила правящую олигархию того же Аугсбурга заняться поисками новых предохранительных средств. 29 марта магистрат разработал своего рода политическую декларацию о позиции городских властей во время Крестьянской войны, которая и была рассмотрена на следующий день на совместном заседании Большого и Малого советов.² «Хотя некоторые из крестьянских требований, — читаем мы в этом документе, — представляются вполне законными, все же, однако, истина состоит в том, что намерения и действия упомянутых крестьян, которые выступают под прикрытием евангелизма, во многих статьях необоснованы, потому что противоречат слову божьему, священному писанию, а также справедливости, так как господь лично и устами святого Павла поворил и наставлял нас в том, чтобы мы были послушны и терпели светские власти во имя духа божьего». Далее речь шла о том, что, если крестьян не удастся склонить к послушанию мирными средствами, против них следует применить силу. Это касается и тех городов, которые оказались на стороне крестьян. Между тем совет очень обеспокоен многочисленными собраниями, что происходят повсеместно в сельской местности и теми бунтарскими речами, что произносятся в самом городе. Совет уверяет общину города, что будет всеми возможными средствами содействовать полюбовному соглашению с крестьянами и ради достижения этой цели призывает к миру и единению цеховых старшин с цеховыми ремесленниками.

¹ Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmanns Ulrich Arzt von Augsburg aus den Jahren 1524—1526, Hrsg. von W. Vogt. — ZHV, Augsburg, 1879 u. a. (далее — Correspondenz с указанием года издания), N 152, S. 391—392.

² Ibid., N 161, S. 395—398.

Совет Аугсбурга, однако, менее всего полагался на политическое решение конфликта. Поэтому в дни, предшествовавшие переходу Швабского союза к открытой войне с крестьянскими отрядами, городские власти наняли для несения караульной и сторожевой службы еще 400 ландскнехтов, общая численность которых была доведена до 1200 человек, а на их содержание за 1525 г. магистрат израсходовал 15 172 гульдена³. Только такие меры, с точки зрения правящей олигархии, способны были предотвратить восстание городских низов и их переход на сторону крестьян.

Уже рассмотренные материалы побуждают высказать предположение, что сочувствие целям крестьянского движения выражали и средние слои бюргерства, хотя наибольшая опасность властям исходила со стороны городских низов и плебейской оппозиции. Такой ход развития таил в себе серьезную угрозу правящей олигархии, которая имела достаточно оснований, чтобы опасаться за свою судьбу. В первых числах апреля в Аугсбурге был арестован Линхард Майер, по прозвищу Кривой, который в некоторых домах говорил, что богатей следует казнить, а их имущество разделить (die reichen solln hingerichten und mit ynen getailt werden) среди нуждающихся горожан. Во время допроса Майер показал, что он был намерен вместе со своими сторонниками в тот момент, когда крестьяне подойдут к стенам Аугсбурга, «схватить богатых плутов, умертвить их, трупы обросить с городских стен и разделить их имущество с крестьянами»⁴. Через несколько дней были арестованы еще три горожанина, публично произносившие «мятежные речи»⁵. Следовательно, в городе, несмотря на предохранительные мероприятия магистрата, существовала группировка, представлявшая интересы плебейских низов, которая готова была пойти на крайние меры ради установления союза с революционным крестьянством.

Поэтому руководителей «господской партии» в первую очередь страшил перспектива соединения в едином революционном потоке деревень и городов. Штаб-квартира предупреждала в письме от 2 апреля командующего войсками Швабского союза Георга Вальдбурга фон Трухзеса о намерении крестьянских отрядов Озерного края и Альгау соединиться с верхне-

³ Die Chronik von Clemens Sender von den ältesten Zeiten der Stadt bis zum Jahre 1536. — CDS, Bd. 23, Leipzig, 1892. S. 162; Roth F. Augsburgs Reformationsgeschichte, Bd. 1 (1517—1530). München, 1901, S. 173.

⁴ Correspondenz, 1880, N 168, S. 234.

⁵ Ibid., N 188, S. 255.

швабскими городами, не без основания выражая опасение, что отпадение от союза всех городов имело бы далеко идущие последствия для феодально-католического лагеря⁶. Магистраты сознавали это и делали все возможное, чтобы не допустить слияния революционного движения в городах с крестьянским восстанием.

4 апреля 1525 г., когда Швабский союз начал открытую войну с крестьянами и разгромил Лейпгеймский лагерь, расположенный недалеко от Аугсбурга, Большой и Малый советы этого города на совместном заседании приняли решение, которое хотя во многом и повторяло декларацию магистрата от 30 марта, но содержало более резкие формулировки и предусматривало целую систему военно-организационных мероприятий на случай возможной осады города крестьянской армией⁷. Этот декрет магистрата первоочередной задачей объявляет поддержание «добротного единения» (*guoter aynigkeit*) в общине, к чему совет стремится «от всего сердца» (*zu herzen gefasst*). По мнению ратманов, сейчас люди неверно понимают и истолковывают слова апостола Павла, который на самом деле требовал безусловного подчинения светским властям (*das man der menschlichen oberkeit gehorsam ...sein solle*). Всякий, кто выступает на стороне крестьян, причиняет ущерб властям и, следовательно, действует вопреки букве священного писания. Магистрат поэтому требует от всех жителей города «гражданского повиновения» (*bürgerlichen gehorsam*) и угрожает строго наказать тех, кто проявит непослушание и склонность к нарушению гражданского мира «неподобающими речами или действиями» (*ungepügend reden oder handlung*). В эти же дни совет принял и другое постановление, категорически запрещавшее пропускать в город бюргеров — участников крестьянских отрядов и тех лиц, которые раньше присягнули крестьянам, «а теперь вновь желают быть послушными и возвратиться назад» (*aber jetzt wieder gehorsam sein und umbkern*). Это свидетельствует о факте участия в крестьянском движении бюргеров Аугсбурга, которых городские власти в самый драматический момент оставляют на произвол судьбы. Но тут же декрет предписывает не чинить препятствий въезду в город дворян с семьями, у которых достаточно спросить, у кого они намерены остановиться⁸. Таким

⁶ Ibid., N 170, S. 236—237.

⁷ Ibid., N 173—174, S. 239—245.

⁸ Ibid., N 190, S. 257—258.

образом, действия городских властей бросают свет на классовую позицию магистрата во время Крестьянской войны и показывают, насколько она была чужда интересам большинства городского населения. С другой стороны, они же убеждают в том, что идеи народной реформации, доктрина которой требовала устранения существующих властей, действующих вопреки «общей пользе», глубоко проникли в толщу городского населения и вызывали в нем сочувствие к антифеодальному движению крестьян.

На позицию правящей олигархии Аугсбурга оказывали влияние и «дурные вести», которые со второй половины марта начали поступать оповсюду в магистрат. 26 марта к югу от Ротенбурга в районе Швебиш-Гмюнда был создан отряд, в который сбежались крестьяне имперского города Гмюнда, близлежащих монастырей и вюртембергские подданные. Вскоре восстание произошло в самом городе, который перешел в руки крестьян⁹. Но еще более опасный характер носило восстание к югу от Бальтрингенского крестьянского лагеря в дунайской низменности Риза. События в долине Риза еще в конце прошлого века были изучены немецким историком Л. Мюллером¹⁰, которой были привлечены архивные материалы, представляющие большой интерес.

Риз расположен на крайнем северо-востоке Швабии, где ее границы смыкались с Баварией и Франконией. Земли в долине Риза принадлежали графам Эттингенским, имперским городам Нердлингену и Болфингену, Тевтонскому ордену, аугсбургскому капитулу, нескольким богатым монастырям и представителям дворянских семейств из рода Хюрнхаймов. Во второй половине марта здесь вспыхнуло восстание, которое подданные начали против духовных и светских господ¹¹. В восстание в общей сложности было вовлечено 74 населенных пункта и оно охватило всю территорию между Эзельбергом и бассейном Дуная, от Динкельсбюля до окрестностей Донауверта¹². Активное участие в революционных событиях приняли плебейская и отчасти бюргерская оппозиция городов этого района и особенно самого крупного из них — Нердлингена.

⁹ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg, 4. Aufl. Darmstadt, 1956, S. 213.

¹⁰ Müller L. Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges im Ries und seinen Umbländen. — ZHV, Augsburg, 1889/90.

¹¹ Ibid., 1889, S. 24—25.

¹² Ibid., S. 35—36.

Поводом для недовольства и волнения в Нердлингене послужил арест по приказу графа Эттингенского евангелического священника Мельхиора Шафбиндера. По этому поводу магистрат 17 марта обратился с просьбой к графу освободить священника ради предотвращения мятежа «простонародья» (*von gemeinen Bevel*). Когда граф отказался выполнить просьбу, магистрат 27 марта повторил ее, указав в своем письме, что «по поводу ареста священника произносится множество мятежных речей», которые в данной ситуации крайне нежелательны¹³. Дело в том, что в Дайнингене к этому времени был создан крестьянский отряд, руководители которого немедленно установили связи с жителями Нердлингена. Кроме того, в один из тех же дней был выведен из состава совета и посажен в темницу лидер бюргерской оппозиции и бургомистр — популярный в народе Антони Форнер, арест которого вызвал всеобщее возмущение. Собравшаяся 22 марта на площади толпа народа попыталась освободить Форнера из тюрьмы, но этому воспротивился сам заключенный, заявив, что «он лучше умрет в темнице, чем возьмет на себя то, что принесет ему бесчестье»¹⁴. Через несколько дней к Форнеру, который все же был переведен из тюрьмы под домашний арест, явились представители крестьянского отряда в Дайнингене и предложили ему тысячу гульденов, если он согласится стать их командиром¹⁵. Это был кульминационный момент в истории Крестьянской войны в долине Риза. Л. Мюллер, конечно, права, делая вывод, что в решающий момент Форнер не встал на сторону крестьян, хотя и обладал достаточным влиянием, чтобы оказать им помощь. Форнер выступил и против переговоров с городами Динкельсбюлем и Ротенбургом из опасения навлечь самим фактом переговоров недовольство и репрессии руководителей Швабского союза¹⁶. Линия поведения лидера радикального крыла бюргерской оппозиции в Нердлингене лишней раз свидетельствует о недостаточной политической зрелости и нерешительности немецкого бюргерства, о его неспособности повести за собой народные массы в борьбе против феодального строя.

Другое направление революционных событий в Нердлингене и его окрестностях возглавлял стеклодув Бальтазар Фенд, который выдвинул план, предусматривавший закрытие мона-

¹³ Ibid., S. 39.

¹⁴ Ibid., S. 52—53.

¹⁵ Ibid., S. 55.

¹⁶ Ibid., 1890, S. 67—68.

стырей, изгнание католического духовенства и графов Эттингенских, установление евангелической веры, отмену феодальных чиншей, присоединение всей территории Риза к Нердлингену и создание республики¹⁷. Современный буржуазный ученый Г. Франц утверждает, что этот план не встретил поддержки со стороны крестьян¹⁸. Однако материалы источников, привлеченные в свое время Л. Мюллер, позволяют несколько иначе объяснить характер происшедших событий.

В ночь с 3 на 4 апреля в Нердлингене началось восстание, во главе которого по требованию народа встал Форнер¹⁹. Во время этого восстания Фенд пытался убедить горожан, что справедливость в мире может быть восстановлена только с помощью крестьян²⁰. Но против тактики союза с революционным крестьянством выступил Форнер и его линия восторжествовала: город официально отмежевался от действий крестьянского отряда в Дайнингене²¹. Победа Форнера, однако, не означала, что Фенд и его сторонники отказались от поддержки крестьянского движения. По словам секретаря городского совета Майера, из 2500 участников крестьянского лагеря в Дайнингене 500 были жителями имперского города Нердлингена²². Таким образом, в долине Риза, как и в других районах Германии, партия народной реформации, выражавшая интересы городских низов, выступала единым фронтом с восставшими крестьянами. Программа Фенда не была реализована не потому, что отсутствовала поддержка со стороны крестьян, а по причине поражения народнореформационного движения. Но эти же события указывают на принципиальное различие позиции в крестьянском вопросе радикально-бюргерской оппозиции, которую возглавлял Форнер, и руководителя плебейской оппозиции Фенда. Если первый испытывал страх перед размахом народного движения и возможными в связи с этим репрессиями со стороны Швабского союза, второй, напротив, стремится использовать создавшуюся революционную ситуацию с целью осуществления широких политических планов, которые, между прочим, отвечали интересам не только городских низов, но и той же радикально-бюргерской оппозиции.

¹⁷ Ibid., 1889, S. 55; 1890, S. 57.

¹⁸ Franz G. Op. cit., S. 214.

¹⁹ Müller L. Op. cit., 1890, S. 69.

²⁰ Ibid., S. 57.

²¹ Ibid., S. 74.

²² Ibid., S. 60.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что к концу марта — началу апреля Крестьянская война в Южной Германии достигла того критического момента, когда возникла возможность слияния в едином потоке революционного движения крестьян и городских низов. В ряде городов очень активно начинает проявлять себя плебейская оппозиция, выступавшая за немедленную и безусловную поддержку дела крестьян. Опасная для контрреволюционного феодально-католического лагеря перспектива явилась причиной перехода последнего от тактики переговоров к открытой гражданской войне.

Одновременно пример Аугсбурга и отчасти Нердлингена убеждает, каких усилий аристократической верхушке этих городов стоило удерживать в повиновении социальные низы городских общин, относившиеся с несомненной симпатией к борьбе крестьянских масс. В этой обстановке руководители феодально-католического лагеря поспешили нарушить кратковременное равновесие в соотношении классовых сил с помощью военных мер.

Поражения крестьян 4 апреля под Лейпгеймом и 14 апреля под Бурцахом, по словам швейцарского хрониста Иоганнеса Кесслера, явились началом великих бед для народа, так как многие деревни были совершенно разорены, мужчины разбежались, куда глаза глядят, а женщины и дети умирали от голода²³. Вейнгартенское соглашение Трухзеса с крестьянами, заключенное 22 апреля, окончательно изменило соотношение сил в Швабии в пользу феодально-католического лагеря, и руководители «господской партии» получили возможность перебросить войска для разгрома революционного движения в соседнюю Франконию.

В эти бурные дни военно-политических событий магистрат Аугсбурга в тайной переписке со своим представителем в штаб-квартире Швабского союза в Ульме Ульрихом Артцем неизменно высказывался во враждебном по отношению к крестьянам духе. Но он же в практических действиях стремился придерживаться гибкой тактики. В этом плане показательны письмо магистрата Артцу от 23 апреля, где речь шла о тревожной обстановке в районе города Миндельсхайма, которому Аугсбург охотно оказал бы помощь вооружением, но при условии, что об этом не будет известно крестьянам. При таком условии магистрат согласен дать деньги, чтобы нанять ландскнех-

²³ Kessler. Sabbata, hrsg. von E. Egli und R. Schoch. St. Gallen, 1902, S. 182.

тов и для защиты других пород и замков²⁴. Позицию магистрата объясняет и его письмо от 25 апреля, в котором власти Аугсбурга выражают опасение, что крестьянская армия не сегодня, так завтра все же может оказаться у стен города²⁵. В такой ситуации магистрат не желал идти на риск, оказывая открытую помощь силам Швабского союза из опасения мести со стороны повстанческой армии крестьян и возмущения городских низов.

При анализе вопроса об отношении городской верхушки Аугсбурга к крестьянскому восстанию необходимо иметь в виду, что в ее рядах не было полного единодушия по этому вопросу. Современный биограф Ульриха Артца Ф. Блендингер, хотя и идеализирует образ одного из вождей Швабского союза, все же вынужден сказать, что Артц представлял и проводил в жизнь крайне правую линию политики, которая в конечном счете признавала правомерным только подавление всех инакомыслящих и инаковерующих, тогда как большинство заисточных бюргеров, и в том числе некоторые бургомистры, перешли на сторону реформации и думали не о том, чтобы наказать евангелических проповедников, а чтобы с их помощью умиротворить беспокойные элементы²⁶. Точка зрения большинства членов совета состояла в том, чтобы удовлетворить некоторые требования крестьян и ограждать их от произвола со стороны Швабского союза²⁷. Реализация планов, которые Блендингер приписывает большинству ратманов, зависела, однако, от расстановки классовых сил и исхода революционных событий как в региональных рамках, так и в масштабе всей страны. Большинство, о котором говорит Блендингер, пошло бы на уступки крестьянам только при условии военно-политического превосходства на стороне революционных сил. Разногласия по крестьянскому вопросу, действительно имевшие место в магистратах южнотемских городов, в большинстве случаев не носили принципиального характера и были продиктованы тактическими соображениями.

Политика лавирования, которую проводили в жизнь магистраты, объясняется сохранением угрозы со стороны восставшего крестьянства и возможностью рецидивов плебейских волнений, способных смести патрицианско-олигархические режи-

²⁴ Correspondenz, N 250, S. 290—291.

²⁵ Ibid., N 267, S. 302—303.

²⁶ Blendinger F. Ulrich Artzt. — LB, Bd. 6, München, 1958, S. 123.

²⁷ Ibid., S. 127.

мы в самих городах. В конце апреля и на протяжении всего мая крестьяне, хотя и потерпели ряд жестоких поражений, не сложили оружия и продолжали борьбу. 10 мая альгауские крестьяне в районе Швангау переправились через Лех, вторглись на территорию Баварии, где сожгли и разграбили монастырь Штейнгаден²⁸. Крестьяне, восставшие в мае месяце между Меммингеном и Аугсбургом, по свидетельству Кеслера, причинили большой ущерб духовенству и дворянству, захватив и разрушив многие замки. Так, только в одном замке Штеттен, принадлежащем аугсбургскому епископу, ущерб исчислялся в 9 тыс. гульденов²⁹. Эти события явились толчком к новому подъему революционного движения, что поставило «господскую партию» и магистраты швабских городов перед сложными задачами.

Для характеристики позиции городов на заключительном этапе Крестьянской войны в Южной Германии большой интерес представляет письмо земского писаря фон Равенсбурга верхнешвабскому фогту фон Циглеру от 5 мая 1525 г.³⁰. В своем письме Равенсбург утверждает, что ему якобы известно, «каким образом все настроены в городах против сельского дворянства (gegen dem abl auf dem land) и как охотно последних подчинили бы своей власти, с тем, чтобы сделать неодинаковыми законы для деревень и городов». Существующие отношения Равенсбургу, как представителю класса феодального дворянства, представляются угодным господа социальным равновесием, и под намерением бюргерства «сделать неодинаковыми законы для деревень и городов» он, очевидно, понимает упразднение сословных привилегий дворянства и его политического верховенства. По мнению земского писаря, перемирие с крестьянами в Вейнгартене Трухзес заключил не только потому, что крестьяне превосходили его в силах, но и из опасения, что «вскоре случится так, что большая часть всех городов перейдет на сторону крестьян» (dann sobald es geschehen, weren der merer teil all stett zu den paweren gefallen). Заключение договора, таким образом, предотвратило развитие этой роковой для Швабского союза перспективы. Равенсбург, однако, не без основания полагает, что заключе-

²⁸ Roth F. Op. cit., S. 179—180.

²⁹ Kessler. Sabbata, S. 195.

³⁰ Akten zur Geschichte der deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben, hrsg. von F. L. Baumann (далее — Baumann F. L. Akten...). Freiburg in Breisgau, 1877, N 266, S. 265—266.

ние перемирия еще не означает исчезновение опасности, исходящей от восставших крестьян, которые «произносят много странных речей, а некоторые из них не признают договора». Сегодня, продолжает автор письма, получено известие, что альгауский отряд отказывается выполнять условия перемирия и, усилившись до 20 тыс. человек, намерен заставить последовать его примеру Озерный отряд. Вчера альгауские крестьяне вновь захватили замок Либентан, принадлежавший кемитенскому аббату, расхитили имущество на сумму в 30 тыс. гульденов и 800 гульденов взяли наличными. Положение усугубляется еще и тем, заключает Равенсбург, что заволновались горняки в долинах Эча и Инна (die erzknappen sind vnruwig).

Из письма видно, насколько грозной в начале мая представлялась ситуация одному из деятелей «господской партии». Последнюю по-прежнему пугает перспектива объединения горожан с революционным крестьянством в целях борьбы против феодального строя. Эта перспектива, а точнее ее реализация, приобретала в глазах членов «господской партии» очертания катастрофы в связи с начавшимся революционным брожением по ту сторону Альп. Нападение альгауских крестьян на Штейнгаден являлось попыткой поднять на восстание подданных баварских герцогов. В случае успеха и развития этого начинания вырисовывалась возможность повсеместной антифеодальной революции от верхнего течения Рейна до итальянской границы, включая Швабию, Шварцвальд, Баварию, Тироль и Зальцбург. Если принять также во внимание, что эти события происходили накануне трагической развязки в Тюрингии, легко себе представить, как сильно чаша судьбы революции склонялась в пользу антифеодальных сил. С другой стороны, хорошо известно, что успех или поражение одной большой революции порою, зависит от ряда выигранных или проигранных классовых сражений местного значения.

Современники вполне сознавали, почему повсеместно возникают волнения крестьян и какое направление в крестьянском движении представляет наибольшую угрозу существующему правопорядку. Когда крестьяне на своем собрании в Меммингене, пишет Кеслер, пришли к выводу, что «они отягощены сверх всякой меры своими духовными и светскими господами» и что они «не могут больше выполнять таких повинностей», «разразился крик во всех концах Швабии» (also war das gschray an allen enden in Schwaben ussbrochen)³¹.

³¹ Kessler. Sabbata, S. 174.

Восставшие крестьяне, продолжает хронист, придерживались, однако, различных принципов. Крестьяне Альгау и Озерного края, по его словам, в отличие от крестьян Бальтрингенского лагеря, менее всего были склонны подобно Ульриху Шмиду вести переговоры с господами и «не додумались ни до чего лучшего, как выступить против господ с мечом в руках». Против революционной тактики крестьянских отрядов высказывался не только Шмид, но и авторы программы «Двенадцати статей» Лотцер и Шаппелер. Последний призывал «воздействовать на господ не бунтарским образом с мечом в руках, а любовью и дружбой»³². Итак, если радикальное крыло в крестьянском движении руководствовалось планами революционного преобразования общества и соответствующим образом понимали принцип «божественного права», умеренное направление трактовало его как принцип милосердия и мирных соглашений с господами.

По-разному воспринимался и истолковывался принцип «божественного права» и в городах. Преобладание революционных настроений, которые активно пропагандировались сторонниками народной реформации, представлялось Кеслеру настолько опасным по своим последствиям, что он восклицает: «Господи, отврати все пороки и земли от бюргерской распри, ибо там, где она возобладает, как говорит Христос, будут разрушены и испровергнуты правительства»³³. Победы, одержанные Трухзесом под Лейпгеймом и Вурцахом, еще не означали окончательного торжества «господской партии», и положение по-прежнему оставалось напряженным, о чем, в частности, свидетельствовали события на крайнем северо-востоке Швабии.

Крестьянский лагерь в Дайнингене был распущен 12 апреля, и 18 апреля магистрат Нёрдлингена доносил в штаб-квартиру Швабского союза, что «благодаря этому обстоятельству дела идут на мирной, спокойной и дружеской основе»³⁴. Но радость членов магистрата оказалась преждевременной, так как через несколько дней в долине Риза в районе города Эльвангена появился новый крестьянский отряд, который 28 апреля совершил нападение на один из местных монастырей. Отряд разбил лагерь у стен Динкельсбюля, и часть жителей города немедленно перешла на сто-

³² Ibid., S. 176.

³³ Ibid., S. 192.

³⁴ Müller L. Op. cit., 1889, S. 84—85.

рону крестьян, а 6 мая совет города вынужден был официально объявить, что он не будет препятствовать переходу бюргеров в крестьянский отряд, обязывается оказать отряду материальную помощь и обещает содействовать в переговорах с господами, которые должны проходить на основе программы «Двенадцати статей». В эти же дни, когда волна Крестьянской войны вновь докатилась до стен Нёрдлингена и снова остро встал вопрос об отношении к восставшим крестьянам, магистрату удалось спасти положение, обратившись с воззванием к горожанам. В этом воззвании речь шла о том, что секуляризованные у монастырей имущества могли бы служить целям обеспечения необходимым нуждающихся, однако эта возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств, намекает совет на участие горожан в крестьянском движении, может быть упущена³⁵. Следовательно, авторы воззвания стремились внести раскол в единый фронт городских низов и революционного крестьянства и достигли желаемой цели: «спокойствие» городского плебса было куплено обещанием широкой благотворительности для бедняков.

Руководители господской партии, вполне сознававшие опасность и ее масштабы, не располагали, однако, достаточными средствами подавления и особые надежды возлагали на магистраты верхнешвабских городов, которым отводилась роль посредников в переговорах с крестьянами и умиротворителей восстания. 9 мая Артцт сообщал в Аугсбург, что именно с этой целью в Ульме вновь собрались представители верхнешвабских городов. Артцт в связи с этим умолял бога, чтобы тот позволил городам сыграть роль миротворцев³⁶. Штаб-квартира союза упорно стремилась запрячь магистраты городов в колесницу своей политики, но последние в своих действиях проявляли большую осторожность.

Власти Меммингена 13 мая обратились с письмом к Артцту, в котором выражали надежду на предотвращение посредством переговоров пролития крови, смертей, разорения и призывали Артцта оказать в этом направлении влияние на совет Аугсбурга, чтобы магистрат этого города также направил своих представителей на переговоры с крестьянами. Руководство Швабского союза отнеслось, однако, к инициативе меммингенцев весьма холодно³⁷. Нам неизвестно, как восприняли в данном

³⁵ Ibid., S. 93—94, 96, 106, 118.

³⁶ Correspondenz, 1880, N 363, S. 349.

³⁷ Ibid., N 380. S. 357—358.

случае предложение Меммингена власти Аугсбурга. Но когда в Аугсбург 17 мая прибыло посольство от баварского герцога с просьбой предоставить средства и послать к нему конных и пеших ландскнехтов, совет ответил на это отказом, давая понять послам, что он будет отныне проводить политику нейтралитета³⁸. Совет, конечно, уже знал, что альгауские крестьяне — последняя надежда восставших баварцев — потерпели поражение при Зиндельфингене и Беблингене³⁹, что крестьянское восстание в этом районе по сути дела исчерпало себя и, следовательно, уменьшилась непосредственная военная угроза городу.

Но ситуация продолжала оставаться весьма напряженной в другом районе. 18 мая охваченные ужасом власти Филлингена пишут Трухесу, что крестьяне захватили все Брейзгау, за исключением городов Фрейбурга, Брейзаха и Вальдкирха. Но и эти города находятся в отчаянном положении, ожидая, «когда крестьяне пойдут на приступ». После того как будут взяты эти три города, заявляют власти Филлингена, наступит и наша очередь (dann den nächsten hinauf vss vnser statt zw fallen). Такой ход событий, по их мнению, более чем вероятен, так как «благочестивые люди в городах в явном меньшинстве» (damit die fromen lüt in steten destern minder), а большинство бюргеров с нетерпением ожидает прихода крестьянских отрядов⁴⁰. Заявление властей Филлингена не было продиктовано только одним страхом — обстановка на юго-западе Германии действительно продолжала оставаться весьма напряженной. Об этом, в частности, свидетельствует участие в революционных событиях в конце весны и летом 1525 г. Вальдсхута, который принял активное участие в революционных событиях и на начальном этапе Крестьянской войны⁴¹.

Вальдсхут вступил в Христианское объединение крестьян Шварцвальда и в начале мая отправил свой отряд в крестьянское войско, которое находилось в районе Радольфсцелля на Боденском озере. 8 мая бюргеры Радольфсцелля открыли ворота города восставшим. Позднее вальдсхутцы приняли участие в осаде Фрейбурга, который 23 мая вынужден был капитулировать и присоединиться к Христианскому объединению.

³⁸ Ibid., N 397, S. 368; N 404, S. 372.

³⁹ Roth F. Op. cit., S. 180.

⁴⁰ Baumann F. L. Akten ... N 303, S. 287—288.

⁴¹ См. об этом: Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны. — ЕГИ, 1976. М., 1977, а также начало данной статьи в кн.: Средневековый город, вып. 5.

К началу июня в это объединение входила вся Юго-Западная Германия от Хегау на Востоке до Брейзгау на Западе. Овладение Фрейбургом было крупной победой крестьян, достигнутой благодаря тому, что войско Швабского союза находилось во Франконии. Однако еще за неделю до взятия Фрейбурга крестьяне 15 мая потерпели поражение в битве при Франкенхаузене в Тюрингии, а 16 мая около Цаберна было потоплено в крови крестьянское восстание в Эльзасе. Тогда же вынуждены были отступить из Радольфсцелля крестьяне Хегау, которые затем были обращены в бегство своими австрийскими господами. Так было подавлено восстание в Хегау и Шварцвальде. И только вмешательство швейцарцев, опасавшихся усиления на своих границах Габсбургов, позволило Вальдсхуту и крестьянам Клеттгау продержаться до конца 1525 г.⁴² Материалы архива Арцита убеждают в том, что со второй половины мая, особенно после прагического исхода битвы при Франкенхаузене, все более очевидным становилось превосходство военной организации «господской партии» над разрозненными крестьянскими отрядами и в Швабии. Поэтому в переписке городских властей зазвучали мотивы, которые свидетельствуют не столько об угрозе со стороны народного движения, сколько о политике городских властей по отношению к поверженным крестьянам.

Магистраты ряда городов с неудовольствием наблюдали за карательными действиями командиров Швабского союза, поскольку эти действия наносили материальный ущерб советам городов и самим ратманам, которые владели землями и феодально зависимыми крестьянами. Поэтому магистраты прилагают усилия, чтобы избавить крестьян городских округ от карательных акций Швабского союза. Так, в апреле месяце совет Аугсбурга выдал «нашему любезному бургомистру Ульриху Релингеру» грамоту, скрепленную малой городской печатью. В этой грамоте было сказано, что фогт Релингера и «вся община в Пферзе во время крестьянского восстания сохраняли верность и послушание властям»⁴³. Таким образом Релингер надеялся избавить деревню Пферзе от посещения ее одним из отрядов Швабского союза. Магистрат Меммингена в письме советам городов Бибераха, Кемптена, Кауфбейрена

⁴² Bergsten T. Balthasar Hubmaier. Sein Stellung zu Reformation und Täufigtum (1521—1528). Kassel, 1961, S. 279—281.

⁴³ Correspondenz, 1880, N 293, S. 279.

и Вангена выражал опасение, что строгие наказания, к которым намерен прибегнуть по отношению к крестьянам Швабский союз, могут иметь дурные последствия, так как будут совершенно разорены земли, с которых бюргеры до сих пор имели пропитание и доход⁴⁴. Эту же мысль высказывают в письме Трухзесу власти Филлингена, которые просят при наказании не доводить крестьян до полного разорения⁴⁵. Магистрат Бибераха в письме тому же Трухзесу просит исключить из списка населенных пунктов, на которые распространялся мандат о наказании мятежников, около двух десятков принадлежащих городу деревень и в том числе деревню Бальтринген, так как они уже принесли присягу верности одному из членов союза — имперскому городу Бибераху⁴⁶. Власти Швебиш-Галля обратились в штаб-квартиру союза с просьбой предоставить им право самим наказать участников мятежа⁴⁷.

Магистраты швабских городов предпринимали также попытки выработать общую линию политики. Именно этой теме было посвящено письмо совета Ульма магистрату Аугсбурга от 27 мая⁴⁸, в котором речь шла о крайней необходимости созыва в ближайшее время съезда имперских городов, которые приняли участие в недавнем прошлом в мятежах. Причастность городов к Крестьянской войне магистрат Ульма объясняет участием в ее событиях большого числа плебеев и крестьян имперских городов. Если эти обвинения, продолжает он, будут распространяться и достигнут ушей императора или вождей Швабского союза, городам может быть причинен большой ущерб. В письме также выражено опасение, что если не вмешаться в это дело, будет перебито множество невинных бедняков. Поэтому представители городов могли бы обсудить возникшую ситуацию и решить, каким образом предотвратить злодейство и восстановить мир.

Дело не только в том, что магистраты городов на протяжении всей Крестьянской войны пытались оказывать «мнимую правовую помощь крестьянам» с целью изоляции последних «от широких слоев городской массы»⁴⁹, и боялись понести материальные убытки, но и осознание, пусть и задним числом,

⁴⁴ *Baumann F. L. Akten ...* N 246, S. 253.

⁴⁵ *Ibid.*, N 250, S. 257.

⁴⁶ *Ibid.*, N 207, S. 233—234.

⁴⁷ *Correspondenz*, 1882, N 479, S. 53.

⁴⁸ *Ibid.*, N 431, S. 20.

⁴⁹ *Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война*. М., 1955, с. 466.

того факта, что в конечном счете поражение революционного движения может подорвать политический престиж городов и усилить феодально-княжеские элементы. В этом духе может быть истолкован следующий эпизод⁵⁰. 19 июня в канцелярии аугсбургского епископа был составлен мандат, предписывающий подвергать наказанию всех, кто нарушал спокойствие и мир колокольным звоном или действовал другим образом. Фогтам в деревнях вменялось в обязанность наказывать всех смутьянов «по обстоятельствам дела» (*nach gestalt der sachen*). Поддержание полицейского порядка, по мысли епископа, должно быть возложено на фогта Цусмарсхаузена Себастиана Генрихемана, синдика кафедрального собора Ганса Кнейзеля и на члена городского совета и секретаря аугсбургской богадельни Линхарда Ригера. Этот распорядок должен был иметь силу повсюду, где совет города, его бюргеры и монастыри обладали собственностью. Документ, составленный в канцелярии епископа, по замыслу последнего, должен был исходить не только от его имени и имени аугсбургского капитула, но и получить санкцию магистрата. Надеждам епископа на это не суждено было сбыться, и на внешней стороне документа рукой городского секретаря Пойтингера было написано: «советом не одобрен» (*durch ein rhat nit bewilliget*). Следовательно, магистрат не пожелал осуществлять полицейские функции заодно с епископом.

Стремление большинства магистратов швабских городов отмежеваться от кровавой тризны победителей и не допустить разорения принадлежащих им и бюргерской верхушке деревень является очевидным фактом. Трезвые и расчетливые политики, заседавшие в магистратах, понимали в чем состоят их интересы, и прилагали все усилия для их защиты. Но это не означает, что среди богатых горожан не было людей, которые искренне сочувствовали крестьянам. Примером по крайней мере благожелательного отношения к крестьянским массам может служить труд радикально настроенного аугсбургского хрониста Вильгельма Рема.

По мнению Рема, крестьянские требования⁵¹ имели законные основания и такие из них, как установление должности

⁵⁰ *Correspondenz*, 1883, N 510, S. 10—12.

⁵¹ *Rem. Chronika der neuer geschichten*. — CDS, Bd. 25. Leipzig, 1894, S. 221—223. Подробнее об интерпретации Ремом крестьянских требований см.: *Некрасов Ю. К. Городские хронисты первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии*. — СВ, М., 1977, вып. 41.

ответственного перед общиной священника, отмена посмертного побора, разрешение свободы перехода крестьян из одной вотчины в другую, свобода браков, укрепление владельческих прав крестьян на держания, снижение ренты в соответствии со «старым обычаем», восстановление их прав на земли альменды и некоторые другие, следовало удовлетворить. «Если бы каждый богатый человек, — пишет хронист, — поставил себя на место бедных крестьян, он признал бы, что большинство из них невиновно»⁵². Рем произносит гневные тивективы в адрес военной организации феодально-католического лагеря, которая стала «подлинно поповским союзом» (es was ein rechter pfaffenpundt)⁵³ и которую к тому же «совсем попутал дьявол» (der pundt was gar teufelheftig)⁵⁴, дает уничижающую характеристику противников революционного движения⁵⁵. Но отношение Рема к событиям Крестьянской войны отражало точку зрения незначительного меньшинства зажиточных элементов в бюргерской среде, которые не обладали решающим влиянием на события в Швабии.

На практике магистраты не были в состоянии оградить не только сельские округа, но и самих себя от карательных экспедиций Швабского союза. В письме от 21 апреля штаб-квартира последнего напоминает совету Меммингена, что Себастьян Лотцер оказался причастен к бунтарским действиям крестьян, и поэтому городские власти могли бы в ожидании решения арестовать его и содержать в тюрьме⁵⁶. В мандате, изданном 12 июня, союз предписывает городским властям оказывать содействие командирам карательных отрядов в задержании и наказании зачинщиков и подстрекателей крестьянских мятежей, которые в настоящее время скрываются в городах⁵⁷. В тот же день 200 конных и 800 пеших ландскнехтов вступили в Мемминген, чтобы, по словам Арцта, наказать проповедника Шаппелера и всех участников мятежа⁵⁸. 13 июня командиры карательного отряда доложили в штаб-квартиру союза, что, действуя в соответствии с приказом, они арестовали и казнили в Меммингене школьного учителя (schulmeister) Паульсена, цехового мастера Адама, трактирщика

⁵² Rem. Chronika der neuen geschichten, S. 227.

⁵³ Ibid., S. 238.

⁵⁴ Ibid., S. 227.

⁵⁵ Ibid., S. 224, 225, 233, 239.

⁵⁶ Correspondenz, 1880. N 242, S. 287.

⁵⁷ Ibid., 1882, N 475, S. 50.

⁵⁸ Ibid., N 479, S. 53.

Ганса Лутца, одного каменщика и еще двух человек содержат под стражей. Далее они сообщают, что, когда крестьяне расположились лагерем у городских стен, некоторые бюргеры вели себя недостойно, хотя неизвестно, сколько их уходило в крестьянский отряд (so si zu hauf kommen, wissen der' zal nit). Своей задачей каратели считают продолжение поисков Шаппелера, которого до сих пор не удалось обнаружить. Из приведенных фактов следует, что репрессии союза в первую очередь были направлены против деятелей народной и радикально-бюргерской реформации, которая явилась, по убеждению вождей феодально-католического лагеря, первопричиной Крестьянской войны⁵⁹.

Единая линия политики, которую по инициативе Ульма пытались проводить в жизнь швабские города при решении вопроса о наказании участников революционного движения, часто нарушалась эгоистическими интересами отдельных магистратов. Так, совет Кауфбейрена, обсуждая этот вопрос с властями Аугсбурга, утверждал, что в лагере под Меммингеном только «некоторые крестьяне были послушны, но большая их часть оказалась совершенно непослушной», тогда как положение в сельской округе их города, где крестьяне охотно стремились к полубовному соглашению с господами, было совершенно иным⁶⁰. Поэтому карательные действия Швабского союза вполне могут быть оправданы в Меммингене и его округе и недопустимы, когда речь идет о Кауфбейрене.

*Одновременно городские власти обнаруживают полное единодушие при проведении в жизнь мерошриятий, целью которых было пресечение радикального направления реформации. В упомянутом выше письме магистрата Кауфбейрена мы читаем о требовании бюргеров этого города предоставить кафедру угодному им проповеднику. Магистрат согласился с требованием горожан, но при условии, что проповедник будет призывать не к мятежу, а к смирению и послушанию властям⁶¹. В те же дни совет Нердлингена сообщил в штаб-квартиру союза, что он охотно позволил арестовать «за неподобающие действия перед восставшими крестьянами» священника Хельдена и отправил его к законному судье — аугсбургскому епископу⁶². Магистраты городов, следовательно, поддер-

⁵⁹ Некрасов Ю. К. Указ. соч., с. 126 и сл.

⁶⁰ Correspondenz, 1883. N 529, S. 24.

⁶¹ Ibid., S. 25.

⁶² Ibid., N 530, S. 26.

живали Швабский союз в тех случаях, когда речь шла о наказании радикальных деятелей реформационного движения, возбуждавших, по их мнению, народные массы к неповиновению властям и восстанию.

Магистрату Аугсбурга также не удалось предотвратить наказания крестьян городской округи. Судьи, назначенные Швабским союзом, «предписали всем строптивым крестьянам явиться в Аугсбург и оштрафовали каждого из них на 6 гульденов». Сумма собранных таким образом штрафов составила 14 784 гульдена⁶³, т. е. наказанию подверглось 2464 крестьянских хозяйства, так как контрибуция взыскивалась с каждого «очага» или «дыма». Следовательно, действия аугсбургских властей, направленные на защиту крестьян городской округи от карательных мероприятий союза, оказались недостаточно энергичными и последовательными, и правящая олигархия города вынуждена была смириться с деятельностью военно-полевого суда на подвластной ей территории.

Из рассмотренных материалов вытекают некоторые общие выводы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что патрицианско-олигархическая верхушка южнонемецких породов, как правило (это особенно наглядно прослеживается на примере Аугсбурга), с самого начала революционных событий оказалась на стороне феодально-католического лагеря, сосредотачивая все усилия, во-первых, на подавлении беспоконных элементов внутри самих городских общин и, во-вторых, на предотвращении слияния городской оппозиции с крестьянским восстанием. Правда, успех этих усилий во многом зависел от соотношения классовых сил в самих городах. В тех случаях, когда патрицианско-купеческой верхушке не удалось сохранить контроль над событиями, не только плебейские низы города, но и среднее бюргерство оказывалось вовлеченным в революционное движение и выступало на стороне восставших крестьян. Однако позиция среднего бюргерства не отличалась последовательностью: с одной стороны, оно находилось в оппозиции к существующим феодальным порядкам, с другой — испытывало страх перед уравнительными тенденциями революционного движения и порою выступало против насильственных методов борьбы. Относительно более последовательной была позиция плебейских низов города, симпатии

⁶³ Rem. Chronika der newer geschichten, S. 226.

которой неизменно оказывались на стороне крестьян. Но эта оппозиция, по словам Ф. Энгельса, «...соединяла в себе разложившиеся составные части старого феодального и цехового общества с еще не развившимся, едва пробивавшимся наружу пролетарских элементов зарождавшегося современного буржуазного общества» и «в партию превращают ее лишь крестьянские восстания»⁶⁴. Необходимо также иметь в виду, что сила и значение плебейской оппозиции была ограничена и по той причине, что в крестьянских отрядах в Швабии мюнцеровская партия «всюду составляла меньшинство»⁶⁵, и их тактика и стратегия определялась положениями цвинглианской доктрины, которые соответствовали настроениям зажиточных элементов в движении и подменяли порою революционные действия политикой соглашательства и примирения с господствующим классом и феодальными институтами. Следовательно, реакционная политика патрицианско-олигархической городской верхушки, колебания и непоследовательность бюргерства, слабость и незрелость плебейской оппозиции во многом предопределили противоречивость позиции городов в ходе Крестьянской войны и вместе с нею поражение раннебуржуазной революции не только в региональном, но и в общенациональном масштабе.

А. Д. Ролова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ФЛОРЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

XVI век был для всей Италии переломным. Это столетие крупных достижений и одновременно начало спада и феодальной реакции. Глубокие изменения во всех сферах социально-экономической, политической жизни и культуры, были как бы прелюдией полного упадка, наступившего в XVII в. Все сложные и противоречивые черты эпохи отчетливо проявляются в социальной структуре и социальной динамике Флоренции.

Уже в XV в. в составе флорентийского населения начали

⁶⁴ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 355.

⁶⁵ Там же, с. 401.

происходить сдвиги, которые, продолжаясь в течение всего XVI в., постепенно привели к существенному видоизменению характера общества.

Та часть населения, которая прежде называлась пополанами и которая в целом состояла из полноправных граждан Флоренции, т.е. из лиц, владевших недвижимым имуществом, плативших прямые налоги и имевших право быть избранными на государственные должности, в течение XV в. размежевалась на две группы. Узкая верхушка, называемая историками XVI века оптиматами, патрициями, знатными, немногими, главными или первыми гражданами, состояла из купцов и банкиров международного масштаба, крупных предпринимателей и владельцев земель. Они были тесно между собой связаны деловыми и семейными узами. При синьории Медичи они занимали самые высокие и доходные должности в государственном аппарате. Применение термина «патриции» для обозначения этой верхушки представляется вполне допустимым.

Во вторую и более многочисленную группу входили менее богатые торговцы и банкиры, ростовщики и предприниматели, а также зажиточные самостоятельные ремесленники. Сфера их экономической деятельности была более узкой. При Медичи они не играли существенной роли в политической жизни. Современники обозначали их терминами «народ» или «всеобщность» (*l'universale*).

Низшую часть населения составляли мелкие и зависимые ремесленники, мелкие лавочники, рабочие и слуги. Они не обладали гражданскими правами. Современники называли их обычно плебеями, массой (*la moltitudine*), или чернью (*il voldare*).

Уже в XIV в. земельные владения обычно составляли часть имущества флорентийских пополанов. В то время они служили не столько источником дохода, сколько местом отдыха и источником снабжения продуктами. В XV в. начался рост землевладения патрициев, что послужило основой процесса их одворянивания. Ренту от крестьян они получали преимущественно в виде испольщины — переходной от феодальной к капиталистической форме ренты. Эволюция тосканской испольщины в XVI—XVII вв. привела к тому, что доход, получаемый земельными собственниками, во все большей степени превращался лишь в ренту за землю и во все меньшей мере являлся прибылью с капитала, вложенного в хозяйство. Одновременно увеличивалось количество добавочных повинностей феодального характера, обременявших крестьян.

Однако, усиленно приобретая земельные владения, патриции при этом не изымали денег из деловой сферы и продолжали активно участвовать в ней. По данным С. Бернера, в первой половине XVI в. 1/3 капитала патрициев была инвестирована в земельные владения, во второй половине — 2/3. Их интерес к торговле, промышленности и банковскому делу сохранялся гораздо дольше, чем полагают обычно.

Так, семье Каппони — крупнейшим дельцам Флоренции середины XVI в. — принадлежали один из ведущих банков, сукнодельческие компании, красильные заведения, торгово-банковские компании в Испании, Португалии и многих городах Италии. Хотя земельные владения Каппони и увеличивались, капиталовложения, направленные на приобретение земли, вплоть до 1568 г. не преобладали над инвестициями в деловые предприятия. Такие патриции, как Сальвиати, Гвиччардини, Риказоли и др., также были известными дельцами европейского масштаба и одновременно крупнейшими землевладельцами. В известном смысле сами капиталовложения в землю доказывают сохранение интереса к торговым операциям. В условиях стремительного роста цен на сельскохозяйственные продукты реализация их на рынке было очень выгодной. По некоторым данным, инвестиции в землю давали во второй половине XVI в. около 6%, что было очень хорошим доходом при отсутствии риска.

Польза от земельных владений заключалась также в том, что они давали возможность сохранить в резерве части капиталов и тем самым в случае банкротств предотвратить полное разорение семьи. Это обстоятельство стало играть все большую роль к концу XVI в. и в начале XVII в., когда для Флоренции заметно ухудшилась конъюнктура на европейском рынке. Лишь исчезновение возможности извлекать прибыль из коммерции, промышленности и банковских операций привело к утрате интереса к деловой жизни.

Была еще другая причина неэкономического характера: притягательная сила дворянского звания, означавшего почет, возвышение по социальной лестнице, финансовые и судебные привилегии. Земельные владения были основной предпосылкой получения этого звания. Наличие герцогского двора, влияние испанских нравов, политика герцогов — все это ускоряло процесс одворянивания.

Путь в дворянство вел и через обладание высокими должностями при дворе, в армии, на дипломатическом поприще.

Перерождение социальной природы господствующего слоя

нашло выражение в изменении его нравов. Дорогие пиршества и одежда, строительство дворцов и вилл, невероятные размеры приданого (в среднем 10 тыс. скуди в XVI в. и 25 тыс. в XVII в.) — все это становилось характерным для повседневного быта верхушки. Излюбленным занятием молодых отпрысков патрицианских родов стало военное дело, а их мечтой — придворная жизнь.

В течение XVI в. в господствующем классе Флоренции совмещались две противоположные тенденции: стремление остаться верным купеческим традициям и стремление переходить в дворянство. Они часто проявлялись в рамках одной семьи. Нередко обе тенденции характерны даже для одного и того же лица. До поры до времени существовало известное равновесие обеих тенденций, но к концу XVI в. стремление переходить в дворянство взяло верх. Полуфеодальная рента, доходы от должностей и проценты от государственного долга стали основными источниками существования господствующего класса.

Подобное перерождение патрициев имело место и в Милане, Венеции, Генуе и других городах и государствах Северной Италии. Повсюду существовали свои особенности, обусловленные спецификой предыдущего развития и особенностями социально-экономических и политических условий в XVI — XVII вв. Однако в Тоскане перерождение патрициев наступило позже, чем в остальной части Северной и Центральной Италии, причем оно здесь никогда не стало полным. Еще в XVII — XVIII вв. местные дворянские роды, обладавшие феодами и феодальными иммунитетами, продолжали открыто или скрыто участвовать в торгово-банковских предприятиях и владели шерстяными и шелковыми мануфактурами (герцоги Сальвиати, маркизы Риказоли, графы Каппони и др.). Но не эти занятия определяли их социальную природу.

Несмотря на постепенное появление сословных привилегий, в Тосканском великом герцогстве не было юридических норм, которые ограничивали бы сферу занятий и отделяли бы сословия друг от друга. В конце XVI в. флорентийский врач и философ Паоло Мини не связывает понятие знатности с характером имущества. Формально сохранялось деление флорентийского населения на граждан и плебеев. Отдельные представители нового дворянства освобождались от налогов лишь в виде индивидуальных привилегий. В силу этого очень трудно провести четкую грань между одворянившимися патрициями (современники называли их «знатными гражданами», или

«знатными патрициями») и пополами (во второй половине XVI в. этот термин уже не употреблялся).

Последние составляли неоднородную и очень подвижную часть населения. В их состав могли входить и неграждане Флоренции. Многие новые поселенцы Флоренции получили в герцогские времена права флорентийских граждан и тогда, как и патриции, платили прямые налоги, имели право занимать государственные должности, не подвергались телесным наказаниям. Но их отличали от новых дворян экономическая деятельность, образ жизни, отсутствие титулов и индивидуальных привилегий.

Эти средние слои, буржуазные по своему характеру, также скупали землю. Однако, в отличие от новых дворян, земля никогда не была для них основным источником доходов. Отдельные представители этой буржуазии могли подняться по социальной лестнице через службу в государственном аппарате или при дворе герцогов. Последние щедро награждали земельными владениями художников, своих секретарей и доверенных лиц незначительного происхождения, нередко даруя им и дворянские звания.

В условиях экономического спада конца XVI в. и в XVII в. эволюция буржуазии была негативной: она разорялась, уменьшался приток свежих сил в ее среду. Существенным препятствием для ее деятельности было и то, что представители знати при поддержке герцогов захватили монопольные позиции в наиболее доходных отраслях экономики.

Хотя в течение XVI в. формально сохранялось деление населения Флоренции на полноправных граждан и неполноправных жителей, реально это различие теряло значение. Уже во второй половине XVI в. флорентийское общество фактически складывалось из привилегированного дворянства, часть которого не отказалась от буржуазной сферы деятельности, средней буржуазии и плебеев.

Плебеи занимали низшую ступень социальной лестницы. К ним относятся лица, трудившиеся в промышленности. Это были также слуги и поденщики, ученики и подмастерья, словом, все, кто производил материальные ценности и подвергался эксплуатации. К ним примыкали мелкие самостоятельные ремесленники и лавочники и масса нищих и бродяг, лишенных всяких средств к существованию.

Во второй половине XVI в. удельный вес трудящихся, занятых в промышленности, был очень значительным. Так, в 1604 г. одни работники сукноделия вместе с членами их се-

мейств составляли около 28% населения города. Трудящиеся находились в разной степени зависимости от предпринимателей. Мастера, занятые в текстильной промышленности, частично еще обладали некоторыми средствами производства, частично были вовсе лишены их. В целом процесс пролетаризации этой категории трудящихся зашел дальше по сравнению с предшествовавшими веками.

Другой категорией трудящихся, занятых в промышленности, были наемные рабочие. Во Флоренции они с давних пор имели свое определенное сложившееся социальное лицо, сохранившееся как привычное явление и в XVI в. Наемный труд был широко представлен во всех отраслях промышленности. Им пользовались и самостоятельные ремесленники.

Характерным для второй половины XVI в. является углубление пропасти между работодателями и зависимыми мастерами, с одной стороны, и сближение зависимых мастеров с наемными рабочими как в экономическом, так и в общественно-правовом плане, с другой стороны.

На протяжении всей второй половины XVI в. трудящиеся массы Флоренции владели жалкое, полуголодное существование. Рост цен и снижение реальной заработной платы усугубили их материальные трудности. В условиях увеличившихся экономических трудностей и связанного с ними роста безработицы удельный вес трудящегося элемента в сфере плебеев сокращался, а количество нищих и бродяг увеличивалось.

Таким образом, уже во второй половине XVI в. по мере одворянивания патрициев, экономического ослабления буржуазии и обнищания трудящихся масс началась постепенно растущая поляризация населения.

А. Н. Немилев

НЕМЕЦКИЙ ГОРОД КАК ЦЕНТР КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Культура Ренессанса по своей природе является городской, выросшей на основе культуры средневекового города. То, что характеризует специфически новый, названный Ф. Энгельсом величайшим прогрессивным переворотом этап в развитии культуры, не зачеркивало предшествующее, а

диалектически развивалось из него. Специфика немецкого Возрождения определяется, в частности, тем, как интегрируется сохраняющее свою жизнеспособность наследие духовной культуры средневекового города с порожденными новыми условиями общественного развития идеями и их материальным воплощением, как, вместе с тем, спонтанный процесс развития городской культуры Германии сочетается с исторически неизбежной рецепцией античного наследия и элементов итальянской культуры.

2. При исследовании данной проблемы необходимо считаться с присущей Германии неравномерностью развития отдельных территорий и отсутствием общего национального центра. На протяжении XV—XVI веков наиболее развитыми и в экономическом и в культурном отношении были верхне-немецкие имперские города, такие, как Аугсбург, Ульм, Нюрнберг, Страсбург, Базель. Другой культурно-исторический тип представляли старые административные центры духовных и светских княжеств, где еще в XIV—XV вв. чаще всего возникали университеты: Лейпциг, Вена, Майнц, Эрфурт, Гейдельберг, Тюбинген. Третий тип — крупные эмпории, в большинстве — вольные и ганзейские города, такие, как Любек, Гамбург, Бремен, Кельн, Франкфурт-на-Майне. Четвертый тип — земские города, в XV—XVII вв. превращавшиеся в княжеские резиденции, как Виттенберг, Штутгарт, Шлеттштадт, Ландсгут и Мюнхен. Помимо этих четырех основных типов количественно преобладали небольшие по числу населения города полуаграрного склада, а также связанные с монастырями и замками, являвшиеся местными рыночными центрами — они, как правило, медленно приобщались к культуре Ренессанса, не генерируя, а лишь реципируя готовые формы из тех ведущих центров культуры, с которыми эти города наиболее органично связаны политически или экономически.

3. Анализ городской культуры эпохи Возрождения может обогатить представление о социальной структуре города, выявляя многие реальные жизнедеятельные функции городского общественного организма. К сожалению, такого рода исследования еще очень редки и работа эта может считаться только начинающейся, что дает нам право ограничиться в данном случае постановкой некоторых методологических проблем. При этом мы исходим из того, что диалектика классовый борьбы в городе позднего средневековья предусматривает, наряду с антагонистическими противоречиями, неизбежную взаимосвязанность социальных категорий внутри города,

известную интегральность общественного организма города. Поэтому широкие явления городской культуры должны характеризоваться не как узкословные атрибуты, а как идеологический тип, соответствующий определенному общественному укладу.

4. Интенсивное развитие общественной мысли в XV в. происходит прежде всего в двух направлениях: новым является бурное проявление научно-технических идей, традиционным — религиозно-политическая деятельность, связанная с последствиями схизмы. Продуктами первого в Германии явились книгопечатание, открытия в области механики, металлургии и металлообработки, создание точных приборов. Это направление, отчетливо связанное с зарождением ранних капиталистических отношений, территориально проявилось в первую очередь в имперских городах, а также в местечках, связанных с горным промыслом и экономически зависимых от тех же имперских городов Верхней Германии. Что касается религиозно-политических идей, в начале века еще всецело средневековых (Иоганн Нидер, Дитрих Нимский), то по мере сближения их с возникающим гуманистическим движением усиливается и их зависимость от интеллектуальной атмосферы городов.

5. Гуманистическое движение в Германии возникает в середине XV века в связи с развитием политического суверенитета городов и княжеств. Первые гуманистические кружки возникают в крупнейших имперских городах, а вслед за тем в старых резиденциях и университетах. С самого начала оно оказывает разностороннее воздействие на городскую культуру в целом. Именно на этом раннем этапе гуманизм меньше связан с традициями, поэтому в нем больше ощутимы элементы рецепции. Важнейшее значение имело создание новой интеллигенции, расширение ее социального круга путем слома традиционной монополии церкви на интеллектуальную деятельность. На основе гуманистических сообществ создается новая интеллектуальная среда, охватывающая образованных представителей патрициата, служилого бюрократического сословия, профессуры «свободных искусств» («поэтов») и ученых-математиков и механиков, связанных в свою очередь с внецеховыми мастерами-изобретателями (например, Гуттенберг, Гейнфельд). Расширение сферы воздействия сообществ имеет обратным результатом приобщение его к культурной традиции данного города.

6. Социальная основа художественного творчества на про-

тяжении XV века остается неизменной, как и организация ремесленного производства в городе в целом. Главной причиной этого является обращенность искусства (декламационно-поэтическое, песенное, мимико-хореографическое и сценическое творчество, все виды изобразительных пластических искусств) к возможно более широкому кругу потребителей. Но естественное профессиональное совершенствование в условиях более широкого культурно-художественного обмена — с одной стороны, проявление острого индивидуализма творчества под воздействием гуманистических идей по мере приобщения самих художников и народных поэтов к новой классической образованности — с другой стороны, вели к борьбе между практикой цеховой организации творчества и возникавшими мастерскими — «боттегами» (как у Дюрера), подчас превращавшимися в мануфактурные предприятия (как у Кранаха). Этому косвенно способствовала также распространенность искусства гравюры, связанного технически с книгопечатанием. Близкая этому эволюция происходит и в школах «мейстерзингеров». В Германии почти отсутствует как монументальный архитектурно-художественный комплекс, так и изысканный придворный театрализованный праздник, а с началом Реформации придворный уклад карликовых монархий настойчиво сдерживается мелкобуржуазными нормативами нравственности. Поэтому итогом художественного развития в XVI веке явилось создание устойчивых форм и типов, отвечавших вкусам всего среднего бюргерского сословия.

7. Реформация приводит к известному нивелированию типов интеллектуальной деятельности и художественной культуры. Стагнация, наблюдаемая в социальной и экономической жизни немецкого города второй половины XVI века, проявляется в усилении консервативных мелкобуржуазных тенденций. Основными центрами поздне-ренессансной культуры в Германии делаются княжеские резиденции, как старые, так и новые, а города-эмпории Нижней Германии постепенно обгоняют по своему потенциалу участия в культурной и художественной жизни нации бывшие в начале эпохи Возрождения передовыми имперские города Верхней Германии. К началу XVII века укрепляется придворный быт как императорских, так и некоторых княжеских резиденций, в них сосредотачиваются ученые, поэты и музыканты, художники и скульпторы. Среди этой разношерстной, богатой талантами челяди много иностранцев, характер культуры не только изменяется, но все более выражает черты упадка и бесперспективности,

свойственные этой духовной жизни нации накануне Тридцатилетней войны. Непродолжительный расцвет в качестве культурных центров Франкфурта-на-Майне на Западе и Лейпцига на Востоке был катастрофически прерван войной и сопряженным с ней разорением и обезлюдением Германии. Конец эпохи Возрождения был для немецкой культуры концом блестящего расцвета городов как центров этой культуры.

С О О Б Щ Е Н И Я

Г. К. Сатретдинов

АНРИ ПИРЕНН О ГОРОДЕ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА ОТ АНТИЧНОСТИ К СРЕДНИМ ВЕКАМ

Для творчества видного бельгийского историка-урбаниста А. Пиренна характерна переоценка роли торговли как фактора общественного развития. По существу все его исследования базируются на утверждении первостепенного значения торгового обмена в жизни общества. Как известно, по мнению Пиренна, средневековый город возник в результате возрождения торговли и образования купеческих поселений, которые бельгийский автор рассматривает в качестве ядра поднимающихся городов.

Существенный интерес представляют и его положения о судьбах европейского города в переходный от античности к средневековью период. При разработке проблемы перехода в целом Пиренн не отрицает переломного момента между античностью и средневековьем, но понимает его сугубо по-своему. В ходе развития своей концепции он последовательно противопоставляет Каролингскую эпоху Меровингской, которая, как он полагает, является не началом нового средневекового периода в истории, а продолжением античности. Пиренн утверждает, что период V—VII веков характеризуется преемственностью римских порядков, что античная экономика почти в полном объеме сохранилась и в Меровингскую эпоху. Этот тезис Пиренн и пытается обосновать путем доказательства широкого

развития как внутренней, так и особенно внешней торговли. Ему представляется бесспорным, что торговля осуществлялась прежде всего в городах, которые сохранялись на протяжении всей Меровингской эпохи, были одновременно церковными и торговыми центрами, отчасти и ремесленными. Пиренн находит, что даже на севере Галлии, где города были сравнительно слабо развиты, они играли важную экономическую роль, тем более на юге. Пиренн не отрицает, что города пострадали в ходе варварских завоеваний, но тем не менее, все они еще существовали и были постоянными центрами торговли.

В тесной связи с состоянием торговли решается Пиренном вопрос о городе и в Каролингскую эпоху. Для него нет никаких сомнений, что город как экономический центр пал в результате резкого сокращения торговли. И если нельзя согласиться с причинами, которые, по мнению Пиренна, обусловили этот упадок, с предлагаемыми им хронологическими рамками раннего средневековья, наконец, с доводами, приводимыми им в ходе аргументации собственной концепции, то сама картина экономического состояния Каролингской Европы, ярко нарисованная в его работах, особых возражений не вызывает.

Характерно, что, отрицая существование города в Каролингский период, он выдвигает чисто экономические, отчасти даже производственные факторы. Существовал ли город в Западной Европе IX века? Этот вопрос особо интересует бельгийского исследователя, который дает на него исчерпывающий ответ: «Если называть таким образом населенный пункт, жители которого занимаются не обработкой земли, а торговлей и промышленностью, нужно ответить — нет». Он указывает при этом, что «если рассматривать город как административный центр или как укрепление», то в Каролингский период были известны многие названия, дошедшие до наших дней. Но, по его твердому убеждению, их нельзя считать городами, ибо они «лишены двух основных признаков средневекового и современного города — городского населения и муниципальной организации»¹.

Пиренн справедливо полагает, что сама экономика IX века исключала возможность городского развития. Причины падения города он, конечно, объясняет прекращением торговли: перестав быть торговыми центрами, они, несомненно, утратили большую часть своего населения. Именно купечество, по мнению Пиренна, является важнейшим компонентом городского населения: «С исчезновением купечества исчез и городской ха-

¹ Pirenne H. Les villes du moyen age. Paris, 1927, p. 53.

актер, который они (города) сохраняли еще и в Меровингскую эпоху»². Внимательно рассмотрев экономические и социальные процессы в каролингском обществе применительно к проблемам истории западноевропейского города, Пиренн формулирует вывод, истинность которого не вызывает никаких сомнений: Каролингская эпоха с самого начала не знала города ни в социальном, ни в экономическом, ни в юридическом смысле этого слова. Города и бургы того времени были не более как укрепления и резиденции должностных лиц.

В ходе аргументации этого важного вывода он выдвигает совершенно четкие признаки средневекового города как социально-экономического феномена. Он указывает на отсутствие в каролингских бургах специфических правовых учреждений, присущих городу, но основной водораздел между собственно средневековым городом и каролингским укрепленным населенным пунктом усматривает в качественном различии на экономической основе. Так, по поводу жителей каролингских бургов и их хозяйственной деятельности он пишет, что они ничем не отличались от окружающего сельского населения: «Абсолютно чуждые торговле и ремеслу, они нацело связаны с земледельческой цивилизацией своего времени»³. К тому же численность населения в этих бургах была крайне невелика, и в этом отношении они также не намного отличались от окружающих их селений. Пиренн отдает должное крепостям и бургам Каролингской эпохи, признает их роль в сложном процессе подготовки средневекового города, но рассмотрение этого вопроса уже выходит за пределы нашего сообщения.

Г. Е. Лебедева

К ПРОБЛЕМЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВИЗАНТИИ VIII—IX ВЕКОВ

В нашей историографии нет единой точки зрения по вопросу о судьбах муниципального самоуправления в Византии в VII—середине IX вв. Некоторые исследователи считают, что в большей степени сохранившийся, а следовательно, и сохра-

² Ibid., p. 57.

³ Ibid., p. 70.

нивший традиции античной городской жизни, византийский город в VII—VIII вв. обладал значительными элементами традиционно унаследованного городского самоуправления, отчасти даже укрепившегося в сложный переходный период VII—VIII вв. Одним из оснований этой точки зрения является знаменитая новелла № 46 императора Льва VI о куриях и куриалах, отменяющая их право на «управление» городами. Соответственно эту эпоху рассматривают как начало «сокрушения муниципального самоуправления».

Такого рода интерпретация 46-й новеллы противоречит всем тем данным об эволюции курий и сословия куриалов в Византии, каким мы на сегодняшний день располагаем. Работы И. Ф. Фихмана, Г. Л. Курбатова и многих других ученых показали, что к концу ранневизантийского периода курии уже никакой руководящей роли в управлении городом не играли. В докладе на настоящей сессии Г. Л. Курбатовым, на наш взгляд, было убедительно показано, что в Византии централизованные формы управления городом глубоко утвердились уже в ранневизантийскую эпоху и что элементы старого, античного самоуправления могли скорее сохраниться в городах тех регионов Запада, которые не пережили столь завершенной позднеантичной стадии, как Византия.

В оценке реальной значимости новеллы Льва VI требуется чрезвычайная осторожность. Уже многие исследователи обращали внимание на необходимость дифференцированно подходить к юридическому творчеству этого императора, отличать практически значимые его постановления от «юридических украшений», имеющих скорее абстрактное, теоретическое, нежели практическое значение (Шельтема, Сюзюмов).

По своему содержанию 46 новелла относится именно ко второму типу. Она не соотносится с реалиями городской политической жизни даже ранневизантийской эпохи. Автор берет за основу положение курий в эллинистическо-римский период. Весь материал в совокупности говорит не о развертывании практического наступления на реально существующее и достаточно сильное городское самоуправление, а о желании окончательно зафиксировать отмирание уже целиком изживших себя институтов.

Подспудно за этим, безусловно, стояли тенденции к дальнейшему усилению централизации. Но если новелла и имела какое-то реальное значение, то не столько для самой Византии, сколько для ее окраин и ближайшей периферии. Быть может, для городов Южной Италии, где «курии римского про-

исхождения не исчезли бесследно ранее конца IX в.» (М. Л. Абрамсон), для достаточно изолированных городов Далмации, где в особых условиях, но на базе трансформации старых городских институтов сохранялись сильные традиции самоуправления (М. М. Фрейденберг, Я. Ферлуга) и т. д. Практическая значимость новеллы могла заключаться лишь в ее направленности на ускоренное изживание остаточных элементов прежнего самоуправления в окраинных городах Византии, повсеместной и большей унификации основ ее городского устройства.

В. С. Савчук

**ПРОБЛЕМА РАННЕГО ГОРОДА
ПОЛАБСКО-ПРИБАЛТИЙСКИХ СЛАВЯН
В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Проблема раннего города полабско-прибалтийских славян относится к числу наиболее сложных и вместе с тем наименее изученных проблем ранней славянской истории. В значительной мере это обусловлено скупостью сообщений письменных источников по данному вопросу. Только широкое привлечение археологического материала позволяет воссоздать картину раннегородских поселений в области между Эльбой и Одером. Это обстоятельство и определило некоторый прогресс в исследовании рассматриваемой проблемы в послевоенные годы, когда археологические изыскания, в частности на территории ГДР, развернулись в гораздо больших масштабах, чем прежде.

Немецкая буржуазная историография в течение длительного времени даже не ставила вопроса о развитии городов у полабско-прибалтийских славян в период до начала немецкой колонизации на Востоке. Подходя к изучению городского строя в средние века с правовых позиций, немецкие буржуазные медиэвисты в основном ограничивались указаниями на немецкое происхождение городских учреждений в области между Эльбой и Одером. При такой постановке вопроса славянские земли рассматривались преимущественно как «пространство для культурного освоения», что соответствовало реакционным концепциям немецкой буржуазной историогра-

фии. Даже в серьезных исследованиях западногерманских ученых, вышедших уже в 50-е годы (работы Э. Эннен, Г. Планица и др.), где внимательно прослеживаются истоки и процесс становления городского строя в «старонемецких» областях, не нашлось места для воссоздания истории раннегородских поселений полабско-прибалтийских славян «доколониционного» периода¹.

Однако не в силах игнорировать достижения марксистской историографии, ученые ФРГ вынуждены постепенно пересмотреть традиционную для буржуазной медиевистики концепцию истории Европы, идущую от Ранке (работы Г. Людата, В. Шлезингера, Г. Штооба, К. Цернака, отчасти — даже Х. Прайделя и др.²). В современной западногерманской историографии все больше утверждается положение о существовании производственных и торговых центров или, по крайней мере, элементов рыночного и городского строя у полабско-прибалтийских славян в период до начала немецкой колонизации. С другой стороны, ключевым звеном построений западногерманских историков по-прежнему остается тезис о решающей роли немецкого права и вообще немецкого влияния для дальнейшего развития городов в области между Эльбой и Одером. Сочетание реальных фактов славянской истории со старыми догмами немецкой буржуазной медиевистики делает работы ученых ФРГ весьма противоречивыми.

Принципиально иной характер носят исследования немецких историков-марксистов, причем не только с методологической точки зрения, но и по богатству и новизне того фактического материала, который мы встречаем в их работах. Ранний город полабско-прибалтийских славян исследуется учеными ГДР в связи с общим ходом социально-экономического развития в области к востоку от Эльбы. Приняв раз-

¹ *Ennen E.* Die Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953; *Planitz H.* Die deutsche Stadt im Mittelalter. Köln, 1954.

² *Ludat H.* Vorstufen und Entstehung des Städtewesens in Osteuropa. Köln-Braunsfeld, 1955; idem. Frühformen des Städtewesens in Osteuropa. — Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Lindau-Konstanz, 1958. S. 527 ff; *Schlesinger W.* Zur Frühgeschichte der europäischen Stadt. — Westfälische Forschungen, 1953—1954, Bd. 7, S. 229 ff; *Stoob H.* Die Ausbreitung der abendländischen Stadt im östlichen Mitteleuropa. — Zeitschrift für Ostforschung, 1961, N 1; *Preidel H.* Die slawische Stadt und ihre Problematik. — Die Welt der Slaven, Wiesbaden, 1959, N 3, S. 241—257; *Zernack K.* Der europäische Norden als Städtelandschaft der Frühzeit. — Beiträge zur Stadt- und Regionalgeschichte Ost- und Nordeuropas. Wiesbaden, 1971.

работанную советской историографией концепцию возникновения средневекового города, ученые ГДР конкретизируют ее применительно к истории раннегородских центров полабско-прибалтийских славян. Особое внимание в своих работах они уделяют развитию хозяйства славянских племен, в частности, их ремесленной и торговой деятельности (исследования Я. Бранкачка, Й. Херрманна, В. Унферцагта, Э. Шульцта, П. Гримма, В. Нойгебауэра и др.³).

Археологические данные свидетельствуют о взаимосвязи городов с «бургами» и «субурбиями» предшествующего периода. Это весьма важно и в плане критики концепций буржуазной историографии, немало говорившей, особенно в довоенную эпоху, о появлении городов в районах немецкой колонизации «из диких корней», в результате волевых действий «культуртрегеров». Богатый фактический материал, собранный учеными ГДР, позволил им дифференцированно подойти к решению вопроса о развитии ранних городов у полабско-прибалтийских племен в отдельных областях их расселения. Обобщая результаты исследований своих коллег, Й. Херрманн приходит к выводу, что становление городов у полабско-прибалтийских славян шло двумя путями. Одни из них возникли в связи с расширением административных центров (часто — на месте старых племенных центров), развитие других городов было теснейшим образом связано с их участием в торговле, нередко перераставшей местные рамки. (Думается, что при такой постановке вопроса недооценивается уровень развития ремесла у полабов, о чем интересный материал собран самим же Й. Херрманном). Топографическая картина славянского города в области между Эльбой и Одером, по мнению ученых ГДР, принципиально не отличается от того, что происходило на территории к западу от Эльбы⁴.

³ *Brankack J.* Einige Betrachtungen über Handwerk, Handel und Stadtentwicklung der Westslawen an der Ostseeküste. vom 9. zum 12. Jahrhundert. — Hansische Studien, Berlin, 1961; idem. Studien zur Wirtschaft und Sozialstruktur der Westslawen zwischen Elbe-Saale und Oder aus der Zeit vom 9. bis zum 12. Jahrhundert. Bautzen, 1964; *Herrmann J.* Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder-Neisse und Elbe. Berlin, 1968; *Unverzagt W., Schuldt E., Teterow.* Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. Berlin, 1963; *Grimm P.* Die vor- und frühgeschichtlichen Burgwälle der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin, 1958.

⁴ Die Slawen in Deutschland. Ein Handbush. Herausgegeben von J. Herrmann. Berlin, 1972, S. 198—199.

Изучение раннего города полабско-прибалтийских славян немецкими историками-марксистами продолжается. Полагаем, что их дальнейшие работы прольют дополнительный свет на эту сложную проблему ранней славянской истории.

Я. Д. Серовайский

НАЧАЛО ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ В XI—XII ВЕКАХ И ЭВОЛЮЦИЯ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

(по материалам истории Франции)

Генетическая связь возникновения средневекового города и завершения складывания феодализма получила должное освещение в трудах советских ученых. Но обратное влияние городского развития на дальнейшую эволюцию феодальной собственности еще не стало предметом специального изучения в общетеоретическом и конкретно-историческом плане.

Возможны различные подходы к решению данной задачи. Но наиболее плодотворным, на наш взгляд, является путь выявления закономерностей движения феодальной ренты, представляющей экономическую реализацию феодальной собственности. Причем это движение должно рассматриваться как взаимодействие ее (ренты) объективных и субъективных факторов.

Городское развитие, вершина социально-экономического прогресса XI—XII вв., расширило объективные возможности ренты: 1) увеличилось производство материальных благ (за счет роста производительности труда и увеличения числа производителей);

2) в материальные факторы жизни и жизненные средства превратились природные богатства, которые не могли осваиваться на предшествующих стадиях феодализма; 3) жизненные средства начали присваиваться в виде товаров; 4) возросли потребности, особенно господствующего класса, которые стимулировали превращение новых возможностей ренты в действительность.

Реализация этих возможностей, как результат действия субъективных факторов, вызывала кризис существующей си-

стемы феодального присвоения. Вотчина раннего средневековья, основная «организационная форма присвоения ренты», уже не могла улавливать новые массы прибавочного продукта и, вследствие этого, переживала глубокие изменения.

Происходившая в этот период эволюция французской сеньории не осталась незамеченной историками. Ее изучение велось в двух основных направлениях. Одно из них (представленное главным образом советскими учеными) продолжало рассматривать этот институт как единственное выражение отношений феодальной собственности и выявляло все формы его приспособления к товарно-денежным отношениям. Второе констатировало упадок традиционной сеньории и возникновение новых форм сеньориальной эксплуатации. Его представители, французские ученые, видели в этом не изменение экономических отношений, а результат эволюции политической структуры. Методологические позиции лишили их возможности понять сущность этого процесса и определить его масштабы.

Полная картина произошедших изменений в отношениях собственности может быть воссоздана путем выявления всей системы феодальной эксплуатации, включая как традиционные, так и новые формы присвоения. Новые формы феодального присвоения — комплекс сеньориальных прав, монополии и регалии, которые в условиях децентрализованной Франции неодинаково распределялись среди представителей господствующего класса. Их характерной особенностью было то, что они позволяли своим обладателям присваивать непосредственно или через промежуточные звенья: 1) труд производителей, которые лично им не принадлежали и не являлись держателями их земли; 2) труд численно возрастающего неземледельческого населения; 3) возникавшие формы прибыли; 4) часть цены природных богатств, освоение которых явилось прямым результатом социально-экономического прогресса. И кроме того использовать результаты демографического роста.

Весь продукт, присвоенный в любой форме при помощи указанных прав, следует рассматривать как новую часть совокупной феодальной ренты. В отличие от традиционной части ренты она находилась в прямой связи с происходившими экономическими сдвигами. Поэтому она отличалась наибольшей подвижностью и заключала в себе относительно большие тенденции к росту. Соответственно укреплялись экономические и политические позиции тех феодальных групп, которые

черпали доходы их этой части ренты. И, наоборот, обрекались на застой и упадок те слои господствующего класса, для которых основным источником доходов служила традиционная часть ренты.

Вновь возникавшие права феодального присвоения следует рассматривать как новые формы опосредствования феодальной собственности. Благодаря их возникновению феодальное землевладение, сохраняя титул собственности на землю, фактически уже не являлось единственной формой реализации феодальной собственности и опосредствования последней. Следовательно, фактическое распределение прав собственности уже выходило за рамки закрепленных юридической нормой правоотношений.

Все изменения, отправным пунктом которых являлось городское развитие, расширяли поглощающую способность феодальной собственности. Благодаря им господствующий класс (правда, далеко не все его слои) мог присваивать материальные результаты социально-экономического прогресса и, за счет производителей, удовлетворять свои потребности в соответствии с новым уровнем общественного развития. Трудящееся население было лишено таких возможностей. Поэтому среди французского феодального общества все более усиливались, по сравнению с предшествующим периодом, различия в уровне удовлетворения потребностей, которые способствовали обострению классово-борьбы.

М. Е. Карпачева

КОММУНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В МЕЛКИХ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРАХ СРЕДНЕВЕКОВОГО КАРКАССЭ

Ставя задачей исследование коммунального движения в мелких средневековых городках каркассонского района — объектах вовсе не изученных, отметим прежде всего, что оно развертывалось на фоне ярчайшей антифеодальной борьбы в самом Каркассоне. Это во многом определило характер, методы, ход освободительных выступлений горожан Лиму, Лаграсса, Монреала, Монтолье, Сессака, Арзенса и Конеса. Население этих городков и местечек от 500 до 4 тысяч жителей испытывало двойной сеньориальный гнет: местного фео-

дала (зачастую — церковного) и каркассонского сюзерена — виконта.

Первое, что бросается в глаза, это замедленность темпов освободительной борьбы в большинстве мелких городков по сравнению с Каркассоном. Лишь Лиму, второй после Каркассона ремесленно-торговый центр, ранее других городов диоцеза вставший на рельсы городской экономики, вступает в период антифеодальных битв почти сразу вслед за Каркассоном. В Монтолье, Лаграссе, Монреале борьба против сеньоров развернулась в основном в XIII в. Жители Сессака и Арзенса и местечка Конес добились городских вольностей только в XIV в. Это определялось разновременностью экономической стабилизации городков, общей ее запоздалостью, в связи с сильным развитием серважа в Каркассе, замедленностью процессов внутренней колонизации и отделения ремесла от сельского хозяйства.

Далее — двуединность характера и целей освободительной борьбы. Первоначально — это борьба за самые насущные городские интересы: свободу личности горожанина, свободу функционирования городского производства и обращения, что проявилось на первом этапе борьбы в отвоевании гарантий безопасности горожанина и свободы распоряжения имуществом — посредством уничтожения менморта, введения права свободного наследования и твердой фиксации форискации (феодального побора при отчуждении имущества)¹. Параллельно отвоеванию этих жизненно важных социально-экономических вольностей, но вторым планом, идет в мелких городках Каркассэ завоевание прав самоуправления. Сначала через приюдомов («probi homines») идет ограничение публично-правовой власти сеньора, затем учреждается консулат. Точное время появления консульского управления ни в одном городке Каркассэ документально не зафиксировано. О его наличии мы узнаем для Лиму — с 1213 г., Монтолье — с 1231 г., Лаграсса — с 1357 г., Монреала — со второй половины XIV в. Некоторые муниципальные органы сложились в XIV в. в местечке Конес. Вовсе они не обнаруживаются в Сессаке и Арзенсе.

¹ Первые отвоевания лимужцев в 1178—1192 гг. — три хартии: «О свободе личности», «О свободе завещания», «О гарантии безопасности проезжающих купцов». Примерно тех же привилегий добиваются горожане Монтолье в 1231 г. В Лаграссе в XIII в. строго фиксируется форискапий. В XIV в. полного освобождения от этого побора добиваются жители Монреала.

Удалось проследить определенное качественное своеобразие консульского режима в мелких центрах. Оно проявилось, во-первых, в концентрации прерогатив консулов прежде всего в экономической сфере деятельности: контроль над мерами и весом, регулирование производства и продажи, охрана пользования сельскохозяйственными угодьями (большинство городков владело альмендой). Политические прерогативы — вторичны, при этом зачастую права юрисдикции делятся между сеньором и муниципалитетом. Состав консулата, поскольку его можно определить по спискам ежегодно избираемых консулов, в основе явно не патрицианский. Часто встречаются консулы с профессиональными родовыми прозвищами: Кузнец, Кожевник, Сукновал, Торговец. Очевидно, незатухающая в XIII—XIV вв. борьба за насущные для жизни этих городов экономические требования, преобладание в городках ремесленно-торговой массы выдвигают на муниципальные должности самых заинтересованных в коммунальных вольностях лиц. Это же, вероятно, замедляет процесс аристократизации консулата. Консулаты в Лиму, Монреале, Монтолье и Лаграссе — это живые, активно борющиеся органы политической жизни, без признаков бюрократического обособления от общины.

Третий характерный момент: переплетение всевозможных форм и методов борьбы. Это — и вооруженные выступления, и выкупные сделки с уплатой значительных сумм, и нажим на каркассонских виконтов в момент ослабления их сюзеренной власти, и попытка отложиться от Франции. Важно отметить, что выражением антифеодального протеста горожан Каркассэ явилась и яростная борьба с католической церковью: в XIII в. они активно участвуют в альбигойском еретическом движении, в начале XIV в. — в антиинквизиционных восстаниях. Наконец, борьба с хищнической политикой французских королей, грабивших городки посредством многочисленных контрибуций, налогов и особенно разорительной соляной габели. Все это идет не по прямой линии победоносных отвоеваний, известны и спады и подъемы, успехи и страшный разгром (вплоть до превращения горожан в сервов), после которого все приходилось начинать сначала. И все-таки в результате освободительной коммунальной борьбы городки и местечки Каркассэ отстаивали свою экономическую и социально-политическую самостоятельность, свой городской статус.

Г. М. Тушина

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Исследование социальной структуры средневековых городов важно как для понимания сущности средневекового города и выяснения его места в феодальном обществе, так и для углубления представления о самом феодальном обществе. В 60—70 гг. нынешнего столетия французские историки-медиевисты опубликовали немало работ по истории средневековых городов. Среди них — общие городские истории, издаваемые в серии «История городов» под общим руководством Ф. Вольфа, монографии по отдельным вопросам экономического, социального и политического развития средневековых городов в различные периоды (раннее средневековье, XI—XIII вв., XIV—XV — начало XVI вв.), городской топографии, демографии, идеологии. Исследование социальной структуры средневековых городов ведется в русле основных направлений современной французской историографии, большинство из рассматриваемых работ примыкает или близко к направлению «Анналов» со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. В сфере внимания французских урбанистов за последнее десятилетие — достаточно широкий круг городов: Шартр, Париж, Грасс, Тур, Лилль, Ренн, Тулуза, Марсель, Лион, Агд, Бурж, Безансон, Каркассон, Нарбонна, Безье и другие — сходных и различных между собой по самым разным показателям, расположенных в различных регионах Франции. Основной аспект новых исследований — социальный — в самом широком и в более узком смысле этого слова, в отличие от трудов предшествующего периода с преобладающим уклоном в сторону технико-экономического или чисто юридического плана исследования. Усилилось стремление к созданию «подлинно научных» городских историй с характерной для них тенденцией «объяснять, а не описывать явления».

2. В рассмотренных работах ставятся следующие вопросы: определение социальной структуры средневекового города, ее формирование и эволюция, факторы эволюции, степень мобильности и устойчивости городской социальной структуры в целом и отдельных ее элементов — городской элиты, бюргерства, так называемого «среднего класса», трудящихся («рабочих классов»), специфика социальной иерархии в городе.

критерии социальных градаций среди горожан, степень соответствия имущественных прослоек и правовых категорий, степень замкнутости различных социальных групп и возможности для социального возвышения отдельных семей, индивидов и групп, степень однородности и расслоения городской общины и т. д. Делаются попытки выяснить предпосылки и формы проявления противоречий и конфликтов между различными социальными группами, изучается коммунальное движение, «социальные революции» в городе. Выдвигаются вопросы о сходстве и отличии городской и сельской структур, исследуются различные виды взаимосвязей городского и сельского населения, сравнивается социальный статус горожанина и сельского жителя, выясняется характер взаимоотношений городов с феодальными сеньорами, с королевской властью, с церковью. Многие из поставленных вопросов, несомненно, представляют интерес. Однако многоплановость исследования социальной структуры не может заменить постановку проблемы о формационной принадлежности и экономической сущности средневекового города.

3. Заметное обновление тематики исследований социальной структуры, значительное расширение их хронологических и географических рамок в известной мере связано с расширением круга традиционных источников и аспектов их анализа, привлечением новых видов источников, ранее мало использованных при изучении данного сюжета, с применением и разработкой новых методов анализа. Особенно отчетливо проявляется внимание к социальной топографии, просопографическому анализу, анализу терминов, широко привлекаются данные археологии, исторической географии, демографии, извлекаются из архивов самые разнообразные списки горожан, по-новому используются литературные источники. Зачастую материал подвергается обработке с помощью математических методов (таблицы, графики, диаграммы), но фрагментарность сведений часто не дает для этого оснований.

4. Тенденции к многоплановому исследованию, с использованием различных методик анализа, несомненно, дали некоторые конкретные результаты. Однако большая часть их остается пока в сфере рабочих гипотез и предварительных предложений. Локальный материал не обобщен (за исключением отдельных попыток сравнительного анализа), а определенная дань плюралистской методологии затрудняет научное осмысление противоречивой социальной структуры средневекового города.

Е. А. Ефремов

ГОРОДА СЛАВОНИИ В XII—XIII ВЕКАХ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ

Проблема возникновения средневекового города в Славонии (Посавская Хорватия) до настоящего времени остается еще во многом нерешенной. В современной хорватской историографии она вызывает существенные разногласия. Представители одного направления (например, Вуче) считают, что города Славонии возникли главным образом после татаро-монгольского вторжения в связи с задачами обороны. Представители другого направления (например, Н. Клаич, Б. Графенауер и др.) при трактовке возникновения города исходят из общественного разделения труда. Однако предпочтение отдается отделению земледелия от скотоводства, развитию товарообмена между этими двумя хозяйственными отраслями. Возникший товарообмен порождал торговый капитал, который в свою очередь вызывает к жизни и способствует развитию ремесленного производства.

Сооружаемые в раннее средневековье грады (*castrum*) в качестве оборонительных сооружений ничем не отличались от рядовых поселений в сельской местности. Это положение в целом трудно оспаривать, но было бы неправильно исключать возможность появления на месте бывшей крепости города, ремесла и торговли. Слишком категорично звучит утверждение Н. Клаич о неспособности пришедших на восточное побережье Адриатики славян, с их общинным строем, возможностью заниматься торговлей и создать город. Разумеется, районы Далматинской Хорватии имели определенные различия в своем развитии по Посавской Хорватии.

Города в Славонии, по глубокому нашему убеждению, возникли гораздо ранее времени наделения их королевской властью правами «свободного города». Так, в дарственных грамотах короля Андрея II (Эндре) цистерцианскому ордену комитата Горица от 1211—1213 гг. говорится об основании рынка в Бакуше, сообщается о «людях рынка». Эти «люди рынка» обязывались производить строительство домов, сооружать мельницы, печи, кузницы, заниматься производством бочек, производить другие предметы ремесла. Эти «люди», «госпиты» являлись лично свободными и, видимо, уже давно занимались ремесленным производством.

Товарообмен развивался гораздо ранее рассматриваемого нами времени. На местах торжков поселялись ремесленники, разраставшееся население не могло иметь достаточного количества земли, чтобы вести земледельческое хозяйство и за счет его обеспечить потребности в прочих предметах потребления. Сохранились сведения о размерах земельного надела городского «госпита», ремесленника или торговца — он был равен одному, максимум 3 га. Даже при занятии виноградарством, а виноград был низкого сорта, трудно было рассчитывать на рентабельность такого хозяйства без занятия ремеслом, побочным промыслом, различными поделочными работами и т. п.

В XIII в. появляются «свободные города» по жалованным грамотам короля, герцога, бана, с их особыми привилегиями, самоуправлением. Естественно предположить, что основная масса этих городов возникла гораздо ранее предоставления им этих привилегий (раньше других получил подобную привилегию Вараждин — 1220 г.). Конечно, земледельческие занятия еще играли в них значительную роль. Масса документального материала дает нам представление о постоянной, порой ожесточенной борьбе горожан за землю. Городам по привилегиям выделялись земли, участки леса, выгоны и т. п., но и эти привилегии не могли защитить их от посягательств феодалов и групп йобагионов (промежуточный слой между кметами и господствующим классом феодалов).

Борьба горожан за землю свидетельствовала как о недостатке свободных резервов земель, так и о стремлении города иметь независимый округ городских владений. Эта борьба осложнялась пестротой состава населения, проживавшего в городах (госпиты, цивес, поблизости или в самом городе — крестьяне, йобагионы и др.). В XIII в. источники упоминают о выходцах из Германии, Венгрии, влехах и др., которые поселялись по особым улицам или кварталам (например, Загреб). Не желая умалить значения «госпитов» из различных стран, мы полагаем, что основная масса ремесленников, как и других слоев населения, была местного происхождения.

Славонский город, как и в других странах Западной Европы, имел самоуправление, своего судью (особо тяжкие правонарушения разбирали королевский суд), финансовые органы, горожане свободно распоряжались своим имуществом. С другой стороны, с них взимались налоги, на них лежала обязанность снабжать короля или бана, при посещении последними города, особо оговоренным провиантом и т. п. На городах ле-

жала обязанность оказывать помощь королю военными силами.

Королевская власть получала доходы с городов, оказывала им покровительство, использовала города, как и мелкое, среднее дворянство, в борьбе с крупными магнатами с их сепаратистскими тенденциями. Если в экономическом отношении, в развитии товарообмена как в рамках страны, так и во внешней торговле славонские города играли такую же прогрессивную роль, как и в других странах той эпохи, то в политической жизни эта роль была гораздо менее значительной. Это обстоятельство имеет свои причины, выяснение которых выходит за рамки нашей темы.

С. А. Чурсина

**ГЕНУЭЗСКАЯ ТОРГОВЛЯ СУКНОМ
В XIII — НАЧАЛЕ XIV ВЕКОВ
(по записям генуэзских нотариусов)**

Экономическая история средневековой Генуи изучена далеко не достаточно. Важнейшие документы по истории генуэзской торговли — записи нотариусов — опубликованы лишь за последние 40 лет. Первые попытки систематического изучения генуэзских нотуляриев были сделаны Е. Бирном, Р. Рейнольдсом, Г. Крюгером (20—30-е гг. XX в.)¹. Отдавая должное этим исследователям, считаем нужным отметить, что они, как правило, избегают постановки крупных проблем, какой-либо генерализации фактов. Это в значительной мере относится и к послевоенным работам буржуазных авторов (см., например, сообщение Г. Крюгера «Генуэзские купцы, их капиталы и контракты (1155—1230)» на XI международном кон-

¹ Documenti e studi per la storia del commercio e del diritto commerciale italiano. Torino, 1934—1940, t. I, II, XI, XII, XIII, XV, XVI, XVII, XVIII; Les relations commerciales entre Genes, la Belgique et l'Outremont (d'après les archives notariales genevoises aux XIIIe et XIVe siècles) par R. Doehaerd. Bruxelles-Rome, 1941, T. 1—3; idem, (1400—1440), par R. Doehaerd et Ch. Kerremans, ibid, 1952; idem (1320—1400), par L. Liagere de Sturler, ibid, 1969; Krueger H. C., Reynolds R. (ed). Lanfrance (1202—1226), Genes, 1951—1953; v. 1—3, Soc. ligure di Storia patr. Notai liguri dei sec. XII e XIII, N 6; Documenti inediti sui traffici commerciali tra la Liguria e la Sardegna nel secolo XIII. Padova, 1957, vol. 1.

грессе историков в Стокгольме (1960)². Внимание фиксируется на мелких, второстепенных вопросах и у исследовательницы из Оксфорда Дианы Оуэн Хайз, и у итальянки Джованны Бальби³.

Вместе с тем нельзя не заметить, что новейшая буржуазная урбанистика претерпела ощутимые изменения: потускнели романистические концепции, все настойчивее пробивает себе дорогу течение, приверженцы которого пытаются отойти от эмпиризма, в частности, итальянские историки и экономисты последних десятилетий поставили вопрос об уровне раннекапиталистического развития Италии, считают возможным выделить в истории средневековой итальянской экономики особый период, так называемое «Экономическое Возрождение» (XII—XVI вв.)⁴. С точки зрения А. Сапори, последнее связано с началом крестовых походов и установлением регулярного торгового обмена между Западом и Востоком. По-прежнему заморской торговле приписывается исключительная роль вплоть до способности изменить ход всего общественного развития. Торговля анализируется как фактор совершенно независимый от развития производства. Преувеличивается значение левантйской торговли генуэзского купечества, которое выступает главным образом в качестве импортера восточных пряностей и экзотических товаров в западносредиземноморские страны.

Изучение записей генуэзских нотариусов позволяет осветить ряд важных вопросов, имеющих не только локальное, но и более общее значение, пересмотреть некоторые установившиеся положения западной медиевистики относительно содержания и роли посреднической торговли генуэзцев. Нами изучено более семи тысяч актов. Мы хотели бы обратить внимание на такую малоисследованную сторону вопроса, как сухопутная торговля генуэзского купечества (связи с Шампанскими ярмарками, закупки и перепродажа больших партий

² XI-e Congrès International des Sciences Historiques, Stockholm, 21—28 août 1960. *Resumés des communications*. Göteborg-Stockholm-Uppsala, 1960, p. 108—109; *Actes du Congrès*. — In.: *Discussion sur la communication de M. Hilmar, C. Krueger Genoese Merchant, their Investments and Contracts 1155—1230*, p. 128.

³ *Hyghes D. O. Urban Growth and Family Structure in Medieval Genoa. — Past and Present*, Oxford, 1975, N 6. *Balbi G. Nomi di nave a Genova nei secoli XII-e—XIII-e*. — In.: *Miscellanea di storia ligure in onore di Giorgio Falco*. Milano, 1962.

⁴ *Sandra di Majo. Rinascimento e declino economico dell'Italia secondo Armando Sapori e Roberto Lopez*. — *Economia e storia*, Milano, 1967, N 3.

фландрского, французского и английского сукна). Благодаря континентальным связям в Геную наряду с восточными экзотическими товарами привозились ткани северо-европейского и итальянского производства, ремесленные изделия ломбардских городов, текстильное и сельскохозяйственное сырье. Вопрос этот до сих пор изучен слабо, так как исследователи обращались только к самому раннему источнику — записям нотариуса XII века Джованни Скриба. Между тем опубликованные недавно и еще почти не введенные в научный оборот нотулярий Джованни Гиберто (начало XIII в.) и извлечения из нескольких десятков нотуляриев XIV в. дают наиболее богатый материал о генуэзской торговле импортными тканями, и прежде всего сукном. В Геную стекалось купечество из многих итальянских городов и целого ряда стран Европы для закупки восточных товаров, промышленного сырья, а также сбыта своих промышленных изделий.

Приблизительно до конца XII века, как об этом свидетельствует нотулярий Скриба, внимание генуэзского купечества было приковано почти исключительно к левантйской продукции (пряности, предметы роскоши, восточной экзотики). Однако уже начиная с конца столетия и особенно в XIII—XIV вв. на генуэзском рынке преобладающее положение стали занимать ткани европейского производства. Первоначально это было сукно Фландрии, дешевые шерстяные ткани и бумага Ломбардии, немецкое и шампанское полотно, а также сырье для текстильной промышленности (квасцы, красители, шерсть, хлопок). Затем все большее значение получает ввоз французского и английского сукна.

Новые публикации документов из архивов генуэзских нотариусов дают возможность представить масштабы торговли тканями, охарактеризовать посредников-поставщиков импортного сукна на генуэзский рынок, определить категории покупателей этих тканей. Если для XII—начала XIII вв. продавцами импортного сукна в Генуе были астильцы и фламандцы (преимущественно аррасское купечество), что было уже отмечено некоторыми исследователями, то в более поздний период (40-е гг. XIII — нач. XIV вв.) фламандцы оттесняются на второй план итальянскими торговцами тканями (главным образом, пьаченцами).

Таким образом, генуэзская посредническая торговля отразила те сдвиги, которые произошли в экономике европейских стран эпохи крестовых походов. Именно расцвет европейского текстильного ремесла, и прежде всего сукноделия,

вызвал к жизни оживленную торговлю тканями. Вместе с тем на Востоке все большее внимание генуэзцев начинает привлекать сырье для развивающейся текстильной промышленности (хлопок, красители, квасцы). Именно производство и его потребности все больше обуславливали и направляли развитие торговли, и в этом смысле последняя являлась функцией производства, а не творцом исторического процесса.

Л. А. Шаферова

ПАТРИЦИИ Г. КОТОРА — ФИНАНСИСТЫ И ДИПЛОМАТЫ СЕРБСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

Котор входил в состав Сербского государства Неманичей, но сохранял при этом автономию. По мнению, распространенному в литературе, без изучения его роли в экономике и политике трудно понять историю Сербии этого периода. (М. Накић. Относи Котора и Србије у средњем веку. — *Historijski pregled*, Сарајево, 1954, № 3).

В конце XII в., ко времени присоединения Котора великим жупаном Стефаном Неманей, в нем уже сложилась городская верхушка — крупные земельные собственники, владевшие землей в городе и его дистрикте.

Впервые которские патриции появляются в 1124 г. в грамоте, где было записано пожалование земли церкви св. Трипуна, но эта грамота вызывает большое сомнение в своей достоверности. Вполне достоверны другие источники, появившиеся в 80-х гг. того же XII в.: договор Котора с Дубровником и грамота, изданная в Которе. Договор был заключен в 1181 г., для этого в Дубровник прибыла группа которан, вероятно, патрициев во главе с князем (*comes*). В 1186 г. сотник, направленный в «государство (*civitas*) Котор по приказанию великого жупана», принимает с тремя присяжными судьями (их имена названы в грамоте) и «со всеми знатными которанами» несколько постановлений, зафиксированных в грамоте. Из этих документов, сообщающих о важных событиях в прошлом Котора, известно и о непосредственном участии в них влиятельных граждан. Имена князей и присяжных судей сохранились и в других источниках. Позднее, примерно через полвека, сербский король Радослав, подтверждая привилегии, данные

Котору великим жупаном, обращался к «верным нашим гражданам и патрициям которским». Обращение сербских правителей к патрициату Котора и внимание ему соответствовали его высокому положению в самом городе. В договорах, постановлениях вече и других документах записаны имена судей и уполномоченных (прокураторов) коммуны. Можно проследить участие ряда патрицианских семей в управлении коммуной, в ее политической жизни. Но такого рода данные и для второй половины XIII в. довольно отрывочны. XIV век, особенно его первая половина, — период продолжавшегося расцвета города, совпадающего с общим подъемом производительных сил и политического значения Сербского государства. От этого времени сохранилось значительно больше исторических документов. Важнейшим источником изучения патрициата Котора являются судебно-исторические книги, из них можно узнать о составе имущества, которым владели патрицианские семьи; об участии патрициев в кредитных и торговых операциях и т. д. Сочетание данных судебно-нотариальных книг со статьями городского Статута, договорами и т. д. позволяет исследовать экономическую основу политического могущества патрициата, его значение и влияние не только в пределах города, но и во всем Сербском королевстве. Патрициат Котора, его роль в экономической и политической жизни Сербии в целом не являлись объектом специальных исследований. Исключением является статья М. Накич об одном из членов патрицианской семьи Буча-Трипуна Буче (М. Накић. Трипе Бучи, которски властелин и дипломата средњовековне Србије. *Историски гласник*, 1954, 4). Она полагает, что жизнь и деятельность Трипуна Бучи является иллюстрацией роли и положения Котора в Сербии, «когда Котор служил портом и давал ей большую часть ее купцов и деловых людей». В статье М. Накич дан и анализ дипломатической службы Трипуна при сербском дворе короля Милутина. Вместе с Трипуном Бучей служил другой которанин — Тома Драгонис. Их современники считали, что Трипун и Тома ответственны за финансовую политику короля в отношении их ссграждан (эта ответственность закреплялась постановлением городского Статута). Тома Драгонис происходил из старинной, влиятельной патрицианской семьи, к XIV в. весьма многочисленной, разделившейся на несколько ветвей. Один из членов этой семьи был компаньоном общества, откупившим у короля «рынок и монетный двор» в 80-х гг. XIII в. Послами Милутина, отправленными им для переговоров с Карлом Валуа и папой Климентом V в 1308 г., бы-

ли: дубровницкий патриций Михаил Лукаревич, Трипун Буца и Павел Драгонис (отец Тома Драгониса). Несли дипломатическую и финансовую службу сербским правителям и другие представители обширного клана Драгонисов. С семьями Буца и Драгонисов деловыми отношениями были связаны патрицианские семьи, члены которых занимали высокие должности при королевском дворе. Среди них были и семьи Пасквалисов, Симеоновых, Болица.

Финансисты и дипломаты, служившие при сербском дворе, принадлежали к влиятельным, богатейшим семьям которского патрициата. Они активно участвовали в торгово-кредитных операциях по посреднической торговле между Сербией и городами Италии. Патрицианские семьи не только поддерживали деловые отношения с другим торговым центром Адриатики — Дубровником, но и имели родственные связи с дубровницким патрициатом, им предоставлялось дубровницкое гражданство.

Таким образом, правители Сербского государства использовали деловой опыт и связи которских патрициев, назначая их протовестиариями, сдавая на откуп сбор пошлины и т. д. Дипломаты-каторганы, представлявшие Сербию в Западной Европе, не только хорошо понимали ситуацию, складывавшуюся в регионе, привлекавшем внимание сербских государей, но и сами были непосредственно заинтересованы в укреплении экономических и политических связей с Венецией и другими государствами.

Т. П. Брянцева

ПОЛЬСКИЕ ГОРОДА XIII—XIV ВЕКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема генезиса польского средневекового города в исторической науке долго оставалась нерешенной. Утвердившаяся с конца XIX в. в немецкой историографии так называемая колониальная теория связывала возникновение польского города с немецкой колонизацией и введением «немецкого» права в XIII—XIV вв. С критикой этой теории в довоенный

период выступили польские историки Ф. Буяк, О. Бальцер, К. Тыменецкий¹.

В послевоенные годы в польской медиевистике определился принципиально новый методологический подход к изучению данной проблемы. Благодаря обширным археологическим исследованиям доказано возникновение городов в Польше в X—XI вв. В работах В. Хензеля, А. Гейштора, Л. Лецейевича, Т. Лялика и других показаны особенности и этапы развития социально-экономической структуры польских городов в эпоху раннего средневековья².

В связи с неопровержимыми археологическими доказательствами западногерманские историки вынуждены признать существование раннесредневековых городов у западных славян, однако по вопросам немецкой колонизации и «немецкого» права в Польше они отстаивают прежнюю культуртрегерскую концепцию (К. Гаазе, В. Шлезингер, Г. Людат, Е. Бар, В. Кун и другие)³. Г. Людат утверждает, что в результате немецкой колонизации и «немецкого» права в Польше сформировался принципиально новый город, который не был органическим продолжением раннесредневекового⁴. В. Кун рассматривает силезские и восточнопоморские города вне связи с развитием Польши и на карте определяет их как «немецкие»⁵.

В 50-х гг. в польской и советской исторической науке были выяснены социально-экономические предпосылки средневекового города и деревни Польши на «немецкое» право и оп-

¹ *Bujak F.* Studia nad osadnictwem Malopolski. Rozprawy Akademii Umiejetnosci. — Wyd. Historyczno-Filozoficzny, 1905. 47; *Tymieniecki K.* Zagadnienie poczatkow miast w Polsce. — In: Pisma wybrane. Warszawa, 1956; *Balzer O.* O Niemcach w Polsce. — *Kwartalnik Historyczny*, Lwow, 1911, XXV.

² *Hensel W.* Archeologia o poczatkach miast slowianskich. Wroclaw, 1963; *Gleyasztor A.* Geneza miast polskich i ich dzieje do konca XV w. — *Miasta polskie w tysiacleciu*. Wroclaw, 1965, t. 1; *Leciejewicz L.* Kazaltowanie sie pierwszych miast u Slowiar nadbaltyckich. — *Slavia Antiqua*, 1970, 17; *Lalik T.* Kazaltowanie sie miast za piewszych Plastow. — *Poczatki panstwa polskiego*, Poznan, 1962, t. 2.

³ *Haase C.* Die Entstehung der westfälischen Städte, 2 Ausg. Münster, 1965; *Schlesinger W.* Die Geschichtliche Stellung der mittelalterlichen Ostbewegung. München, 1957; *Bahr E.* Zur Entstehung der kleinen Westpreussischen Landstädte. — In: *Acta Prussica*. Würzburg, 1968.

⁴ *Ludat H.* Frühformen des Städtewesens in Osteuropa. Konstanz, 1958; *Ludat H.* Deutsche-Slavische Frühzeit. Ausgewählte Aufsätze. Köln-Wien, 1969.

⁵ *Kuhn W.* Die deutschrechtlichen Städte in Schlesien und Polen in der ersten Hälfte des 13 Jahrhunderts. Marburg-Lahn, 1968.

ределена его сущность. В 60—70-х гг. в польской историографии углубилось исследование данной проблемы, внимание было направлено на выяснение процесса перестройки города в различных сферах его жизни на протяжении XIII—XIV вв.

11-й Общепольский съезд историков 1974 г. показал, что продолжается дискуссия по ряду спорных вопросов, а именно: социально-экономическая структура городов на рубеже XII—XIII вв.; формирование городского сословия и польского городского права; введение (локация) в городах нового образца западноевропейского («немецкого») права; положение горожан и формы городского самоуправления, новое в городской планировке.

В последние годы польские историки расширили региональные исследования городов различных земель феодальной Польши. Выяснено, что наиболее успешно нарастание урбанистического процесса в XII — начале XIII вв. происходило в Силезии, Гданьском Поморье, Великой и Малой Польше. Исследования, проведенные Л. Лецейевичем⁶ и другими учеными, показали, что в связи с возросшей ролью торгово-ремесленного населения происходили изменения в городской структуре, в территориальной планировке, возникали комплексы поселений вокруг городского центра.

Польские урбанисты большое внимание стали уделять малым городам и местечкам, которые были наиболее многочисленны в Центральной Европе. В работах К. Дзевоньского и Т. Лялика выясняются причины возникновения обширной сети малых городов и их экономическое значение в развитии страны⁷.

Вопрос о возникновении городского сословия и его организации в ранний период не получил еще окончательного решения в польской историографии. Большинство историков связывает процесс формирования городского сословия с его растущими экономическими функциями и развитием польского городского права, зачатком которого являлись привилегии вольного торгова. З. Качмарчик, С. Пазыра, Ю. Бардах признают, что право вольного торгова изменило характер данного поселения, постепенно освобождало его жителей от кня-

⁶ *Leciejewicz L.* Wszesnosredniowieczne przemiany socjotipograficzne osad miejskich u Słowian zachodnich w świetle archeologii. — In: *Miasta doby feudalnej w Europie srodkowo-wschodniej*. Warszawa, 1976.

⁷ *Dziewonski K.* Baza ekonomiczna i struktura funkcjonalna miast. Warszawa, 1967; *Lalik T.* Geneza sieci miasteczek w Polsce sredniowiecznej. — In: *Miasta doby feudalnej w Europie srodkowo-wschodniej*. Warszawa, 1976.

жеской юрисдикции и выделяло, с правовой точки зрения, по сравнению с феодально-зависимым населением⁸. Этой точке зрения противостоит К. Бучек, который отрицает существование польского городского права и образование городского сословия в долокационный период⁹.

Исследование процесса перестройки польских городов в XIII—XIV вв. в хозяйственной, правовой, урбанистической сферах ведется комплексно, с привлечением различных специалистов. Выяснено, что термин «локация» города на «немецком» праве применяется в различных случаях: при введении нового образца западноевропейского права; в ходе изменения территориальной планировки и застройки города; при основании новых городских центров. В связи с тем, что прежний термин «локация» не отражает всего сложного процесса преобразования городского организма, польские историки вели поиски более точной терминологии. А. Гейштор предложил новый термин: «городская реформа» в Польше в XIII в.¹⁰ Это нашло поддержку ряда ведущих специалистов, например, А. Вендцкого¹¹; Б. Зентара критически отнесся к новой терминологии¹².

За последние годы польские авторы при исследовании средневекового города широко применяют метод социотопографии. Локальные изыскания показали, что изменения городской планировки или перенесение городского центра за пределы ранее существовавшего зависело от конкретных экономических, политических, природных условий.

В польской историографии прочно утвердилось мнение, что перестройка городов страны в XIII—XIV вв. по западноевропейскому образцу была подготовлена предшествующим этапом социально-экономического развития, она усилила дальнейший процесс выделения городского сословия в экономическом, правовом и политическом отношениях, в то же время активизировала борьбу за городское самоуправление.

⁸ *Kaczmarczyk Z.* Początki miast polskich, zagadnienie prawne. — *Czasopismo Prawno-Historyczne*, 1961, 13, s. 29. *Pazyra S.* Geneza i rozwój miast mazowieckich. Warszawa, 1959, s. 178; *Bardach J.* Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1964, t. 1.

⁹ *Buczek K.* Targi i miasta na prawie polskim. Wrocław, 1964.

¹⁰ *Gieysztor A.* Geneza miast polskich i ich dzieje do końca XV w. — *Miasta polskie w tysiącleciu*. Warszawa, 1965, t. 1.

¹¹ *Wedzki A.* Początki reformy miejskiej w srodkowej Europie do połowy XIII w. Warszawa-Poznań, 1974.

¹² *Zientara B.* Rozwój miast srodkowoeuropejskich w I połowie XII w. — *Przegląd Historyczny*, 1976, 67, s. 2.

В. А. Сметанин

**ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО РЕМЕСЛА
В ВИЗАНТИИ XIII—XV ВЕКОВ
И ВОССТАНИЕ НАЕМНЫХ РАБОЧИХ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ
В 1372—1373 ГОДАХ**

Поздневизантийское общество проходит в своем развитии два этапа: 1204—1282 и 1282—1453 гг. С 80-х гг. XIII в. на него оказывает растущее воздействие турецкое нашествие. Засилье феодалов, конкуренция со стороны итальянского купечества, слабость корпоративной организации дополняются в городе прогрессивно растущей утратой связей с сельским рынком. В таких неблагоприятных условиях могло упрочить свои позиции лишь ремесло, имеющее постоянный спрос со стороны горожан, защищавшихся от врагов, и поддержку государства. Именно таким ремеслом стало оружейное производство. Из 132 категорий поздневизантийских ремесленников город имел 88, причем городская профессия «оружейников» подразделялась на 15 специальностей: алебардчики, баллистарии, изготовители колчанов, кинжалов и мечей, луков, осадных машин, пращей, стрел, копейщики, латники, панцирники, пушечные мастера, шлемники, шпорники и щитники. С военным производством были связаны сапожники, шьющие обувь для войска, а также смежные с ремеслом профессии кастрофилаксов и гонцов. Более высокая по сравнению с предшествующим временем специализация оружейного ремесла доказывает высокий уровень его развития. К тому же надо учесть те категории ремесленников, деятельность которых была причастна, хотя и не в полной мере, к городскому военному производству: веревочники, врачи, землекопы, каменотесы, кирпичники, кровопускатели, литейщики, лодкостроители, медицинские сестры, мостовики, оптионы, седельники, строители пружовых кораблей, стеньги, судостроители, шиватели кож. Центром военного производства стал город (Константинополь, Филадельфия и др.); ибо добиться успехов можно было лишь под защитой крепостных стен. Уже в XIII в. не случайно в оружейном производстве зародилась мануфактура «в зачаточном состоянии» (при Иоанне III Дуке Ватаце). К концу XIII в. происходит спад в развитии ремесла, а затем новый подъем, обусловленный потребностями борьбы с турка-

ми, причем оружейное производство достигает невиданного в истории Византии уровня. Гипертрофия оружейного производства означала неравномерное развитие других отраслей. Непоследовательность политики правительства по отношению к ремеслам подтверждается источниками (Фома Магистр, «Слово о гражданских правах»). Оружейное производство было привилегированным. Оружейники пользовались авторитетом. Они не привлекались к военной службе.

Воздействие Византии сказывалось и на военном деле соседних стран. Генуэзцы осознавали значение оружейных предприятий на Месе. В определенной степени можно объяснить утрату Константинополем функций центра экспортного ремесла гипертрофией оружейного производства. Материальному положению ремесленников-оружейников завидовали «месой». В условиях голода в столице ремесленники получали императорские продовольственные пайки. По словам Феодора Гиртакина, Музалон и Хумн осчастливили ремесленников настолько, насколько возможно. В противовес ремесленникам жалование учителям выдавалось нерегулярно и было низким.

Положение наемных рабочих было значительно хуже итальянских (во второй половине XIV в. зарплата была втрое меньше). Уже Фома Магистр требовал обеспечить наемным рабочим более высокий заработок. В конце третьей четверти XIV в. в Константинополе в 1372—1373 гг. происходит восстание наемных рабочих (мистарнунтес). С мнением Э. Франчеса о том, что после событий осенью 1354 г. «городские движения в Византии совершенно прекратились», согласиться невозможно. Отсутствие трудов историков-современников событий (монемвасийского митрополита Макария и Лаоника Халкокондила к ним причислить нельзя) и ограниченное количество относящихся сюда хроник затрудняют изучение восстания. Но среди 450 писем Димитрия Кидониса три посвящены описанию внутреннего положения Константинополя (№ 28, 114, 442). Следует учитывать, что в соответствии с поздневизантийской теорией эпистолярного стиля, одним из создателей которой являлся Кидонис, письмо должно было содержать приятные для адресата сведения. Поэтому Кидонис, очевидно, попытался сгладить в письме впечатление о действительном размахе восстания. И тем не менее, письмо, написанное в разгар восстания, пронизано страхом перед движением наемных рабочих (№ 114). Любопытно, что хронологически восстание происходило почти одновременно с Восстанием чомпи во Флоренции (1378 г.). Восстание

в Константинополе, как и во Флоренции, носило пульсирующий характер. Наемные рабочие того времени еще не способны были на целенаправленную, устойчиво развивающуюся борьбу. Она то затухала, или даже временно прекращалась, то вспыхивала с новой силой. За год до восстания Кидонис в письме № 28 описывает ситуацию летом 1371 г. в столице как трагическую («великий город — только название», он переживает «все несчастья вдовства», отданный «бешеным» в результате отсутствия Иоанна V Палеолога, который вернулся в столицу из поездки на Запад 28 октября 1371 г.). Письмо № 114 проникнуто ненавистью к мистотам. Мистарнунтес идут «во главе общих оскорблений». «Родина» и «уважаемое общество» подвергаются опасности. Мистарнунтес ведут борьбу за союзников-пенитов, устраивая публичные выступления с речами. О серьезности намерений наемных рабочих говорят опасения Кидониса, «как бы они не сбросили с себя господство». Основные формы их борьбы, как пишет автор письма, — грабежи, убийства, изгнание знати из столицы. Мистоты в своих речах обвиняют императорский двор в продажности, ибо некоторые влиятельные лица пытаются за вознаграждение восхвалять дела архонтов перед народными массами, так что «резиденция государственных властей — это болтливая базарная площадь и образец угодничества». Кидонис говорит как о реальной возможности увидеть на улицах мистарнунтес во главе народных масс. Для того, чтобы расколоть пенитов, отвлечь их от борьбы, ослабить накал социальных противоречий, Кидонис предлагает уменьшить подати с «несчастных земледельцев и других апоров» и препятствовать действиям наемных рабочих. Предложение Кидониса обусловлено напором восставших народных масс, главную роль среди которых сыграли мистарнунтес.

Восстание 1372—1373 гг. свидетельствует о дальнейшем ухудшении положения наемных рабочих в столице империи, о растущем сопротивлении их, о выдвигании их в качестве ведущей силы в народных движениях второй половины XIV в.

В. Н. Завражин

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ МАНУФАКТУРЕ

Одной из важных и дискуссионных проблем в советской историографии является вопрос о поздневизантийской ману-

фактуре. Поскольку неоспоримых прямых свидетельств византийские источники этого времени о существовании мануфактуры не содержат, исследователям приходится ограничиваться косвенными данными, а выводы их носят достаточно гипотетический характер. В последнее время большинство советских историков склоняется к мысли, что в поздневизантийском городе не сложились условия для появления мануфактуры¹.

Наиболее отчетливо противоположный тезис выступает в работах В. А. Сметанина². В статье «Турецкое нашествие и военные издержки Византии» автор настойчиво проводит мысль о существовании в Византии мануфактуры в «зачаточном состоянии» уже в XIII в. При этом делается ссылка на высказывание К. Маркса: «В том, что касается самого способа производства, мануфактура, например, отличается в своем зачаточном виде от цехового ремесленного производства едва ли чем другим, кроме большего числа одновременно занятых одним и тем же капиталом рабочих»³. На наш взгляд, В. А. Сметанин несколько упрощенно и излишне прямолинейно связывает данное положение Маркса и единичное свидетельство Феодора Скутариота, которое, по мнению автора, убедительно говорит за существование в Византии XIII в. мануфактуры в «зачаточном состоянии»⁴. Исследователь обращает внимание на количественную характеристику, данную Марксом ранней форме мануфактуры, и оставляет в тени весьма важную мысль Маркса о том, что «мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства»⁵. Для мануфактуры, как капиталистической по своей сути организации, характерны вполне определенные качественные особенности, выступающие в известном разделении труда, в наличии таких противостоящих и в то же время соединенных в одном производственном процессе сил, как рабочие и капитал, в определенной

¹ См. например: *Медведев И. П.* Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 408; *Удалцова З. В.* Византия и Западная Европа (типологические наблюдения). — ВО, М., 1977, с. 34.

² *Медведев И. П.* Вопросы истории византийского города на научной сессии в Ленинграде. — ВВ, 1969, 30, с. 314—315; *Сметанин В. А.* Турецкое нашествие и военные издержки Византии (1282—1453). — АДСВ, 1976, 13, с. 107, 108.

³ *Маркс К.* Капитал. М., 1973, т. 1, гл. 11, с. 333.

⁴ *Сметанин В. А.* Турецкое нашествие..., с. 107.

⁵ *Маркс К.* Капитал, т. 1, гл. 12, с. 372.

зрелости последнего, направленного в сферу производства, которое является сугубо товарным.

Видим ли мы мануфактуру, в том числе и в зачаточном виде, как её понимал К. Маркс, в Византии XIII в., исходя из анализа единственного приводимого в пользу указанного тезиса источника — «Приложений» Скутариота к труду Георгия Акрополита?

Остановимся на рассмотрении и оценке этого определяющего свидетельства в переводе-толковании В. С. Сметанина: «В больших же городах находились люди — мастера по различному оружию, изготовлявшие за плату ежегодно столько-то луков, столько-то стрел и другое оружие и помещенные в государственные предприятия в количестве, превышающем обычную норму, чтобы сражающиеся ни в чем не испытывали недостатка»⁶. На наш взгляд, вызывает сомнение строго однозначный перевод слов «DEMOSIOUS OIKOUS» как «государственных предприятий», в то время как их содержание было более широким и предполагало разнообразные виды государственных хозяйств, построек. Возникновение мануфактуры рассматривается В. А. Сметаниным не столько как явление, обусловленное естественным развитием экономической жизни Византии, а скорее как результат поощренного военной ситуацией стечения обстоятельств, ничего не говорящих о существовании экономических тенденций. Выполнение ремесленниками государственного заказа, о котором идет речь в отрывке, очевидно основывалось на традиционных государственных повинностях, феодальных в своей основе. Что касается сообщения Скутариота об оплате государством труда оружейников, то сам по себе этот факт не определяет их как свободных, наемных рабочих. Ремесленники-оружейники находились на государственном содержании и в ранней Византии. Нам кажется обоснованнее было бы перевести «DEMOSIOUS OIKOUS» более широко как «государственные дома», возможно выполнявшие функцию оружейных складов. Неправомерным является перевод активного причастия настоящего времени — «ΑΡΟΤΗΤΗΝΤΕΣ» (складывающие, помещающие) причастием пассивного аориста «ΑΡΟΤΗΤΗΝΤΕΣ» (помещенные). Такой перевод приводит к искажению смысла текста: вместо ремесленников, «складывающих оружие на государственных складах» имеем ремесленников, «помещенных в государственные предприятия». В связи со сказанным выше приводим наш перевод

⁶ Сметанин В. А. Турецкое нашествие..., с. 107.

рассматриваемого отрывка: «В больших же городах были люди — мастера по различному оружию, за плату столько-то луков, столько-то стрел и другое оружие изготовляющие ежегодно и в государственные дома (склады. — В. З.) складывающие количество (его), превышающее (обычную норму), чтобы сражающиеся имели бы необходимое из оружия ни в чем не испытывая недостатка»⁷. Отсюда следует, что в указанном отрывке Скутариота речь идет не о «сосредоточении в государственных предприятиях по производству оружия наемных работников в количестве, превышающем обычную норму»⁸, а о складировании, о создании запасов оружия (что было вызвано военной опасностью), о производстве его в большем, чем обычно, количестве, причем производство оружия, как и в прошлом, осуществлялось на старой ремесленной основе. Из свидетельства Скутариота следует, что оружейники и прежде работали по заказу государства и сдавали ему изготовленное оружие и что в данном случае они работали не в «государственных домах».

Таким образом, анализ единственного источника приводимого пока в подтверждение тезиса о существовании в Византии мануфактуры в «зачаточном состоянии» в XIII в. не дает нам оснований считать данный тезис доказанным. На наш взгляд, поздневизантийское производство в XIII в. оставалось на стадии феодально организованного ремесла и не доросло до мануфактуры.

В. Л. Керов

АРНОЛЬД ИЗ ВИЛЛАНОВЫ И АНТИФЕОДАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ В ЮЖНОФРАНЦУЗСКИХ ГОРОДАХ

Рост городов, как центров ремесла и торговли, обусловил возникновение особого городского социально-политического климата, свойственной только городу духовной жизни, городской культуры, пронизанной элементами свободомыслия и антифеодальными настроениями, нередко принимавшими форму антицерковных ересей. Интенсивность и своеобразие развития городов Южной Франции способствовали тому, что в XII—начале XIII века этот регион стал очагом Альбигойского дви-

⁷ Iheodori Scutariotae additamenta; *Acropolites G. Opera.* ed. Heisenberg A. Leipzig, 1930, v. 1, с. 285.

⁸ Сметанин В. А. Турецкое нашествие..., с. 107.

жения, потрясшего католическую церковь¹. Но и во второй половине XIII — начале XIV века, когда ереси катаров и вальденсов во многом утратили свое значение, антицерковные движения здесь не затихают. На первый план выдвинулось народное еретическое движение бегинов. С ним было тесно связано и возникшее внутри францисканского ордена оппозиционное орденской верхушке и папству движение т. н. спиритуалов во главе с уроженцем южнофранцузского города Сериньяна — Петром Иоанном Оливи².

Весьма близок к спиритуалам был и Арнольд из Виллановы, хотя он не имел духовного сана и всю жизнь оставался мирянином. Был он связан и с еретиками-бегинами. Это была выдающаяся личность своей эпохи. Арнольд интересовался политическими и философскими проблемами, изучал физику и математику, искал новые пути в фармакологии. Наиболее широко он был известен как медик.

В буржуазной литературе его жизнь и деятельность рассматриваются с абстрактных, внеклассовых позиций, нередко лишь в плане истории религиозной жизни³⁻⁴. В советской исто-

¹ Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (К вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры). М., 1953; Люблинская А. Д. Расцвет феодализма (X—XIII вв.). — В кн.: История Франции в 3-х т. М., 1972, вып. 1; Она же. Структура сословного представительства в средневековой Франции. — Вопросы истории, 1972, № 1; Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI—XII веков). Саратов, 1969; Карпачева М. Е. Возникновение Каркассона как средневекового города. — В кн.: Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971; Каркассон от античности к средневековью. — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1972, вып. 1; Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в Каркассонском районе в средние века. — В кн.: Средневековый город, Саратов, 1974, вып. 2; Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах каркассонского района в средние века. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1975, вып. 3; Осипов В. И. Судьбы городского дворянства. Монпелье (XII—XIII вв.). — В кн.: Экономическое развитие и классовая борьба в средние века и в античности. Саратов, 1968.

² Керов В. Л. Народное еретическое движение бегинов юга Франции и Петр Иоанн Оливи. — Французский ежегодник. 1968. М., 1970, с. 5—53; Оливи и папство. — В кн.: Европа в средние века: Экономика, политика, культура. Сб. статей к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972, с. 365—378.

³⁻⁴ См. напр.: Verrier R. Etudes sur Arnaud de Villeneuve, v. 1240—1311. Leiden, 1947. См. также материалы 10-го коллоквиума в г. Фанжо (Франция), посвященного религиозной жизни Лангедока в XIII в.: Franciscaïns d'Oc. Les Spirituels с а 1280—1324. — Cahiers de Fanjeaux, Toulouse, 1975, 10.

рической литературе деятельность Арнольда из Виллановы практически не изучалась. О нем упоминается лишь в работах автора этих строк⁵, да в трудах по истории медицины.

Арнольд родился в бедной семье около 1240 г. в городке Villanova — предположительно в Валенсии, в Испании; учился в Париже, а затем в Монпелье, где к тому времени сложилась сильная медицинская школа. В Парижском университете Арнольд посещал лекции на факультете искусств и на медицинском, а также на теологическом. Среди лекторов, которых он слушал, были, с одной стороны, отец ортодоксальной схоластики Фома Аквинский и, с другой, один из зачинателей опытного знания Роджер Бэкон. Арнольд приобрел также широкие связи в политических кругах, например, с Гильомом де Ногарэ⁶. Вернувшись в Испанию, Арнольд завел знакомства с арабскими философами и медиками, изучал труды Авиценны и других ученых. Покинув Испанию, Арнольд побывал во многих университетах Италии, познакомился с выдающимися учеными того времени, сблизился с известным философом-схоластом Раймундом Луллием. Затем Арнольд надолго обосновался в Монпелье. Видимо, в этот период были написаны его трактаты по философии, медицине, теологии. Здесь он познакомился с Оливи и другими спиритуалами. Вероятно, тогда же устанавливаются его связи с еретиками-бегинами.

Арнольд из Виллановы разделял эсхатологические и хилиастические идеи иоакимистского толка, свойственные мировоззрению спиритуалов⁷. В этом духе написано (1302 г.) его сочинение «Католическая философия» (*Philosophia catholica*). В «Наставлении бегинам» (*Informatio beginorum*) он пытался обобщить воззрения бегинов, которые сам разделял; главным он считал следование принципу: ничего не иметь и не желать иметь. Требование строгой, «апостольской» бедности, выдвигаемое Арнольдом, сходно с позицией Оливи. Для обоих оно было средством борьбы против католической церкви, погруженной в роскошь, лицемерии и пороках.

Ещё в конце XIII века Арнольд написал трактат «О време-

⁵ Керов В. Л. Бегины и папство. — В кн.: Проблемы классовой борьбы. М., 1971, вып. 1, с. 135—136.

⁶ Haven M. La vie et les oeuvres de maître Arnaud de Villeneuve. Paris, 1896, p. 27.

⁷ Morghen R. Medioevo cristiano, Bari, p. 12; См. также документы в приложении к кн.: Finke H. Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster i. W., 1902, S. CCI ff.

ни пришествия Антихриста» (*De tempore adventus Antichristi*) и «Комментарии на апокалипсис» (*Expositio super Apocalipsis*), где предсказывал неизбежность гибели существующего мира, в котором господствует «плотская» католическая церковь, и установление нового, справедливого мироустройства.

В Монпелье Арнольд вел большую медицинскую практику и, не имея ни духовного сана, ни папской лицензии, преподавал в местном университете. Труды в области медицины, написанные Арнольдом в Монпелье, были основаны на конкретных наблюдениях и по самому своему существу носили материалистический характер. Арнольд поддерживал связи со многими научными центрами той эпохи, особенно с медицинской школой в Салерно, которая была тогда одним из центров европейской медицины, носила светский характер и не принадлежала духовенству. Результатом этих связей и собственно врачебного опыта явилось составление Арнольдом знаменитого «Салернского кодекса здоровья» (*Regimen sanitatis Salernitanum*), свода различных общепользованных сведений в области медицины⁸. В Монпелье Арнольд много занимался алхимией, а также физикой и математикой. В его взглядах обнаруживается влияние материалистических воззрений Аверроэса, Аль-Фараби и других арабских философов.

В 1299 г. Арнольд был арестован в Париже. Его обвинили в безбожии, богохульстве, в стремлении доказать, что в середине нового столетия должен появиться Антихрист, чтобы уничтожить церковь Христа, апостолов и пап. В октябре 1300 г. церковный суд постановил сжечь апокалиптическое сочинение Арнольда. В 1309 г. парижские теологи снова выступили против еретических, как они утверждали, воззрений Арнольда. В его доктрине они выделили 15 положений, представляющих особую опасность для церкви: предсказание борьбы против католической церкви и последующего конца света, отрицание боговдохновенности папских булл и канонических установлений, Арнольд называл их «сугубо человеческими творениями», утверждение, что у Христа человеческая природа была равна божественной и т. д.⁹ Обвинения эти неминуемо грозили костром. Лишь защита со стороны коронованных особ, которые пользовались его услугами как медика, помогла Арнольду избежать этой участи, но от церкви он был

⁸ Арнольд из Виллановы. Салернский кодекс здоровья. XIV век / Пер. с лат. и прим. Ю. Ф. Шульца. М., 1964.

⁹ Haven M. Op. cit., p. 36—37.

отлучен. В 1311 г. Арнольд снова появился в Париже, и здесь с новой силой возобновил борьбу против католической теологии. Против него образовался единый фронт белого духовенства и монашества, парижских теологов и инквизиции. Арнольд был вынужден бежать из Франции. Весной 1312 г. он умер. Как явствует из сообщения инквизитора Николая Эймерика, высказанные Арнольдом идеи антицерковного характера продолжали быть предметом осуждения и после его смерти¹⁰.

И. А. Краснова

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ФЛОРЕНТИЙСКИХ БУРЖУА XIV—XV ВЕКОВ В ОСВЕЩЕНИИ К. БЕКА

Социальная психология, как реальный факт общественного сознания, играет в истории очень большую роль. Отражая непосредственные настроения, мироощущение отдельных слоев и классов, она служит, в свою очередь, почвой для формирования общественной идеологии. По словам Б. Ф. Поршнева, много сделавшего для изучения социальной психологии в истории, тезис о соотношении общественного бытия и общественного сознания должен быть всесторонне раскрыт не только с философской, но и с конкретно-исторической стороны: какими путями, как именно первое определяет второе¹. В настоящее время целый ряд советских историков и психологов: Б. Д. Парыгин, Л. И. Анцыферова, А. Я. Гуревич, Б. А. Ерунов обратились к социально-психологическим аспектам прошлого, особенно — эпохи первоначального накопления.

Эти вопросы все больше привлекают и западных историков, причем некоторые из них стремятся подойти к ним с материалистических позиций. Нас будет интересовать исследование К. Бека, посвященное общественной психологии флорентийских буржуа XIV—XV веков².

К. Бек привлекает широкий круг источников: помимо из-

¹⁰ Directorium Inquisitorum F. Nicolai Eymerici Ordinis Praedicatorum. Venetiis, 1607, part 2.

¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 8.

² Beck Ch. Les marchands — écrivains. Paris, 1967.

вестных хроник Джованни Морелли и Бонаккорсо Питти, исследуются записки Паоло Чертальдо, Донато Веллутти, Горо Дати, Маттео Строцци, Лапо Маццей и др.

К. Бек исходит из факта господства капиталистических отношений во Флоренции XIV—XV веков. Несмотря на трудность сравнения и анализа различных купеческих хроник, очень разнообразных по характеру, он находит для них единый стержень — буржуазную психологию (с. 26—28). Автор проводит грань между новым восприятием мира у флорентийских купцов и религиозным мировоззрением средневековья. Исследуя изменение религиозных чувств горожан Флоренции, он выявляет черты сходства их с психологией позднейших кальвинистов. Для них «мессер господь бог сделался интендантом купеческой фортуны» (с. 277). Но некоторая модернизация флорентийского капитализма (автор находит там «тресты по типу вертикальных концернов» и «циклические экономические кризисы») приводит к тому, что К. Бек обнаруживает даже у Виллани «отсутствие уверенной горделивости, свидетельствующей о благополучном стабильном процветании», что, по мнению Бека, есть отражение в его психологии кризисов капиталистической экономики (с. 24—25).

Несомненной заслугой Бека является вывод о тесной связи социальной психологии флорентийских буржуа с гуманистической идеологией. Но эту связь он усматривает прежде всего в личных связях и семейном родстве (с. 382), трактует её как «единую общность» и склонен ставить знак равенства между мироощущением купцов и взглядами гуманистов (с. 378). Факты не дают оснований для такого приравнивания.

В самом деле, как явствует из семейных хроник, мироощущение купцов основано на принципе наживы. Морелли настойчиво повторяет о необходимости все действия и чувства рассчитывать в золоте: «Всё бесполезно, что не несёт выгоды в золоте и серебре», даже «изъявление нежных чувств не должно превышать 2-х флоринов», «честь делового человека состоит в богатстве». Питти, несмотря на весь авантюризм и страсть к приключениям и игре, исчисляет свои похождения и риск в денежных суммах. Набожный Чертальдо поучает: «чтобы дети твои были озабочены выгодами и прибылью, обучай их не подходить к дому с пустыми руками, но чтобы они приносили в дом какую-нибудь вещь».

Гуманисты, как правило, не отрицали пользы богатства. Но цель и смысл человеческой жизни они видели не в нём. Салутати писал: «Человек не должен оставлять поля битвы,

его удел — всю жизнь сражаться за справедливость, истину и честь»³. Л. Б. Альберти утверждал: «Человек по природе своей творец, он рождён для труда, труд создает ему славу и почет в обществе»⁴. Леонардо да Винчи прямо осуждает жизнь с целью наживы: «Знаменитость богача исчезает вместе с его жизнью, остаётся знаменитым сокровище, а не собиратель сокровищ; оставь творения, которые доставят тебе больше почестей, чем деньги»⁵.

Буржуа Флоренции, действующие согласно законам товарного производства, воспринимают окружающих как своих конкурентов, поэтому им свойственны подозрительность, недоверие, даже враждебность к людям. У Морелли это мелочный расчёт в отношениях с людьми, скрупулёзный надзор за служащими (с. 57). Чертальдо, обожающий религиозную мораль любви к ближнему, как только речь заходит о делах, проповедует недоверчивость и осторожность (с. 153). Питти смотрит на людей как на партнёров по дуэли, он в постоянной готовности с кем-то сразиться, собирает ложные свидетельства, чтобы причинить вред врагам⁶.

Д иное в сочинениях гуманистов. Салутати верит в общественное благо, справедливые законы, которые объединяют людей в общество, где царят уважение, дружба, любовь к отечеству⁷. Лоренцо Вилла в трактате «О наслаждении» утверждает: «Не может быть такого, чтобы люди, если они не злодеи и не глубоко несчастны, не радовались бы благу другого и, что больше, чтобы они не были причинами радости для другого»⁸. Идеологи Возрождения были убеждены в достижимости гармонии человека и общества.

Как видим, соотношение между социальной психологией флорентийских буржуа и идеологией гуманистов невозможно определить как тождество и прямую нерасторжимую связь, как это представляется Беку. Социальная психология — подспудный слой, на котором развилась идеология гуманизма. Их родственность прослеживается во многом. Купцы и гуманисты не принимали средневековой пассивности и созерцательности, заменив их деятельностью человека в реальном

³ Альберти Л. Б. О семье. Цит. по: Брагина Л. М. Гуманизм. — В кн.: История Италии. М., 1970, т. 1, с. 404.

⁴ Там же, с. 397.

⁵ Леонардо да Винчи. Избранное. М., 1952, с. 70—71.

⁶ Бонаккорсо Питти. Хроника. Л., 1972.

⁷ Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. М., 1977, с. 413.

⁸ Валла Л. О наслаждении. — История эстетики. М., 1962, т. 1, с. 1.

мире, но понимали они эту деятельность и её цель неодинаково. И те и другие отрицали феодальную сословную разграниченность и зависимость, пронизывавшую все отношения в феодальном обществе, но одни противопоставляли ей холодный расчет и подозрительность, а другие — гармонию человеческих отношений. Взоры и тех и других обращены к реальному земному миру, но непосредственные представители буржуазии видели в нем источник личной выгоды и наживы, а гуманисты — источник счастья, красоты и безграничных творческих возможностей для всех людей. Купцы-писатели, отражая непосредственную эмпирию буржуазных отношений, остаются в тесных рамках ранне-буржуазной психологии. Гуманисты-идеологи не только передовой буржуазии, но и всех антифеодальных сил — не могли восхитаться отталкивающими сторонами жизненной практики буржуазного класса. Вдохновляясь лишь лучшим и отбрасывая его, они нередко выступали против буржуазной психологии, во всяком случае, далеко перешагнули за ее узкие рамки.

Н. А. Богодарова.

ГОРОДСКИЕ МОТИВЫ В АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ XIV—XV ВЕКОВ

1. Одной из особенностей английской городской культуры XIII—XV вв. является отсутствие или слабое развитие таких специфически городских жанров, как городская новелла, животный эпос, светская драма.

2. Мировосприятие городского сословия находит свое отражение в других литературных жанрах эпохи, в частности, в политической поэзии.

3. Вопрос о связи английской политической поэзии XIV—XV вв. с общественно-политической и культурной атмосферой средневекового города до настоящего времени не рассматривался ни в буржуазной, ни в марксистской медиэвистике.

4. Английская политическая поэзия, так же как и политическая поэзия стран континента, представляет ценный исторический источник: ее тематика актуальна; в политических песнях нашли отражение многие реалии английской действительности XIV—XV вв., взгляды и настроения представителей различных сословий и, в частности, горожан.

5. Социальный круг авторов песен весьма широк и не мо-

жет быть очерчен с полной определенностью, но идейная разнородность политической поэзии даёт возможность утверждать, что в числе авторов были клирики, должностные лица, представители рыцарства, горожан и даже (крайне редко) крестьянства. Употребление английского языка, всё более частое в течение XIV в., также подтверждает расширение социального круга как авторов, так и их аудитории.

6. Нами изучено около 250 политических песен и поэм XIII—XV вв. на латинском, англо-нормандском и английском языках. При этом около пятидесяти песен непосредственно связано с городской атмосферой.

7. При анализе городских мотивов поэзии XIV—XV вв. выделены две группы песен: 1) песни, в которых проявилось общее влияние атмосферы города; 2) песни, отразившие мировосприятие собственно городского сословия.

8. В течение второй половины XIII в. авторы песен в подавляющем большинстве игнорируют город как феномен и горожан как особое сословие. Интерес к городу и горожанам у авторов поэм и песен проявляется постепенно в течение XIV в. Показательно, что, за редким исключением, сословие горожан воспринимается авторами как составная часть социальных групп «простой народ», «бедные», «commons».

9. В то же время существует группа песен, имеющая тенденцию к росту, в которых отражаются взгляды, настроения, интересы городского сословия, хотя и в этих песнях самосознание собственно горожан проявляется нечасто. Как правило, взгляды, интересы, требования горожан выступают не самостоятельно, а как составная часть интересов и требований «commons». Это отражает специфику реального положения английских горожан, их тяготение к политическому союзу с рыцарством.

10. Тематика этой группы песен разнообразна, но наиболее часто встречаются песни антиналоговые (в течение XIV в.), песни, посвященные рассмотрению качеств справедливого государя (вторая половина XIV—XV вв.), песни, прославляющие или защищающие «commons» (особенно конец XIV—XV в.). Эти песни отражают насущные для городского сословия социально-политические вопросы.

11. Эволюция самосознания горожан, а также и восприятия городского сословия представителями других социальных слоёв, проявляется и в том, что в песнях XIV в. наряду с устойчивым стереотипом «лживые купцы» появляется новый — «достойные купцы».

12. Воздействие городской атмосферы на английскую политическую поэзию проявляется и в ряде характерных для нее художественных особенностей, которые в суммированном виде не были свойственны другим жанрам этого времени: светскости, реалистичности мировосприятия, антимистицизма, относительно частом использовании сатиры, редком обращении к аллегории и дидактике.

13. В целом политическая поэзия XIV—XV вв. отразила многие специфические черты мировосприятия и самосознания английских горожан, и шире — своеобразие английской городской культуры.

Г. И. Дипатникова

ВОСПРИЯТИЕ ЭЛЕМЕНТОВ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕХИИ XIV—XV ВЕКОВ

Одной из черт культурной жизни чешского общества предгуситской эпохи является интерес образованной его части к античной культуре. Для обозначения этого культурного явления в современной чешской литературе существует несколько определений (схоластический гуманизм, этический гуманизм, ренессансный гуманизм и др.). Это свидетельствует о сложности рассматриваемой проблемы и необходимости ее дальнейшего изучения.

Важным источником для исследования вопроса о степени знакомства чешского общества с философским и художественным наследием античности являются описи средневековых чешских библиотек, в которых, при безусловном преобладании канонической литературы религиозного содержания, встречаются имена классических авторов. Вместе с подлинными произведениями (Тит Ливий, Цицерон, Лукан, Сенека, Иосиф Флавий) в Чехии имели распространение произведения средневековой литературы, пособия по грамматике и риторике, философские труды, в которых содержалась информация об античной культуре.

Представляется, что характер восприятия античности среди образованных людей Чехии не был однозначным. В ближайшем окружении Карла IV интерес к античной культуре развивался не без влияния гуманистической идеологии, которая проникала в Чехию благодаря частым итальянским кон-

тактам и поверхностно воспринималась чешской знатью, находя известный отклик и в более широких кругах.

Основным центром, где происходила адаптация античности, был университет, где, как показывает изучение социального состава его членов, были широко представлены выходцы из городской среды. При сохранении религиозного сознания горожане в то же время являлись носителями светских тенденций в развитии чешской национальной культуры. В университете горожане сталкивались с официальным восприятием античности и с запоздалым влиянием идей «Ренессанса XII века». Преодоление официального восприятия античного наследия выражалось здесь в отходе от схоластического аристотелизма и распространении (Станислав из Знойма, Ян Гус) неоплатонизма, в котором университетские ученые еще не различали позднейших наслоений. Идеи неоплатонизма проникали также в лирическую и дидактическую поэзию и изобразительное искусство.

В то же время среди университетской интеллигенции складывается особый интерес к той части наследия Аристотеля, которая помогала осмыслить важные политические и этические проблемы современной жизни. Среди обработок Аристотеля чаще всего встречаются комментарии к «Этике» и «Политике». Интерес к этим произведениям заметен и в университетских диспутах «О чем угодно».

Изучение художественного наследия античности не входило в официальную учебную программу Пражского факультета «свободных искусств». Несмотря на это, в библиотеке коллегии Каролиnum были представлены произведения Сенеки, Горация, Овидия, Саллюстия и Валерия Максима. Светские антикизирующие мотивы весьма заметны и в преподавании грамматики и риторики.

Как можно судить по публикациям И. Тржишки, риторика из руководства к составлению писем становится в это время дисциплиной, в которой содержатся большая информация о классических авторах, элементы поэтики и публицистики. О характере восприятия классической литературы вместе с другими источниками свидетельствуют речи преподавателей факультета на торжественных актах (промоции, диспуты «О чем угодно»). В них присутствует мир античности в виде ссылок на классических поэтов (Горация, Овидия, Вергилия) и упоминаний о персонажах античной истории и мифологии. Эти ссылки служат обычно узким воспитательным задачам, но в отдельных случаях выражают патриотические настроения или

этическое кредо. Сведения об античности берутся авторами речей как из латинских подлинников, так и из вторых рук. Вместе с индивидуальным и светским восприятием античности имеет место и христианизация классических авторов.

Интерес городских кругов Чехии к классической древности был одним из проявлений стремления к секуляризации культуры в рамках феодального строя. Несмотря на наличие гуманистических влияний, сам характер восприятия античной культуры в Чехии отличается определенной ограниченностью и обнаруживает много общего с так называемой «первой рецепцией» наследия древности в феодальной Европе.

Н. Г. Подаляк

РЕМЕСЛО ГОРОДА РОСТОКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Вторая половина XV — первая половина XVI в. — особый период в истории Германии. Он характеризуется разложением феодальных форм организации производства и зарождением капиталистических отношений в экономике, а также общественным подъемом, охватившим в 20-е годы XVI ст. все слои немецкого общества и поставившим вопрос о дальнейших путях развития страны. Важную роль в развитии указанных процессов сыграли города, вследствие чего исследование их социально-экономического развития на рубеже XV—XVI в. имеет большое научное значение.

Неравномерность и специфика социально-экономического развития отдельных регионов Германии требует конкретных исследований по истории городов, достаточно значительных и типичных для определенного региона. Именно таким являлся во второй половине XV — первой половине XVI в. один из малоизученных городов Северной Германии ганзейский Росток. В его историческом развитии особенности, присущие непосредственно Ростоку и северонемецким городам вообще, переплетались с чертами, отражавшими основные закономерности развития западноевропейских городов той эпохи.

Учитывая тот факт, что в буржуазной немецкой историографии преобладало мнение о якобы слабом развитии ростокского ремесла и исключительной роли в экономической жизни города транзитной торговли (работы В. Бредерлова, Г. Ман-

на, В. Штиды и др.), а историки-марксисты ГДР останавливаются главным образом на отдельных вопросах торговли и социальной структуры ростокского населения в XIV—XVI в. (И. Шильдхауэр, К. Фритце, Г. Тирфельдер и др.), нами исследован документальный материал, содержащий сведения о ремесле второй половины XV — первой половины XVI в., т. е. по проблеме, недостаточно освещенной в исторической литературе. Это — цеховые уставы, налоговые реестры, «Перепись» по мобилизации воинов в городское ополчение, торговые и таможенные книги, протоколы ганзейских съездов и ганзейские грамоты, хроники.

В интересующий нас период Росток насчитывал 12,5 тыс. жителей. Он сохранял статус *Landesstadt*'а, полученный вместе с любекским правом в 1218 г., и подчинялся верховной власти герцога Мекленбургского. Однако к рассматриваемому периоду, в результате успешной борьбы против территориальных сеньоров, их права были ограничены верховной юрисдикцией и взиманием поземельного налога. Непосредственное управление городом сосредоточилось в руках олигархического патрицианского совета.

Анализ источников показывает, что на рубеже XV—XVI в. Росток представлял собой центр многоотраслевого ремесленного производства. По количеству цехов (44) он занимал ведущие позиции среди городов Мекленбургского герцогства, которые обычно имели лишь по 7-8 цехов. Важнейшими занятиями ростокских ремесленников были: металлообработка, кожевенное дело, ткачество, деревообработка, обслуживание сферы городского быта, т. е. ремесла, типичные для средневековых немецких городов. Особенностью профессионального состава населения Ростoka, как крупного ганзейского центра, являлось наличие специальностей, связанных с кораблестроением (корабелы, канатчики) и обслуживанием порта (лодочники, грузчики и т. п.).

Во второй половине XV — первой половине XVI в. в результате роста производительных сил и разделения труда, в ростокском ремесле продолжалась дифференциация ремесленных занятий и производственное оформление новых специальностей.

Качественные изменения произошли в структуре цехов. Они, как позволяют заключить уставы, прежде всего выразились в усилении замыкания цехов и монополизации специальности. Замкнутость цехов наиболее заметно проявлялась в усложнении системы преград на пути к достижению звания

мастера, в стремлении мастеров сохранить и передать по наследству свои права.

Хотя в целом в ростокском ремесле господствующие позиции сохранялись за мелким цеховым производством, отдельные его отрасли не могли избежать воздействия купеческого капитала. Так, по данным источников, в 1492—1496 гг. в Ригу и Ревель было вывезено 64 775 метров ростокских сукон, а ежегодный выпуск пива накануне Тридцатилетней войны составлял 14—18 тысяч тонн. Вряд ли такие количества товаров могли производиться в рамках небольших ремесленных мастерских. По всей видимости, на рубеже XV—XVI вв. в Ростокке уже появлялись первые элементы капиталистического производства.

Ю. К. Некрасов

ЦЕХОВОЕ РЕМЕСЛО И РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ

[Об одном аспекте

**социальной дифференциации ремесленников
в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии
XV—XVI веков]**

Процесс возникновения капиталистических отношений, одним из источников которого являлось разложение цехового ремесла, отличался сложностью и противоречивостью. В дополнениях к третьему тому «Капитала» Ф. Энгельс относил текстильную промышленность к числу тех отраслей производства, в которых «начало существованию промышленного капитала было положено уже в средние века», так как в этой отрасли, по его словам, «купец начал прямо ставить мелких мастеров-ткачей себе на службу, обеспечивая их пряжей и заставляя их за его счет перерабатывать её в ткань за определенную плату... превращаясь из купца в так называемого раздатчика». Последствием такого рода деятельности купца являлась ломка «традиционных границ производства» и присвоение раздатчиком «прибавочной стоимости сверх получаемой им до сих пор торговой прибыли». Возникновение этой формы производственных отношений было тесно связано с практикой авансирования купцом и ростовщиком мелких ремесленников, так как ткачей «только долговое рабство заставляло подчиниться новым условиям производства»¹. «...В об-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 479—481.

становке товарного хозяйства, — указывал В. И. Ленин, — мелкий производитель неизбежно попадает в зависимость от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного, массового сбыта над разрозненным мелким сбытом». Он подчеркивал, что «при раздробленности мелких производителей и полном разложении их, крупный сбыт может быть организован только крупным капиталом, который в силу этого и ставит кустарей в положение полной беспомощности и зависимости»². Представляется вполне очевидным, с другой стороны, что система раздач, которая была наиболее ранней формой капиталистической организации производства, могла появиться только там и тогда, где общественное разделение труда и дифференциация самого ремесла создавали благоприятные условия для её функционирования. Этот момент нашел яркое отражение в процессе социального расслоения цеховых ремесленников, который можно проследить на основании материалов цеховых уставов, декретов городских властей о ремесле, цеховых и городских хроник и других свидетельств современников.

По мере возникновения и развития системы раздач по существу происходило превращение самостоятельных ткачей в «частичных рабочих» (по терминологии К. Маркса), которые, с одной стороны, лично сами не занимались прядением, с другой — не доводили производственного цикла на собственные средства до конца, сбывая грубые ткани. Уже регламент совета Исни, изданный около 1400 г., противопоставляет ремесленников, которые лично сами изготовили и соткали ткани в собственной мастерской и сами же продают эти ткани на рынке, как тем, кто занимался перепродажей изделий, произведенных другими, так и тем, кто рассчитывался с кредитором изделиями собственного производства. Следовательно, регламент имел в виду три категории: самостоятельных производителей, скупщиков и работающих на последних мелких ремесленников. Эти мелкие ремесленники уже не являлись товаровладельцами в тесном смысле этого слова, так как их изделия, минуя городской «вольный рынок», оказывались в руках раздатчиков, которые присваивали не только торговую прибыль, но и прибавочную стоимость, создаваемую трудом попавших в экономическую зависимость от них товаропроизводителей. Повидимому, раздатчики выходили из рядов не только профессиональных купцов и ростовщиков, но и зажиточных цеховых

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 359—360, 365.

мастеров. Эта тенденция эволюции социальной структуры цехового ремесла, наметившаяся еще на рубеже XIV—XV вв., приобретает, однако, необратимый характер с начала XVI в.

В связи с этим представляет интерес так называемая «Цеховая грамота» Шафхаузена 1535 г. Эта Грамота наряду с самостоятельными цеховыми мастерами-ткачами называет также ремесленников, которые формально обладают правами метризы, но фактически работают за плату и находятся в экономической зависимости от раздатчиков. Она же указывает на особую категорию мелких производителей, которые не обладают ни бюргерскими, ни цеховыми правами, но, находясь на положении поденщиков (*an der tagwen*), добывают себе пропитание ремеслом, относящимся к компетенции корпорации ткачей. Грамота категорически запрещает производителям этой категории самостоятельно заниматься ремеслом (*aigen werck nit triben*) и обязывает их строго соблюдать обычаи ткацкого ремесла. Таким образом, в Шафхаузене к середине 30-х гг. XVI в. происходит превращение фактически в наемных работников, чей труд эксплуатируют раздатчики, не только разорившихся цеховых мастеров, но и внецеховых поденщиков, которые рекрутируются из городской бедноты и крестьян городской округи, ищущих в городе сезонной работы.

Проникновение торгово-ростовщического капитала в сферу промышленного производства существенно изменяло самую структуру средневекового ремесла. В этой связи большой интерес представляют свидетельства источников о характере и направлении развития знаменитой санкт-галленской льноткацкой (в первую очередь полотняной) промышленности. Матрикул патрицианской корпорации города, текст которого включил в свои сочинения реформатор и бургомистр Санкт-Галлена Иоахим фон Ватт (Вадян), связывает расцвет этой промышленности с переселением из Констанца в начале XV в. «многих богатых и состоятельных бюргеров», которые стали членами местной патрицианской корпорации «*Notenstein*». Эта корпорация, по словам Вадяна, была «вольным товариществом бюргеров, которые не занимались ручным ремеслом, так как уже стали купцами».

Но в оценке социального положения городских ремесленников Вадян не идет далее признания того факта, что «среди них были бедные и богатые». Гораздо большую ценность в этом отношении представляет «Саббата» — хроника Иоганнеса Кеслера — современника и сподвижника Вадяна по ре-

форматорской деятельности. Описывая неблагоприятную рыночную конъюнктуру 1539 г., Кеслер говорит о занимающихся промыслом ткачах (*werbenden weber*), которые предоставляют возможность заработка многим другим ткачам, работающим за плату (*lonweber*). Последняя категория включает большое число разорившихся людей, не имеющих даже ткацких станков и оказавшихся в такой бедности, что они не в состоянии прокормить свои семьи с женами и детьми и не умирают от голода только потому, что городские власти оказывают им благотворительную помощь. Таким образом, Кеслер вполне определенно противопоставляет друг другу «*werbenden weber*» и «*lonweber*», причем цеховые мастера первой категории выступают в роли раздатчиков и работодателей по отношению к находящимся от них в экономической зависимости ткачам второй категории. Описание хрониста соответствует той стадии развития текстильной промышленности Санкт-Галлена, когда в условиях разложения цехового ремесла происходило утверждение раннекапиталистических отношений. Последние выступали здесь прежде всего в форме системы раздач, для уточнения механизма действия которой обратимся еще к одному свидетельству санкт-галленского хрониста.

Вслед за Вадяном Кеслер приписывает необыкновенный подъем в XV—XVI вв. санкт-галленского льноткачества деятельности констанцских патриотов. Известно, однако, что переселенцы из Констанца не были ткачами. Они были денежными людьми, крупными оптовыми торговцами и купцами-предпринимателями. Инвестиции последних в торговлю и производство полотна сообщили толчок механизму системы раздач, «приводным ремнем» которой стали «*werbenden weber*», эксплуатировавшие основную массу городских и сельских прядильщиков и ткачей. Владельцы крупных фирм присваивали торговую прибыль и прибавочную стоимость, создаваемую трудом «платных ткачей» (*lonweber*), уступая лишь часть этой стоимости цеховой верхушке (*werbenden weber*), которая выступала в качестве агента торгово-ростовщического капитала.

В Санкт-Галлене возникла своего рода иерархия эксплуатации основной массы городских и сельских ткачей: у основания этой иерархии находились разбогатевшие цеховые мастера, раздававшие сырье и скупавшие грубые полотна у мелких ремесленников, на её вершине стояли богатые купцы и патриции, которым раздатчики поставляли готовые изделия. Свидетельства упомянутых источников не оставляют сомнения, что

командные позиции в санкт-галленском производстве полотна уже в начале XV в. захватили предпринимательские элементы, одновременно занимавшиеся крупной оптовой торговлей на германских и международных рынках. Постепенно происходит превращение этих элементов в капиталистов, эксплуатирующих основную массу мелких производителей города и деревни и использующих в качестве своих агентов «занимающихся промыслом ткачей». По крайней мере к 30-м гг. XVI в. подобные отношения стали нормой.

Такой ход развития характерен также для Ульма — одного из крупнейших центров бумажного производства в Верхней Швабии. Командные позиции здесь оказались в руках раздатчиков из числа крупных импортеров сырья и экспортеров местной бумазеи, которым противостояли три группы товаропроизводителей: 1) полноправные цеховые мастера, владельцы мастерских, на собственные средства закуПАвшие сырье, производившие операции всего цикла и осуществлявшие сбыт готовых изделий; 2) лишь формально самостоятельные цеховые мастера, которые хотя и владели мастерскими, но, располагая ограниченными средствами, вынуждены были продавать «грубую бумазею» и уже впали в различные формы экономической зависимости от раздатчиков; 3) бедные ремесленники, которые жили исключительно за счет авансов сырьем и деньгами и рассчитывались за них «заложеной бумазеей». Ремесленники последней категории фактически являлись наемными рабочими на сдельной оплате труда, ремесленники второй категории находились на пути превращения в наемных рабочих. Этот же путь в конечном счете совершила и большая часть цеховых мастеров первой категории, только узкая верхушка её смогла влиться в ряды капиталистов-предпринимателей.

М. А. Молдавская

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПРОВАНСЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

В последние годы в трудах французских историков (Э. Баратье, А. Лапейр, Ш. Террасс, Р. Пиллорже, Ю. Нево, Ф. Вельф) первая половина XVI в. во Франции рассматривается как время благополучия народа и социального мира. Эта характеристика включает и Прованс. Распространен-

ность такого взгляда обусловлена недостаточной изученностью положения народа и социальных конфликтов этого периода, а также несостоятельностью методологических позиций многих авторов.

Методология изучения народных движений всегда интересовала советских историков. В последние годы этому вопросу посвящены специальные исследования, весьма способствующие изучению конкретных движений¹. Попытаемся рассмотреть поставленные вопросы на материалах Прованса.

Со времени присоединения Прованса к Франции в 1481 г. на социально-экономические процессы и общественные противоречия местного характера стали наслаиваться явления, связанные с включением этой провинции в систему французского абсолютизма.

Социальные конфликты в провинции были разнообразны и обусловлены различными факторами. Продолжалась борьба зависимых (частью — крепостных) крестьян против феодального гнета, порою — в форме отказа от выполнения повинностей. Население небольших городков продолжало давнюю борьбу против своих сеньоров. Сравнительно новым явлением были народные выступления против возрастающего бремени государственных и муниципальных налогов; особенно значительные восстания происходили в 1539 г. в больших городах в связи с габелью. Антиналоговые движения, обычно переплетавшиеся с голодными бунтами, вызванными нехваткой зерна, плохим хлебом, спекуляциями на зерне, выражали как сопротивление государственным властям, так и протест городской бедноты против засилья городских толстосумов.

Одной из важных причин выступлений был рост дороговизны и связанное с ним снижение жизненного уровня самых широких слоев народа. Пауперизация городских низов и крестьянства создавала проблему нищенства, весьма острую в Провансе, как и в других южных провинциях. Как почти во всей Европе в то время, в Провансе был развит бандитизм — явление несомненно социальное, обусловленное разорением

¹ Люблинская А. Д. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; Чистозвонов А. Н. Генезис капитализма и отражение его в региональных типах крестьянских движений в Европе в XVI—XVIII вв. — ВИ, 1975, № 1; Рутенбург В. И. Проблемы классовой борьбы Средневековья в Западной историографии. — В кн.: Критика новейшей буржуазной истории. Л., 1976.

непосредственных производителей в городе и деревне. Имели место также выступления сепаратистского характера, направленные против центрального правительства.

Итальянские войны болезненно отразились на судьбах этой пограничной провинции и положении ее населения. Тяготы, связанные с военными действиями и военными поборами, сказывались здесь острее, что также усиливало социальный протест масс.

С 1520-х гг. одним из проявлений оппозиции существующему строю стало широкое распространение реформационного движения — вначале вальденства, а затем лютеранства и кальвинизма. Его социальным базисом, более чем в других провинциях, было крестьянство, а также мелкий городской люд, выражавшие в такой форме протест против церковных и государственных поборов, особенно против косвенных налогов. В 1535—1545 гг. на севере провинции крестьяне сопротивлялись, нередко с оружием в руках, власти сеньеров, сбору церковных поборов и государственных налогов. В апреле 1545 г. эти очаги неповиновения были разгромлены фанатизированными отрядами местных дворян и армий. В результате резни было разрушено 30 деревень и городков, население их перебито или рассеяно. События 1545 г. можно рассматривать как пролог гражданских войн в Провансе, носивших здесь особенно упорный характер.

Городские движения (10 выявленных нами случаев) были более сложны как по причинам, вызывавшим их, так и по составу участников. Как правило, они обуславливались не одной, а рядом причин, из которых определяющими были: рост налогов, тяготы, связанные с войной, рост дороговизны, связанной с «революцией цен». Главной движущей силой восстаний были неимущие слои. В некоторых антиналоговых и сепаратистских движениях принимали участие и другие слои, включая и городскую верхушку. Восстание городских низов в Марселе в 1525 г. имело экономическую подоплеку, но было тесно связано с политической ситуацией. Это единственное городское восстание, закончившееся уступкой со стороны властей.

Городские движения представляли собой вспышки народного гнева, обычно бушевавшие несколько дней. Крестьянские движения отличались большей продолжительностью; некоторые длились годы и десятилетия.

Факты убеждают, что народные движения этой эпохи, как правило, были связаны не с какими-либо случайными, привхо-

дящими обстоятельствами местного характера, а порождались основными закономерностями феодально-абсолютистского строя, процессом разложения феодализма и, в какой-то степени, зарождением элементов капитализма.

О. В. Трофимова

ПОЗИЦИЯ ГОРОДСКИХ НИЗОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ГУГЕНОТСКИХ ВОЙН

При выявлении роли различных социальных сил в Гугенотских войнах наиболее трудным является вопрос об участии в них беднейших слоев городского населения. Изучение этой проблемы важно, поскольку от ее решения в известной мере зависит трактовка характера и датировка начала войн. В советской медиэвистике практически не исследовано положение народных масс в городах юго-запада Франции в начале 60-х гг. XVI в., одного из стойких очагов гражданских войн.

Французская буржуазная историография 60—70-х гг. нашего столетия, для которой характерен интерес к социальному аспекту реформации и Гугенотских войн, уделяет некоторое внимание позиции городских низов. В этом случае авторы апеллируют к работам А. Озе, придававшему большое значение роли народных масс в реформации¹. Правильно отмечая влияние экономических факторов на положение трудящихся, он допускал модернизацию, говоря о рабочем классе и индустриальной буржуазии в XVI в., и считал реформацию прежде всего религиозным явлением². Современная историография, соглашаясь с этим утверждением, критикует другой его тезис — о роли народных низов³. Так, профессор Сорбонны Жан Делюмо, полемизируя с историками-марксистами о сущности природы реформации, рассматривает различные факторы —

¹ Hauser H. La Réforme et les classes populaires en France. — In: Etudes sur la Réforme française. Paris, 1909.

² Hauser H., Renaudet A. Les débuts de l'âge moderne. La Renaissance et la Réforme. Paris, 1938, p. 1.

³ Delumeau J. Naissance et affirmation de la Réforme. Paris, 1973, p. 146; Zeller G. La Réforme. Paris, 1973, p. 16—17.

экономические, социальные, географические, политические, моральные, теологические — и приходит к выводу, что главной причиной реформации явилась потребность верующих в более солидной и жизнеспособной теологии, чем католическая⁴. Изучив свыше 700 специальных работ, Делюмо заключает, что современная немарксистская историография единодушно отдает приоритет в объяснении кризиса XVI в. религиозным мотивам⁵. В вопросе о роли плебейства он солидаризируется с Эмилем Леонаром, который отрицает социально-экономические корни реформации, и утверждает, что она имела общеморальные ценности и поэтому рекрутировала своих adeptов во всех социальных группах⁶. Соответственно Гугенотские войны характеризуются как религиозные, а внимание исследователей заостряется на фактах религиозной нетерпимости, жестокостей протестантов и католиков, тогда как проявления социального протеста в ходе войн выпадают из поля зрения историков.

Таким образом, изучение социального аспекта реформации, участия в ней, а затем в Гугенотских войнах народных масс, в частности, городских низов, во французской буржуазной историографии 60—70-х гг. нашего столетия направлено на то, чтобы, во-первых, подчеркнуть сугубо религиозный характер реформации и Гугенотских войн; во-вторых, доказать, манипулируя историческими фактами, несостоятельность марксистской методологии.

Однако документы показывают, что причинами, побуждающими массы к участию в волнениях, были рост дороговизны и государственных налогов, «нищета многих бедных ремесленников»⁷, утрата имущества из-за грабежей солдат, которым постоянно не платят жалованье⁸, а также злоупотребления местной олигархией. Первопричина этих бедствий заключалась в процессе первоначального накопления капитала, сопровождавшегося экспроприацией непосредственных производителей, скоплением обездолженных в крупных торговых городах-портах Ларошели, Бордо в поисках заработка. На миграцию

⁴ Delumeau J. Op. cit., p. 278.

⁵ Ibid., p. 277.

⁶ Léonard E. G. Histoire général du protestantisme. Paris, 1961, t. 1, préface.

⁷ Документы по истории гражданских войн во Франции. 1562—1563 гг. / Под ред. А. Д. Люблинской. М.—Л., 1962. Док. № 88, 98, 101.

⁸ Там же, док. № 74, 77, 82, 88, 102.

населения в начале 60-х гг. указывает, например, тот факт, что иногда инициаторами беспорядков были немущие «иноземцы», т. е. выходцы из других районов страны⁹. Формой протеста городской бедноты против социальной несправедливости стал переход под знамя кальвинизма. Это признавалось официальными властями¹⁰.

Наиболее рельефно участие городских низов на начальном этапе гражданских войн проявилось в иконоборческом движении, выразившемся в разгроме и разграблении церквей, часовен, монастырей, уничтожении предметов культа. Интенсивно шло иконоборчество в районе Ларошели, будущей столицы гугенотов, весной 1562 г., когда католическое духовенство и монахи вынуждены были бежать из города, а от 200 до 300 ремесленников и простого люда выбросили из церквей иконы, кресты, реликвии, разрушили алтари¹¹. Подобные акции имели место во всех городах Ониса и Пуату¹², а также Бретани и Западной Нормандии.

Анализ документов показывает, что городские низы, «мелкий люд», ремесленники являлись непременными, а подчас и основными участниками волнений в городах юго-запада Франции в начале Гугенотских войн. В иконоборчестве ярко выразился социальный протест угнетенных народных масс против существующих порядков. На позицию беднейшей части городского населения повлияли тяготы, связанные с процессом первоначального накопления капитала. Непосредственное участие плебса осложняло борьбу католиков и гугенотов, обнажало социально-экономическую подоплеку Гугенотских войн. Однако городские низы не выдвинули ни собственных руководителей, ни программы действий, ни лозунгов, поэтому их выступления, имевшие большую разрушительную силу и внушавшие страх городским и королевским властям, не имели самостоятельного характера.

Итак, документальные материалы опровергают утверждения современной буржуазной историографии о доминировании религиозного начала в гражданских войнах.

⁹ Там же, док. № 11, с. 31—32.

¹⁰ Документы по истории Франции. — Средние века, вып. 12, с. 158.

¹¹ Barbot A. Histoire de La Rochelle. 1886—1890, t. II, p. 170—172, 181—182.

¹² Документы по истории Франции. — Средние века, вып. 12, док. № 7, с. 161; Документы по истории гражданских войн. Док. № 49, с. 128, № 53, с. 138, № 69, с. 177.

Т. С. Никулина

ИСТОРИКИ ГАНЗЫ И РЕФОРМАЦИИ О ДВИЖЕНИИ ВУЛЛЕНВЕВЕРА

Реформация в Германии, как первый широкий натиск антифеодалных сил, ярко и своеобразно проявилась на Севере страны. Особенно решительно борьба бюргерства против католического духовенства и всевластного патрициата проходила в главном городе Ганзейского союза — Любеке, где в 1533 г. патрицианский магистрат был свергнут и выбран новый совет во главе с Юргеном Вулленвевером. Противоречивость оценок движения Вулленвевера в исторической литературе связана, во-первых, с его революционностью, а во-вторых, с его сложностью: социальная борьба в этом движении переплеталась с попытками преодоления упадка ганзейской торговли, а потому — и со сложным комплексом международных отношений на Балтийском море. В немецкой историографии XIX—XX вв. Вулленвевера рассматривали то как «демократа», «революционера», «великого и искусного государственного деятеля» (Ж. Ж. Альтмейер, Ф. Бартольд), то как «политического дилетанта», «демагога» и «диктатора» (Г. Венц, А. фон Брандт, П. Иоахимсен).

Наибольший вклад в изучение названных событий внес Г. Вайц своей трехтомной монографией «Любек при Юргене Вулленвевере и европейская политика» (Берлин, 1855—1856). Но акцент в работе Вайца сделан на международных отношениях в регионе Балтийского моря, а в правление Вулленвевера рисуется как «...падение Любека и одновременно падение немецкого могущества...». Экономическую политику Вулленвевера Вайц рассматривает как бессильно-консервативную оппозицию новому времени. Современных буржуазных историков (Р. Гепке, Г. Венц, А. фон Брандт, Г. Тиме, К. Фридланд) еще менее интересует внутренняя социальная история Любека, период острой религиозной, социальной и политической борьбы в Любеке 1528—1532 гг. остается вне поля их зрения. Отсчет событий они начинают с 1533—1534 гг., когда Вулленвевер уже пришел к власти, а историческое место Вулленвевера определяется его причастностью и влиянием на ганзейские дела. Несмотря на различность тематики их работ, выводы в целом общие: историческим результатом любекской демократии явилась потеря Ганзой ее господствующего поло-

жения на Балтике. Хотя хорошо известно, что этот упадок начался еще в конце XV в.

Общие историки Реформации в Германии (Л. Ранке, в значительной степени также и Ф. Бецольд, К. Бранди, И. Лорц, Р. Иоахимсен и др.) видели в движении Вулленвевера прежде всего ту социальную опасность, которую оно несло господствующим классам и, подобно Мюнстерской коммуне, «угрожало закономерному ходу немецкой Реформации» (Л. Ранке). В центре внимания этих историков опять-таки внешнеполитическая деятельность мятежного любекского бургомистра; ее целью, по их мнению, было подчинить гегемонии Любека скандинавский Север (Ранке, Иоахимсен). Поэтому и оценка движения Вулленвевера перекликается с выводами ганзейских исследователей: его суть сводится к стремлению удержать в тесных формах прошлого мощно расширяющуюся мировую торговлю (Бецольд), результатом чего был упадок Ганзы как великой северной державы (Иоахимсен). Поскольку же эти историки касаются политических и социальных аспектов событий в Любеке, то называют это «опасными крайностями черни» (Бецольд).

Но если для общих историков Реформации характерно хотя бы стремление включить любекские события в общую картину эпохи, осмыслить деятельность Вулленвевера в обще-европейском масштабе, то специальные исследования по истории Реформации в Любеке (Ф. Г. Граутоффа, Г. Шрайбера, В. Яннаша, В. Пранге) отличает узко конфессиональный подход к теме: в центре их внимания — состояние и устройство любекской церкви до и после реформации, описание церквей, монастырей, соборного капитула Любека, их доходов и порядков, ход религиозной борьбы, путь Любека от католицизма к «свободе евангелизма». А самое главное, реформационным признается только ранний этап движения в городе; последующая же, связанная с именем Вулленвевера, борьба бюргерско-плебейской оппозиции за социально-политические изменения выносится за рамки собственно реформационного движения. Поэтому хронологически их исследования кончаются 1530 годом — «победой реформации». Причину обострения бюргерского движения и его перехода в радикальное русло они видят в «двойной игре любекского совета», в «коварной политике бургомистра Брёмзе», который дал любекскому евангелическому движению сильный толчок к «дальнейшему революционно-демократическому развитию». Нигде не раскрывается расстановка социальных сил, роль низших слоев

городского населения. Более того, Яннаш с полемической заостренностью заявляет, что старую церковь в Любеке разрушил «не господин Оплес, не чернь, которая только ввергла Любек в хаос, но сам господин Христос, который осуществлял каждое большое преобразование».

В марксистской историографии ГДР нет специальных монографических исследований по данной проблеме. Но в общих работах и статьях (И. Шильдхауера, М. Штейнмеца, Г. Панаха, Г. Гейдена) намечен принципиально новый методологический подход. События в Любеке в 30-е годы XVI в. они рассматривают прежде всего в общем контексте Реформации как раннебуржуазной революции. Поэтому в центре их внимания стоят не вопросы внешней политики Ганзы и внутриганзейских отношений, а социально-политическое содержание движения, расстановка классовых сил в Любеке в 30-е гг. XVI в., причины поражения и историческое место восстания Вулленвевера. Они рассматривают 30-е гг. XVI в. как период «нисходящей линии классовой борьбы» и бурные события этого времени в Любеке и Мюнстере — как последние попытки продолжить революцию (М. Штейнмец. Германия с 1476 до 1648 гг. Берлин, 1965). Однако, очевидно, при этом не следует упускать из виду, что это была новая и мощная волна ранней буржуазной революции, всплеснувшая в Северной Германии, притом имевшая значительный международный резонанс («графская фэйда», крестьянское восстание и борьба бюргерства в Дании в 30-е гг. XVI в.).

Движение Вулленвевера требует еще специального изучения.

Н. Г. Шишкина

ИСТОРИКИ ГДР О ВЛИЯНИИ БЮРГЕРСТВА НА РАЗВИТИЕ АНТИФЕОДАЛЬНОЙ БОРЬБЫ В ГЕРМАНИИ XVI—XVII ВЕКОВ

В XVI в. чрезвычайно важным фактором, влияющим на все стороны общественного развития и на развитие антифеодальной борьбы, становится городское бюргерство.

В последние годы среди историков ГДР идет оживленная дискуссия о месте средневекового бюргерства в феодальном

обществе Германии. Следует признать правомерность и обоснованность постановки данной проблемы. Вопрос о роли бюргерства при феодализме неразрывно связан с проблемами возникновения капитализма и складывания класса буржуазии, и только исследование всей совокупности этих вопросов даст возможность правильно оценить роль бюргерства в антифеодальной борьбе XVI—XVII вв., его влияние на развитие классовой борьбы крестьянства.

По мнению историков ГДР, в социальном положении бюргерства на рубеже XV—XVI вв. происходят качественные сдвиги, которые находят свое выражение в переходе от городского бюргерства к «раннекапиталистическому бюргерству», или «по-капиталистически хозяйствующему бюргерству».

Объективно определяющая роль в антифеодальной борьбе XVI—XVII веков должна была принадлежать буржуазным слоям, они должны были быть носителями буржуазной идеологии. В Германии в период кризиса и разложения феодализма этого не произошло. Как подчеркивают историки ГДР, в условиях мелкодержавного абсолютизма антифеодальная борьба буржуазных сил была ограничена, ограниченным было и ее влияние.

В исследованиях М. Штейнмеца, Х. Хейца, Х. Шульц, Х. Хофмана, И. Миттенцвай и других по-разному оценивается степень участия бюргерства в борьбе антифеодальных сил, но все историки ГДР едины в том, что главной причиной неудачи антифеодальной борьбы в Германии XVI—XVII вв. было отсутствие руководства со стороны бюргерства.

Как известно, в средневековой истории Западной Европы города играли значительную роль. Именно в городах возникали те общественные силы, которые подрывали феодальный общественный порядок и в конечном итоге уничтожали его.

Историки ГДР уделяют внимание истории внутригородских восстаний и бюргерской оппозиции городов. Следует, однако, подчеркнуть, что внутригородские классовые столкновения исследованы в историографии ГДР гораздо меньше, нежели классовая борьба крестьянства.

При изучении характера и роли бюргерской борьбы историки ГДР рассматривают две категории немецких городов: 1) мелкие города, структура которых еще оставалась по преимуществу феодальной, аграрной; 2) крупные города, в которых большую роль играли патрицианские союзы. При этом они полагают, что в социальной и экономической структуре немецких городов не было условий для руководства антифео-

дальней борьбой других слоев населения со стороны бюргерства.

В работах Э. Херцфельда, Х. Лангера, Р. Видерштедта, К.-П. Цольнера, К. Ф. Олехновица, Ф. Виганда, К. Чока и других отмечается, что столкновения бюргерской оппозиции с правящим патрициатом проходили изолированно от крестьянской борьбы и зачастую затягивались на долгие годы, не принося ощутимых результатов.

Особенности социально-экономического развития Германии в XVI—XVII вв., по мнению историков ГДР, привели к тому, что в условиях княжеского мелкодержавия прогрессивная роль буржуазных сил была ограничена и, хотя в отдельных случаях можно говорить об антифеодальных выступлениях бюргерства, по направленности своей они были неглубокими, локально ограниченными и не могли мобилизовать и возглавить борьбу революционных сил крестьян и других слоев населения Германии. Именно отсутствие руководства антифеодальной борьбой в Германии было, как подчеркивают ученые ГДР, главной проблемой этой борьбы.

В исследованиях историков ГДР показано своеобразие исторического пути складывания германской буржуазии, вскрыты причины, обусловившие ее долгую политическую слабость и зависимость от немецкого абсолютизма и юнкерства.

Действительно, классовое самосознание немецкого бюргерства в XVI—XVII вв. было недостаточным, чтобы понять необходимость союза с крестьянством для свершения буржуазной революции, что является следствием недостаточной зрелости раннего капитализма в Германии.

В. А. Евсеев

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКИХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ XVI—XVII ВЕКОВ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

История городов Англии XVI—XVII вв. лишь в XX в. стала объектом пристального внимания английских историков. Ее изучение прошло несколько этапов.

В 1910—1930-х гг. вышел ряд работ по истории отдельных провинциальных городов Англии (Т. Филдинг о Лейстере, Ч. Браун о Ньюарке, Ч. Мор о Гейнзборо и др.). Работы эти

опираются на большой документальный материал. Хорошо исследованы городское управление и политическая история города. В то же время мало внимания уделено экономике и социальным отношениям в городе. Работы носят фактографический характер, преобладает формальное описание событий. Одна из немногих общих работ того периода — монография Дж. Томаса «Городское управление в XVI веке» (Лондон, 1933). Автор исследует структуру городского управления, историю роста городской олигархии. Основную часть книги занимает анализ деятельности городского управления в области организации быта города. Затрагивается и одна из самых острых проблем того времени — проблема пауперизма; автор отмечает, что город старался избавиться от бедняков, боясь непосильных расходов на их содержание. Причину упадка провинциальных городов Томас видит в том, что в области внешней торговли ткани вытеснили шерсть как главный предмет экспорта, и в результате города, которые процветали как центры торговли шерстью, начали приходить в упадок.

Послевоенную английскую историографию о городах Англии XVI—XVII вв. можно разделить на два периода: первый — 1940—1950-е гг. и второй — 1960—1970-е гг. Если в 1940-е гг. многие работы о городах по своей тематике и построению мало чем отличались от довоенных, то с середины 50-х гг. в ряде трудов, например В. Хоскинса и других историков, появляется тенденция к более основательному рассмотрению истории экономического развития города, и особенно его торговли. Ряд статей посвящен развитию благотворительности и образования в Елизаветинских городах. В 1958 г. вышла статья общего теоретического плана английских историков-марксистов «Городские привилегии и политика в Англии при Тюдорах и Стюартах». Авторы рассматривают трудности определения границы между городом и селом, рост капиталистических элементов в промышленности и влияние этого процесса на развитие города.

Новейшие работы 1960—1970-х гг. касаются различных проблем английского позднесредневекового города: городской экономики, ее подъема и упадка, роста торговых компаний и упадка цехового ремесла, проблемы пауперизма, городского управления и социальной политики городов. Значительное внимание уделяется развитию реформации в некоторых провинциальных городах. Разрабатываются также вопросы демографии, городского строительства и постановки образования. Одной из наиболее интересных является книга

«Кризис и порядки в английских городах 1500—1700 гг.», вышедшая в 1972 г. под редакцией П. Кларка и П. Слэка. Это сборник статей по различным проблемам истории городов XVI—XVII вв.: пауперизм, торговые компании, политическая борьба, городские обычаи, строительство и демография городов. Кларк и Слэк излагают свою концепцию «доиндустриального» города и выводят из нее существование трех типов городских общин XVI—XVII вв. Цеховое регулирование, по их мнению, больше имело отношение к поддержанию социальной гармонии, чем к вопросам производства, то есть выполняло полицейские функции. Они не видят внутренней связи между обстоятельствами, приведшими к подъему новых промышленных центров, и упадком старых очагов цехового производства. Реформацию они считают одним из факторов экономического упадка городов. Кларк и Слэк считают, что большинство городов в этот период перенесло свои экономические усилия из сферы производства в сферу торговли. Но лишь немногие из них смогли расширить свою торговлю (Ньюкасл, Экзетер), так как в начале XVII в. установилась гегемония Лондона во внутренней и внешней торговле. Рассматривая вопросы демографии, Кларк приходит к выводу, что городское население росло главным образом за счет иммиграции бедняков из округи. Обращаясь к проблеме бедности, Слэк считает, что пауперы в основном селились на окраинах города; их приток особенно возрастал в годы экономических кризисов. Поэтому враждебное отношение к беднякам объясняется не их возрастающей активностью, а расходами на их содержание.

Общая для работ этого периода тенденция — анализ городского общества в горизонтальном разрезе, некоторая статичность показа явлений. Хотя в них больше, нежели в первой трети века, уделяется места вопросам экономики города и его социального развития, но и в них преобладает фактографический подход и лишь иногда делаются осторожные выводы по тем или иным вопросам. Проблемы истории классово-борьбы, как правило, игнорируются, лишь глухо упоминается о городских волнениях. Характерен показ какого-либо явления в отдельном городе без соотношения его с общей историей и проблемами провинциальных городов Англии XVI—XVII вв. Игнорирование связи между экономической и социальной историей не позволяет дать должное освещение кризисным явлениям в городах Англии XVI—XVII вв. Констатация элементов упадка старых центров ремесленного производства в

лучшем случае объясняется либо колебаниями торговой конъюнктуры, либо чисто демографическими изменениями. История провинциальных городов XVI—XVII вв. рассматривается вне общей картины эпохи первоначального накопления — разложения феодальных отношений и становления капиталистического уклада. Как правило, недостаточно учитывается и роль экономической политики абсолютизма в эпоху, когда поддержка короны в основном оказывалась буржуазным элементам, а помощь, оказываемая городам — центрам цехового ремесла, — была непоследовательна и малоэффективна. Несомненно, большего внимания заслуживает борьба провинциального купечества и отдельных приходивших в упадок городов с лондонскими общенациональными компаниями, с лондонской буржуазией, рост которой ускорял падение старых ремесленных центров. Неменьший интерес представляет собой также не нашедшая отражения в специальных исследованиях проблема нового подъема экономики тех городов, которые смогли найти и развить уже на капиталистических началах какую-либо новую отрасль производства (угледобыча и углеторговля Ньюкасла, металлообрабатывающая промышленность Шеффилда и др.).

И. В. Завьялова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛИОНА В XVI ВЕКЕ В ОСВЕЩЕНИИ Р. ГАСКОНА

Социально-экономическая история Лиона, крупнейшего во Франции центра торгово-ростовщических операций, давно интересовала французских историков. К ней не раз обращался в своих экономико-исторических работах Анри Озэ. В 30-х гг. XX в. Рожеру Дусэ удалось выяснить многие характерные черты развивавшейся во Франции системы государственного долга. Значение его исследований велико для понимания роли итальянского торгово-банковского капитала в социально-экономическом развитии не только Лиона, но и всей Франции¹.

¹ См. особенно: *Doucet R. Le grand partie de Lyon au XVI-e siècle. — Revue historique, 1933, t. CLXXI et CLXXII.*

В 1971 г. появилось солидное исследование Ришара Гаскона «Крупная торговля и городская жизнь в XVI веке. Лион и его купечество (приблизительно с 1520 по 1580 гг.)»². Среди многих проблем, рассматриваемых автором, особый интерес вызывает анализ социальной структуры Лиона. Р. Гаскон отметил быстрый рост населения города, 1467—1520 гг. — 20 тыс. человек, 1551 г. — 71 220, к 80-м гг. — 80 тысяч. Автор умело использовал налоговые списки (особенно подробно изучены данные за 1545, 1548, 1569 и 1571 гг.), сопоставляя их с многочисленными французскими и итальянскими источниками. Всех налогоплательщиков он делит на 27 категорий (доход от 12 до 1200 ливров). Тех, кто платил больше 80 ливров, Гаскон считает купцами. Купцов он делит на две группы: богачи (транзитная и международная торговля) и мелкие купцы. Из 3644 налогоплательщиков в 1545 г. богачи-лионцы составили 4,28% и уплатили 23,1% всей суммы.

В 1545 и 1548 гг. большинство налогоплательщиков (2168 чел.) составили мелкие ремесленники. Всего учтено 218 специальностей. На мастера в среднем работало 3-4 человека. До 70-х гг. XVI в. Лион был городом бесцехового ремесла.

В XVI веке в Лионской округе (до 96 км) быстро разоряется крестьянство, развиваются элементы расшеянной мануфактуры. С 1538 года в городе начинает развиваться шелкоткачество. В 40—50-х годах известны 10 купеческих компаний (2—9 купцов в каждой). В 1553 году на одну компанию (2 купца) работало 220 человек. Кроме того, в 1545 г. в Лионе было 60 типографов (в основном немцы). Гаскон не приводит точных данных о количестве рабочих. Часто слуги, рабочие и обедневшие ремесленники входят в группу «нищих», не включаемых в налоговые списки.

Много внимания Р. Гаскон уделяет деятельности купцов-иностранцев, особенно итальянцев и немцев. В среднем, по его мнению, ярмарки Лиона (4 раза в год) посещало 5—6 тысяч человек. Здесь бывали также испанцы, португальцы, реже фламандцы. Многие иностранные купцы-ростовщики постоянно жили в Лионе. Итальянцы и немцы были основными кредиторами короля, откупщиками. Дусэ пишет о том, что дол

² Gascon R. Grand commerce et vie urbaine au XVI-e siècle. Lyon et ses marchands (environs de 1520 — environs 1580). 2 v. Paris, 1971. Работа получила высокую оценку во французской историографии. См. рец. Леона Пьера в *Revue historique*, 1973, t. 505.

короля «лионцам» в 1559 году превысил сумму в 11 млн. ливров. Особенную ненависть вызывали банкиры флорентийцы и лукканцы, державшие к тому же в своих руках все операции на ярмарках. В 1571 г. лионцам удалось заставить иностранцев платить налоги: в списки было включено 183 человека (5% от всех налогоплательщиков, уплатили 28,5% всей суммы). Р. Гаскон связывает распространение кальвинизма среди лионцев с этой борьбой, которую поддерживали немцы и швейцарцы.

Отрицая значение классовой борьбы в развитом феодальном обществе, не признавая процесса так называемого первоначального накопления, Гаскон, вслед за многими представителями школы «Анналов», объясняет бурное развитие Лиона («динамизм» общественной жизни) влиянием крупной торговли. Поскольку эта торговля была в руках иностранцев, ее влияние, по его мнению, в конечном счете тормозило национальное развитие Лиона и Франции в целом. Возможно, думает Гаскон, это и была та основная причина, из-за которой Франция стала отставать в социально-экономическом развитии от Англии и Голландии.

Несмотря на ненаучные концепции Р. Гаскона, его труд интересен тем, что насыщен фактами, любопытными наблюдениями и частными выводами, обогащающими картину социально-экономического развития важного региона Западной Европы в эпоху первоначального накопления.

Л. А. Маркарян, В. А. Якубский

ГОРОДСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ГОРОДСКОЕ ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ПОЛЬШЕ XVI ВЕКА

1. Мещане, основным занятием которых оставалось сельское хозяйство, составляли, по общепринятым данным, половину или две трети числа городских жителей, т. е. 12—16% всего населения Польши XVI в.¹ Понятен интерес, проявляе-

¹ Рассматриваемая территория — три главные провинции Польского королевства: Великая Польша, Малая Польша и Мазовия. Источниковедческие соображения заставили сосредоточиться на 60—80-х гг. XVI в. Избранные хронологические вехи удобны и тем, что социально-экономические и демографические процессы тогда еще не были осложнены политическими кризисами.

мый современной историографией к этому слою населения. Чтобы судить о его весе в экономике страны, необходима информация о городском землевладении, о структуре и об абсолютном и относительном объеме сельскохозяйственного производства в городах и т. п. (та же информация важна с точки зрения ряда других тем — для оценки активности торгово-ростовщического капитала и пр.). Ниже суммированы результаты имеющихся исследований и сделана попытка выяснить, насколько перспективны возможные пути к искомому данным.

2. Для характеристики размеров городского землевладения наиболее доступны и потому давно используются историками сведения о локационных ланах (землях, закрепленных за городом при наделении его немецким правом). Они содержатся в локационных грамотах XIII—XV вв. и воспроизведены в фискальных актах XVI—XVII вв. Хотя часть ученых опирается на эти данные и поныне, следует признать это направление бесперспективным для нашей темы.

Дело не только в том, что локационный земельный фонд расхищали соседи-землевладельцы, а город платил подати часто без учета этих захватов. Главное: площадь локационных ланов неадекватна площади возделываемых горожанами земель. Часть ланов оставалась под пастбищами, лугами, лесом. На локационных ланах размещались деревни и фольварки, но городскими такие земли были только с точки зрения юридической принадлежности. С другой стороны, у родов и у мещан были земли вне старого фонда (купленные или арендованные). Поэтому даже полное отсутствие податных ланов (как у Кракова) ничего не значит: в действительности Краков был окружен городскими садами и пашнями.

3. Более многообещающи непосредственные сведения о мещанах-земледельцах и их хозяйствах. С изданием многих люстраций (описей королевских имений) исследовательские возможности значительно расширились. Подтверждая давно провозглашенный в общей форме, но нуждающийся в конкретизации тезис о важности земледелия для городской экономики, данные люстраций и других источников позволяют точнее разграничить ремесленно-торговые центры и сельскохозяйско-скотоводческие местечки. Накапливаются данные о размерах садовых и полевых участков. Из них следует, что в XVI—XVII вв. преобладали малоземельные (по деревенским меркам) хозяйства, т. е. товарность — в особенности товарность зерновой продукции — была невысока. В то же вре-

мя источниковедческая база такова, что переход от отдельных примеров (пусть даже довольно репрезентативных) к показателям в масштабах всего города, а тем более в масштабах провинции и страны затруднен, часто — вообще закрыт.

4. Числовых данных, выходящих за пределы разрозненных примеров, немного и для XVIII — начала XIX вв. В том редком случае, когда известно, сколько земли было под хлебами в конце XVIII в., — для Велюня — подсчеты Я. Гольдберга показали, что этот средний (около 1000 жителей) и аграризованный (46% жителей по роду занятий — крестьяне) городок «лишь в ничтожной части» удовлетворял свои нужды в хлебе.

Перенос материалов XVIII — начала XIX вв. на предшествующие столетия не всегда оправдан. Нужно считаться с последствиями кризиса второй половины XVII в. — тогда и много позднее повсеместно засвидетельствован рост возделываемых горожанами площадей (распахивались луга и т. п.). Вообще к эпохе разделов Польши слишком сильно изменился социально-экономический облик общества, чтобы можно было многого ждать здесь от применения ретроспективного метода.

5. При таком положении дел особый интерес, на наш взгляд, представляет построение числовой модели зернового производства и потребления Речи Посполитой конца XVI в., в которой данные о городе (как о потребителе и как о производителе зерна) тесно увязываются с остальными, лучше нам известными параметрами. В докладе представлено несколько вариантов такой модели, рассчитанных для различных исходных величин.

6. В заключительном разделе доклада обращено внимание на то место, какое занимали мещане-земледельцы в общественной структуре Польши XVI—XVII вв. Влияние барщинно-крепостнических порядков деформировало городской строй, во многих городах (преимущественно частновладельческих местечках) мещане вовлекались в систему барщинной эксплуатации и т. п. Если в специальной и научно-популярной литературе этот, существенный для социальной истории Речи Посполитой, момент давно отмечен, зачастую — акцентирован, то историки-урбанисты и особенно аграрники недооценивают оборотную сторону той же проблемы: городское сельскохозяйственное население все же не слилось с крепостным крестьянством. Статус мещанина обеспечивал известные права. Таким образом, в период максимальной экспансии фольвароч-

ной системы в стране сохранилась, из-за аграризации городов — даже относительно выросла прослойка свободного крестьянства. Лично свободный крестьянин выступал в сословном облике бюргера.

В. А. Постников

ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТРОЕ ФЛОРЕНЦИИ

1. После Макьявелли самым блестящим мыслителем и осведомленным политическим деятелем Италии явился Франческо Гвиччардини, также флорентиец по рождению. Страстным патриотом родного города он не был; но здесь был его дом (и не один), его семья, его немалое состояние. Он был политиком общетальянского и даже европейского масштаба и жил в особенно бурную эпоху европейской истории. Возникшие в Испании и Франции национальные государства в форме абсолютных монархий (гигантских по сравнению с итальянскими политическими образованиями), их территориальная экспансия, выразившаяся в форме Итальянских войн, их постоянное вмешательство во внутренние дела итальянских государств — напроочь разрушили равновесие сил, существовавшее в Италии в середине XV века. Старые итальянские государства рушились, воскресали вновь, оказывались в лагере победителей или в числе побежденных, меняли своих союзников, политическую ориентацию и способы управления по 3—4 раза на протяжении четверти века. Все было непрочно, нестабильно, и чтобы заметить в этом хаосе общие закономерности и предвидеть, как они проявятся в будущем, надо было хорошо знать новое соотношение сил и мыслить в новом масштабе. Гвиччардини, пожалуй, больше чем кто-либо отвечал этой задаче. Но пробным камнем для него оставался все-таки политический быт Флоренции, также весьма динамичный в ту эпоху.

2. Гвиччардини начинал свою карьеру при Флорентийской республике, в 1511 г. направившей его послом в Испанию. В 1513 году он вернулся во Флоренцию, только что оккупированную испанцами и управляемую реставрированными Медичи. Свергнутая республика никогда не нравилась Гвиччардини, в новой он занял довольно видное положение, но и

прикрытая видимостью республиканских учреждений тирания Медичи, по-видимому, тоже не слишком его привлекала. Он отправился в Рим, где уже в 1515 г. получил значительный пост при папской курии, которой, на весьма важных должностях, прослужил до 1527 г., когда вернулся во Флорентийскую республику, вновь возродившуюся после изгнания Медичи. Но когда эта республика, в условиях тяжелой осады, заняла более радикальные позиции, общеизвестный антидемократизм взглядов Гвиччардини и его близость к роду Медичи вызвали против него подозрения; он бежал к папе, а его имущество было конфисковано. После надения республики он снова возвращается во Флоренцию и снова служит Медичам, которые теперь присвоили себе титул Тосканских герцогов. Однако для деспотической власти, тем более в сравнительно небольшом государстве, Гвиччардини был слишком уж активной и значительной фигурой; поэтому, когда к 1537 году власть новоявленных герцогов укрепляется, чрезмерно влиятельного, а значит опасного, политического деятеля отстраняют от политики навсегда. Таким образом, на протяжении своей жизни Гвиччардини пришлось иметь дело с различными формами правления в родном городе, и он имел достаточно материала для суждения об их достоинствах и недостатках.

3. Самая любимая форма правления у Гвиччардини — олигархия. В молодости он мечтает увидеть во Флоренции некое политическое подобие венецианского строя: ведь ни Спарта, ни Рим не дали более совершенного образца (*Dialogo del Regimento da Firenze*). Но со временем он убеждается: прямое правление олигархов во Флоренции и невозможно, и нежелательно. Оптиматы слишком далеки от насущных нужд города. Захватив власть, они вскоре пожрут своих соперников, свое отечество и самих себя (там же). Тем не менее сосредоточение реальной власти в их руках — наивысшее политическое благо.

4. «Народное правление» во Флоренции обладает массой недостатков, но в данный момент оно — наименьшее из зол («Заметки о делах политических и гражданских»). При нем строго соблюдаются законы, политическая жизнь стабильна, а «дикий зверь» — социальные низы — сдерживается надежной уздой. Но в полной мере это возможно лишь в республике, которая «хорошо организована» (там же). Такая республика, во-первых, не должна ни плодить бедняков, ни поддерживать только богатых — такое разделенное внутри себя госу-

дарство нестабильно (Dialogo), а во-вторых, не должна быть чрезмерно демократичной: «Плоды и цель свободы вовсе не в том, чтобы каждый правил государством, ибо править должен лишь тот, кто способен и этого заслуживает» («Заметки...»); мощь государства зависит от могущества «populo grosso» (Considerazioni ai Discorsi del Machiavelli), который должен поэтому обладать и большим влиянием в политической жизни, что не противоречит равенству («Заметки...», Dialogo). «Благо было бы нашему городу, если бы флорентийские глупцы это понимали», — меланхолически прибавляет Гвиччардини («Заметки...»). Однако симпатии к олигархическому правлению флорентийский popolo не испытывал, а своего компатриота склонен был обвинять в заговоре против власти народа (Consolatoria). Характерно, что к убеждению в преимуществах республиканского строя перед прямой диктатурой олигархии, которая и без того может завладеть фактической властью в рамках республики, Гвиччардини приходит после первой реставрации Медичи в 20-е годы XVI века.

5. В условиях господства Медичи вопрос о преимуществах республики становится несколько умозрительным, зато проблема единоличного правления, вообще очень важная для XVI века, приобретает небывалую актуальность. В установлении такого режима во Флоренции Гвиччардини не видит ничего невозможного, но считает, что допустима альтернатива: или режим Медичи (при поддержке извне), или некто, кого «выносят наверх народное движение, которому нужны вожди», — фигура вроде Савонаролы («Заметки...»). Однако после 1530 года Гвиччардини приходит к мысли, что диктатуры «народного вождя» в предвидимом будущем ожидать не приходится: слишком исчерпал свои силы основательно обнищавший флорентийский popolo (там же). Что до диктатуры Медичи, то она может осуществляться или путем создания собственной партии из людей, чье могущество тесно связано с величием Медичи, или при относительном равенстве всех — бедных и богатых, безродных и родовитых — перед абсолютным монархом (там же). Гвиччардини приемлет оба варианта, достоинство которых — в последовательности внутренней и внешней политики, не зависящей от воли избирателей (Dialogo), но во флорентийских условиях второй вариант представляется ему менее вероятным. А кроме того он убежден, как и прежде, что всякая форма власти — монархия так же, как республика — держится на доблести и величии «немногих» (Dialogo), и эту веру он сохраняет до конца дней.

6. Эволюция взглядов Гвиччардини необычайно показательна для всего мировоззрения итальянской буржуазии начала XVI века. С одной стороны, в этих взглядах сразу настаивает тяготение к олигархии — несомненный показатель внутреннего распада класса: пока ранняя буржуазия преуспевает и идет на подъем, — как в XIV веке, — она довольно единодушно отстаивает идеалы республиканско-демократические. Гвиччардини в демократию по-настоящему не верит, он лишь допускает ее, и то с поправкой на ограничения в пользу оптиматов. Но не верит он и в чисто оптиматское «узкое правление»: он, по сути, вообще утрачивает веру в обычные для ренессансной Италии политические формы. Эта утрата республиканских симпатий, а также опыт, приобретенный за 35 лет политической деятельности, пронизательность философа и эрудиция историка приводят его к выводу о необходимости и неизбежности новой формы правления, победоносно шествующей по Европе его времени: абсолютной монархии. Тем не менее, и в этом несомненная противоречивость взглядов Гвиччардини, он не поклоняется деспотизму, не превозносит единоличную власть, когда речь заходит о Флоренции с ее все еще могущественным слоем высшей буржуазии; напротив, он стремится — и не только теоретически — ограничить монархию в пользу этого социального слоя. Потому что хорошо понимает: в герцогстве Тосканском по-настоящему эффективной будет только та монархия, которая будет учитывать интересы и устремления флорентийской верхушки, т. е. монархия в значительной степени буржуазная. И в этом, как нам кажется, заключается разгадка определенной двойственности взглядов Гвиччардини, понимавшего необходимость монархии в Тоскане XVI в. и в то же время отстаивавшего политические привилегии богатейшей верхушки флорентийской ранней буржуазии.

И. Г. Воробьева

**О ДЕМОГРАФИИ ДАЛМАТИНСКОГО ГОРОДА
XVI—XVII ВЕКОВ**

**(донесения венецианских чиновников
как исторический источник)**

В Далмации на протяжении средневековья существовало две категории городов: мелкие, чисто славянского происхож-

дения, с населением в несколько сот человек (Нин, Обровац, Книн, Омши, Београд) и приморские города-коммуны, которые по численности населения можно назвать средними. Это Сплит, Задар, Трогир, Котор, Шибеник. Число жителей здесь было более двух тысяч, но не превышало 10 тыс. человек.

Наиболее обеспечены источниками по демографии города XV—XVII вв. С начала XV в. в политической жизни городов-коммун происходят важные изменения: в 1420 г. они переходят под власть Венеции. Новая власть в числе прочих задач поставила перед собой цель — учесть население городов и их округи, в связи с тем, что с 1432 г. возникает вопрос обороны Далмации от турецких вторжений. В Далмации республика св. Марка располагала целым штатом чиновников. Среди них — командующий далматинским военным флотом — «капитан моря», наместник Далмации — «генеральный провидур», начальники военных гарнизонов — «капитаны», бургомистры городов — «князья», специальные уполномоченные правительства — «синдики». Отправляясь в Далмацию, они получали от правительства инструкции, по окончании службы отправляли в Венецию свои отчеты, донесения.

Первые три тома инструкций и донесений изданы около ста лет назад Шиме Любичем¹. В них опубликованы материалы с 1453 г. по 1571 г. Сравнительно недавно издание было продолжено Г. Новаком — академиком, президентом Югославянской академии наук и искусств². Документы, вошедшие в 5 томов, охватывают период с 1571 г. по 1671 г. Редактор опубликовал неполный текст донесений, выбрав лишь сведения, непосредственно относящиеся к Далмации. Его издание снабжено комментарием на сербско-хорватском языке, дан именной и географической указатель. Все сокращения в титулах, числах, мерах, в обозначениях денежных единиц редактором раскодированы. Отдельные донесения воспроизведены в фотокопиях. В публикации сохранен язык подлинника, венецианский диалект. Часто в тексте встречаются грамматические ошибки, описки, разночтения, редактор в комментариях дает им объяснения.

¹ Commissiones et relations venetae. T. I — Monumenta spectancia historiam slavorum meridionalium (MSHSM), Zagreb, 1876, t. 6; T. II — MSHSM, Zagreb, 1877, t. 8; T. 3 — MSHSM, Zagreb, 1880, t. 11.

² Commissiones relations venetae. T. IV — MSHSM, Zagreb, 1964, t. 47; T. V — MSHSM, Zagreb, 1965, t. 48; T. VI — MSHSM, Zagreb, 1970, t. 49; T. VII — MSHSM, Zagreb, 1972, t. 50.

Отчитывающиеся чиновники доносят Синьории о политической ситуации в Далмации, о военных действиях на ее территории, о военных укреплениях, о численности гарнизона, о вооружении, сообщают о наличии казарм, лазаретов, количестве лошадей, о снабжении, запасах воды, продовольствия и т. д. Сведения о количестве жителей в городах, в селах и на островах, о численности мужчин, женщин, детей, стариков, боеспособного населения встречаются почти в каждом донесении. Некоторые чиновники сводят демографические данные в специальные таблицы, как бы стремясь привлечь внимание канцелярии республики к этому военному сюжету.

Вот сжатая картина того, что может извлечь исследователь из этих данных. К XVI в., как следует из донесений, численность населения в городах изменилась: она возросла в Сплите и Шибенике до 5 тысяч, в Трогире количество населения осталось прежним — 2,5 тыс., в Задаре жителей стало меньше — 6 тыс. Но затем население городов резко сокращается. В 1671 г. в Задаре осталось 3300 чел., в Сплите — 1700, в Трогире — 525, в Которе — 1240 человек. Чем можно объяснить падение численности населения?

В XVI—XVII вв. Далмация становится ареной многочисленных войн между Венецией и Турцией. За эти два столетия ее население в общем воевало 50 лет. Войны не только проходили на территории Далмации, но и велись они зачастую силами горожан. Война приносила в города эпидемии и голод. Так, во время эпидемии 1527 г. в Сплите погибло 6 тыс. человек. В Которе (по данным донесений, очевидно, преувеличенных) только за 6 месяцев 1572 г. число жертв достигло 3,5 тыс., кроме того, в Которе причиной уменьшения жителей были частые землетрясения. Важной причиной изменений численности населения были миграции, вызванные турецкой опасностью. Спасаясь от турецких захватчиков, жители укрывались на островах, вот почему общее количество жителей на задарской, сплитской и трогирской территориях не менялось, изменялось лишь соотношение населения в городах, на островах и в селах.

По венецианским донесениям можно определить половой состав горожан. Наблюдается почти двойное преобладание женского населения, что объясняется обстоятельствами военного времени. Распределение по возрасту ясно не для всех городов. В Задаре в 1693 г. стариков, т. е. людей старше 50 лет, проживало около 3%; мальчиков — 18%; девочек — 15%, в целом процент детей высок. Следовательно, увеличение

населения за счет естественного прироста в Задаре было значительным.

Таким образом, можно заключить, что на движение народонаселения в далматинских городах в XVI—XVII вв. влияние оказали многие факторы: опустошительные войны, эпидемии, миграции населения. В настоящее время перед исследователями стоят задачи выяснения процессов воспроизводства населения Далмации в период средневековья (рождаемость, брачность, смертность), исследование влияния демографических факторов на общественное развитие.

А. П. Батурич

ПОЛЬСКИЙ ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Для истории позднефеодального города в Польше, как и в других странах Восточной Европы, кардинальной является проблема его взаимодействия с барщинно-крепостнической системой хозяйства, взаимной обусловленности «второго издания крепостного права» и сдвигов в области ремесла и торговли. Рассмотрим, как в послевоенной историографии освещаются причины, характер и степень упадка польского города в XVII в.

2. В советской и польской науке конца 40-х — начала 50-х гг. подчеркнуто прозвучал тезис о губительном влиянии барщинно-фольварочной системы на город. Как показатели социально-экономического упадка города выделялись (во многом декларативно, ввиду недостаточности конкретных исследований) такие моменты, как сокращение ремесленного производства, свертывание торговли, аграризация торгово-ремесленных центров и т. п.

3. Вторая половина 50-х — начало 60-х гг. ознаменовалась значительным ростом числа работ по отдельным вопросам развития позднефеодального города. Они не изменили сколько-нибудь значительно общего подхода к проблеме, но уже в это время ряд авторов выходит за рамки традиционного исследования узкого, достаточно стереотипного материала, как цеховые статуты и тому подобные источники. Исследовались в частности, социальная структура города, проблема рабочих рук (В. Дворжачек, Е. Беньжувна, Т. Славский, З. Гулдон, С. Садовский и др.). Новаторской явилась монография

Е. Гольдберга, где автор на примере городов Вилюньской землѣ рассматривает особенности социально-экономического развития города в XVII в., историю мещан-земледельцев, аграризацию городов. Развитие историографии польского позднефеодального города с конца 40-х до середины 60-х гг. нашло свое отражение в обзорной статье Л.В. Разумовской. Мы же несколько подробнее остановимся на том, насколько проблема, поднятая в конце 40-х — начале 50-х гг., нашла свое дальнейшее разрешение в исследованиях последних десяти лет.

4. В это время активно проявились те тенденции в литературе вопроса, которые наметились в 50-х — первой половине 60-х гг. Большое внимание к публикации источников с конца 50-х гг. во многом обусловило постановку более широких проблем. Центр тяжести в исследовании переходит на работы монографического характера, отличающиеся новизной тематики, совершенствованием методики исследования. Город берется не как изолированная единица, его социально-экономическое развитие рассматривается в тесной взаимосвязи с развитием внутреннего и внешнего рынков (А. Мончак, Я. Малецкий, М. Богуцка, С. Гершевский и др.). В значительной мере новым содержанием пополнился тезис о том, что фольварочно-барщинная система, сужая национальный рынок и препятствуя развитию буржуазных отношений, являлась главной причиной упадка польского города. В дискуссии, развернувшейся на страницах журналов «Квартальник хисторычны» и «Пшегленд хисторычны» (конец 60-х — начало 70-х гг.) определился более широкий подход к вопросу о причинах замедленного развития и упадка польского города в XVII в. Ученые (М. Горн, Е. Дересевич, А. Выробиш и др.), по-прежнему делая упор на определяющем влиянии господствовавших в стране барщинных порядков, внимательнее и дифференцированное подходят к действию таких факторов, как войны, внутренняя и внешняя политическая обстановка и т. п. Конкретные исследования, касающиеся развития ремесла и торговли (М. Комашинский, А. Мончак, Е. Тшоска, С. Гершевский, Ч. Бернак и др.), состояния финансов (З. Садовский, И. Беньжувна), демографических процессов (И. Беньжувна, Т. Опас и др.) и пр., подтвердили и во многом детализировали вопрос о характере упадка городов. Чаще всего при этом подчеркивается аграризация многих, и прежде всего мелких, городов. Значительную роль в этом процессе сыграло ухудшение торговой конъюнктуры. Горожане в широких масштабах начали заниматься земледелием также в силу трудностей, созданных бес-

прерывными войнами (А. Пионтковский, Т. Новак, В. А. Якубский и др.).

В вопросе о времени начала социально-экономического упадка и его степени по-прежнему нет единого мнения. Так, А. Мончак относит начало упадка к 20-м гг. XVII в., отмечая при этом, что «дела несколько поправляются в 30—40-е гг. этого столетия...», И. А. Воронков, считая, что «первые признаки застоя проявляются на рубеже XVI—XVII вв.», время упадка относит на весь XVII — первую половину XVIII вв. Более поздним временем — середина и вторая половина XVII в. — упадок городов датирует В. Чаплинский. Характерно при этом, что начало упадка польского города на рубеже XVI—XVII вв., как правило, видят историки, занимающиеся преимущественно XVI столетием, исследователи же экономической истории Польши XVII—XVIII вв. относят его к более позднему времени.

5. В ряде работ последних лет все настойчивее утверждается мысль о том, что социально-экономический упадок польских городов не был столь глубоким и всеобъемлющим, как это представлялось 10—20 лет назад. Опираясь на детальный анализ широкого круга источников (особо активно привлекается в последнее время статистический материал), А. Мончак, Е. Топольский, В. Чаплинский и др. обосновали, например, вывод о том, что ряд крупных городов, прежде всего связанных с международной торговлей, процветал на всем протяжении первой половины XVII в. Используя ретроспективный метод и во многом следуя за советским исследователем Д. Л. Похилевичем, некоторые историки делают даже вывод, что на всем протяжении XVII столетия польский город имел достаточно живых сил для своего развития. Это мнение не общепризнано, но и оно должно быть учтено.

ТЕКСТЫ

АУГСБУРГ

Древнейшее городское право. 21.VI.1156.

РАЗДЕЛ I. Фридрих, божьей милостью император... Да будет ведомо, как город Аугсбург (*Augusta civitas*), расстроенный не нерадением и бессилием епископов, то отсутствием и продолжительной занятостью императоров в отдаленных землях, крайней неустроенностью права, а больше всего — со всех сторон отягощенный неслыханными и богу ненавистными поборами фоггов (*advocatorum*), наконец, ныне озарен светом славнейшего права (*gloriosi iuris*), ибо господь [*ergo*] пожалел, а благочестивый император Фридрих простер руку утешения, и епископ Конрад [это] признал. Ибо действительно, случилось так, что вышеназванный император вошел в этот город и нашел его взволнованным и потрясенным словно бы каким-то мрачным забвением его права, а епископ Конрад со всем клиром и народом этого города (*cum universo eiusdem civitatis clero et populo*) предстал перед ним и растрогал его слезной жалобой на то, что в городе не существует никакого твердого правопорядка. Поэтому благочестивый и католический император, поскольку он вооружен не только оружием, но и законами, предписал провозгласить, что они должны быть управляемы общим советом (*ex communi consilio*), каковой издревле был учрежден по праву и законному установлению. И они, не измышляя ничего нового, не отбрасывая ничего из древнего устройства, ни права фоггов, городского префекта, горожан (*civitatisensium*), всех сословий (*omnium ordinum*) этого города, в присутствии фогга Адельгоца и префекта Конрада, которые ничего не возражали, объявили, что эта грамота засвидетельствована в курии *Ratisponae*, а император утвердил её своей властью. Совершенно же это в 1152 году.

РАЗДЕЛ II. (Соблюдение прав капитула по отношению к епископам и фоггам, 1104 г.).

РАЗДЕЛ III. Правосудие (*iusticia*) города Аугсбурга состоит в следующем.

1. Всякий нарушитель городского мира (*urbanae pacis*) должен уплатить господину епископу 10 талантов; если не будет их иметь, должен быть подвергнут наказанию плетьюми (*scio et crinibus rudiendus*).

2. По просьбе министерялов, горожан и всего народа города (*urbanorum et totius populi civitatis*), епископ должен назначать только одного префекта и одного монетария.

3. Также по просьбе собрания старших (*chori maioris*)¹ и названных выше он даст священника.

Теперь скажем о монете.

4. Из казны епископа монетарию должно выдавать 10 марок, а монетарий, в свою очередь, будет ежегодно давать 10 талантов епископу и 5 солидов капелларию².

5. Если монетарий будет уличен в фальсификации (монеты), всё, чем он владеет, подлежит конфискации в казну епископа, а фогт отрубит у него руку.

6. Всякий, кто без разрешения монетария обменивает [нечеканенное] серебро [на чеканенную монету], грабит казну епископа, — за исключением столпов города (*institutores civitatis*, если они направляются в Кёльн, каковым [в таком случае] разрешается такой обмен, но не более 10 марок [всего]).

7. Если кто безрассудно войдет на территорию монетного двора, лишится милости епископа, а если он при этом кого-либо там оскорбит или нагло утащит [что-либо], он тем самым покусится на казну епископа.

8. И если кто-либо умышленно заведёт неправильные меры веса (*iniusta pondera*), он также будет рассматриваться, как грабитель казны (*etiam spoliat cameram*) [епископа].

Теперь о праве господина епископа. 9. От (суммы) торговой пошлины (*de theloneo*) епископу причитаются 6 талантов...

10. От дворов (*de curtilibus*) епископу должно давать 4 таланта к празднику св. Михеля.

11. Епископ дает гарантию безопасности (*ducatum*) входящим [в город] и выходящим [из него].

12. Всякий раз, когда епископ по приказу императора или по нуждам своей церкви отправляется в [папскую] курию, горожане (*urbani*) должны предоставить ему для военных нужд (*ad stipendium*) 10 талантов, а когда он направляется

¹ По всей видимости, имеются в виду старшие члены кафедрального капитула.

² Епископский казначей.

в Рим в поход или для своего посвящения, можно считать справедливым, чтобы горожане предоставляли ему субсидию, каковой он может пользоваться, пока они не потребуют [ее] обратно.

13. У кого будут найдены неправильные меры (*modii*), те уплатят епископу 15 солидов.

14. Кроме того, всякий суд по имущественным делам в городе (*omnis satisfactio... bonis redimenda*) относится к юрисдикции епископа, исключая самовольства и беззакония, а также за исключением дел, влекущих за собой смертный приговор или обезглавливание.

РАЗДЕЛ IV. А это есть городское право (*urbana iusticia*).

15. Если кто владел двором (*curtile*) в течение года и одного дня, без возражения [с чьей бы то ни было стороны], то пусть он впредь не отвечает ни на чьи претензии, разве что претендующий (*impetitor*) докажет, что он раньше не мог потребовать [уплаты чинша], отсутствуя [в Аугсбурге] по причине необходимости или беспомощности (*inopiae*), или потому, что ещё не достиг совершеннолетия.

16. Если кто бы то ни было получил право горожанина (*ius civitatis*), то его никто не должен обвинять по [феодалному] праву собственности или бенефиция (*de iure proprietatis vel beneficii*), но только согласно городскому праву (*secundum urbanorum iusticiam*).

17. Если чиншевик (*sensualis*) имеет супругу, дети которой принадлежат церкви³ (*filiis eius ecclesiae sunt*), и [которая] платила чиншевую деньги (*sensualem piumum*), и являлся на все три судебных заседания, которые фогту полагается иметь в течение года, то сверх того с него ничего не должно быть взыскиваемо, разве что он в конце жизни отдаст в [епископскую] курию лучшую голову скота и одежды, в которых он работал на своего покровителя⁴ (*praesoni suo*). И если кто-либо нарушит это его право, епископ будет ему защитником. И где бы [этот] чиншевик⁵ ни умер, всё, чем он владел, будет принадлежать епископу.

РАЗДЕЛ V. О праве фогта. 18. Фогт должен иметь в Аугсбурге 3 законных судебных заседания ежегодно, и тогда он обязан вершить суд ни по какому иному праву, но только

³ Очевидно, крепостную церкви.

⁴ То есть сеньора.

⁵ В тексте, видимо, описка: вместо *sensuales* — *census*.

лишь по праву горожан (*urbanorum iusticia*); и, за исключением этих трех законных заседаний, пусть никогда не является в Аугсбург не званым для совершения правосудия.

19. К юрисдикции фогта относятся бесчинство (*temeritas*), беззаконие (*iniusticia*), поединок.

20. В течение этих трех судебных заседаний каждый мясник уплатит в пользу фогта только 2 денария, а каждый пекарь — только 1 денарий. В течение этих трех судебных заседаний из поборов с трактирщиков (*banpogum tabernariorum*) две части будут [уплачены] епископу, третья же часть — фогту; и с каждого модия соли половина соляной пошлины (*dimidiam denariatam*) идет в пользу фогта.

РАЗДЕЛ VI. Теперь скажем о праве префекта. 21. Префект города должен ежедневно заседать в суде [и судить] по праву горожан. И пусть он ежемесячно приказывает испечь контрольные (*probaticios*) хлебы согласно испытанию холодной воды (*secundum iudicium frigide aquae*); и тот пекарь, который испечет эти хлебы хуже и меньше нормы, уплатит префекту 5 солидов; если совершит [это] вторично, снова уплатит префекту 5 солидов, в третий же раз, согласно праву горожан, будет высечен плетью и пусть отречется когда-либо печь хлебы в городе.

22. Если трактирщик изготовит недоброкачественное пиво (*servisiam*) или продаст его неправильной мерой, он должен быть наказан вышеназванным образом, и сверх того пиво уничтожается или бесплатно раздается бедным.

23. Каждый пекарь на рождество даст префекту 4 денария, и на пасху — 4 денария, а в день тела господня — курицу.

24. С каждого, кто покупает напитки, префекту причитается пошлина (*denariata*), а также с тех, кто продает пиво с помощью глашатаев (*presonibus*).

25. В праздник св. Михеля префект даст двум мясникам 26 денариев; в свою очередь, они пусть дают префекту в праздник св. Мартина хорошего бычьего мяса на 32 денария, и кроме того каждый мясник на рождество пусть посетит префекта с двумя лопатками [бычьего мяса?].

26. Также на праздник св. Михеля префект даст любому засольщику мяса 6 нуммов, а тот в свою очередь в праздник св. Мартина по справедливости даст префекту 6 бычьих голов.

27. И если кто-либо в городе будет схвачен либо за нарушение мира, либо за неуплату долга, засольщики должны его караулить.

28. Епископ отдает свой трактир в держание за 3 таланта,

и каждый, кто владеет им [т. е. трактиром], ежегодно отдает ему 30 солидов и еженедельно бочку (*ignae*) пива.

29. Каждый раз, когда епископ отправляется в поход к императорскому двору или в Рим для посвящения, префект дает ему 2 пары перчаток и шапку (*pilleum*) и, кроме того, свой вспомогательный отряд.

30. Если епископу будет принесена общая жалоба (*universalis quaerimonia*) на вину фогта или префекта, и после законного срока они не озаботятся удовлетворить [ее], пусть он своей властью отстранит (*privabit*) их.

31. Если кто-либо из горожан Аугсбурга будет ограблен вне города, то грабитель, если он войдет в город, согласно городскому праву, должен быть немедленно наказан, прежде чем уйдет.

Дано в Нюрнберге 11 июля в год от воплощения господня 1156.

Перевод с латинского выполнен Т. М. Негуляевой по тексту, помещенному в книге: *Keutgen F. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Bd. II, N = 125. Berlin, 1902.*

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

• <i>Стам С. М.</i> (Саратов) Некоторые актуальные вопросы изучения истории средневекового города	3
• <i>Курбатов Г. Л.</i> (Ленинград) К проблеме типологии Византийского города	19
• <i>Бессмертный Ю. Л.</i> (Москва) Расцвет феодализма и город (к постановке проблемы)	31
• <i>Майер В. Е.</i> (Ижевск) Общинные владения и традиции средневековых городов Германии в XIII—XVII веках	36
• <i>Сванидзе А. А.</i> (Москва) Социальная характеристика шведского бюргерства XIV—XV веков	40
• <i>Озолин А. И.</i> (Саратов) Землевладение королевских городов Чехии в XIV—начале XV века	45
• <i>Яброва М. М.</i> (Саратов) Кредит как орудие наступления купеческого капитала на ремесло и мелкую торговлю в Англии XIV—XV веков	54
• <i>Девятайкина Н. И.</i> (Саратов) Труд и богатство в этике Петрарки	64
• <i>Фрейденберг М. М.</i> (Калинин) Балканские города XV—XVI веков (опыт типологической характеристики)	74
• <i>Некрасов Ю. К.</i> (Вологда) Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны (осень 1524 — лето 1525 гг.)	79
• <i>Ролова А. Д.</i> (Рига) Особенности социальной структуры Флоренции во второй половине XVI века	99
• <i>Немилов А. Н.</i> (Ленинград) Немецкий город как центр культуры эпохи Возрождения	104

СООБЩЕНИЯ

• <i>Сатретдинов Г. К.</i> (Омск) Анри Пиренн о городе в период перехода от античности к средним векам	109
• <i>Лебедева Г. Е.</i> (Ленинград) К проблеме городского самоуправления в Византии VIII—IX веков	111
• <i>Савчук В. С.</i> (Калуга) Проблема раннего города полабско-прибалтийских славян в современной немецкой историографии	113

• <i>Серовайский Я. Д.</i> (Алма-Ата) Начало городского развития в XI—XII веках и эволюция феодальной собственности (по материалам истории Франции)	116
• <i>Карпачева М. Е.</i> (Саратов) Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркасса	118
• <i>Тушина Г. М.</i> (Владимир) Некоторые вопросы социальной структуры средневековых городов в современной французской историографии	121
• <i>Ефремов Е. А.</i> (Пенза) Города Славонии в XII—XIII веках и их социальная роль	123
• <i>Чурсина С. А.</i> (Омск) Генуэзская торговля сукном в XIII—начале XIV веков (по записям генуэзских нотариусов)	125
• <i>Шаферова Л. А.</i> (Красноярск) Патриции г. Котора — финансисты и дипломаты сербских правителей	128
• <i>Брянцева Т. П.</i> (Киев) Польские города XIII—XIV веков в современной историографии	130
• <i>Сметанин В. А.</i> (Свердловск) Особенности городского ремесла в Византии XIII—XV веков и восстание наемных рабочих в Константинополе в 1372—1373 годах	134
• <i>Завражин В. Н.</i> (Ленинград) К вопросу о поздневизантийской мануфактуре	136
• <i>Керов В. Л.</i> (Москва) Арнольд из Виллановы и антифеодальная оппозиция в южнофранцузских городах	139
• <i>Краснова И. А.</i> (Ставрополь) Социальная психология флорентийских буржуа XIV—XV веков в освещении К. Бека	143
• <i>Богодарова Н. А.</i> (Калуга) Городские мотивы в английской политической поэзии XIV—XV веков	146
• <i>Липатникова Г. И.</i> (Воронеж) Восприятие элементов античной культуры в городской культуре Чехии XIV—XV веков	148
• <i>Подальк Н. Г.</i> (Киев) Ремесло города Росток во второй половине XV — первой половине XVI века	150
• <i>Некрасов Ю. К.</i> (Вологда) Цеховое ремесло и ранний капитализм (Об одном аспекте социальной дифференциации ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI веков)	152
• <i>Молдавская М. А.</i> (Донецк) Народные движения в Провансе в первой половине XVI века	156
• <i>Трофимова О. В.</i> (Ярославль) Позиция городских низов на начальном этапе Гугенотских войн	159
• <i>Никулина Т. С.</i> (Куйбышев) Историк Ганзы и Реформации о движении Вулленвевера	162
• <i>Шишкина Н. Г.</i> (Ижевск) Историк ГДР о влиянии бюргерства на развитие антифеодальной борьбы в Германии XVI—XVII веков	164
• <i>Евсеев В. А.</i> (Ленинград) Проблемы истории английских провинциальных городов XVI—XVII веков в английской историографии XX века	166
• <i>Завьялова И. В.</i> (Одесса) Социально-экономическое развитие Лиона в XVI веке в освещении Р. Гаскона	169
• <i>Маркарянц Л. А., Якубский В. А.</i> (Ленинград) Городское землевладение и городское зерновое производство в Польше XVI века	171

- Постников В. А.* (Москва) Франческо Гвиччардини о политическом строе Флоренции 142
- Воробьева И. Г.* (Калинин) О демографии далматинского города XVI — XVII веков (донесения венецианских чиновников как исторический источник) 177
- Багурин А. П.* (Кемерово) Польский позднефеодальный город в послевоенной историографии 180

ТЕКСТЫ

- Аугсбург. Древнейшее городское право. 21.VI. 1156. — Перевод с латинского Т. М. Негуляевой (Саратов) 183

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Выпуск 6

Межвузовский научный сборник

ИБ 538

Редактор *И. М. Овчарова*
Художник *П. И. Карчевский*
Технический редактор *Л. В. Агальцова*
Корректоры *О. Н. Галанова, Т. В. Мокроусова*

Сдано в набор 5.09.79. Подписано в печать 5.12.80. ИГ54053.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 11,16(12). Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 800.
Заказ № 10030. Цена 1 р.20 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов,
Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», 410002, Саратов, Волжская, 28.

1 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА